Александр Мень. *О себе...*

Воспоминания,

интервью,

беседы,

письма

Александр Мень

О себе...

Воспоминания,

интервью,

беседы,

письма

Издательство «Жизнь с Богом»

Москва 2007

Составители:
Наталия Григоренко, Павел Мень

Редакционная коллегия:
Роза Адамянц, Виктор Андреев, Наталия Григоренко, Павел Мень, Марина Насонова

Художественное оформление:
Наталия Иванова, Александр Юликов

Компьютерная верстка:
Наталия Иванова

Корректоры:
Наталия Вторушина, Тамара Горячева

Издательство «Жизнь с Богом»

УДК 2
ББК 86.3
М 51
ISBN 978-5-903612-08-6
© Н. Ф. Григоренко, М. А. Мень, текст, 2007
© А. М. Юликов, художественное оформление, 2007

Содержание

7 *От составителей*

11 О моих предках и родителях

27 О наставниках и учителях

63 Читаю…

85 Найти новый язык для проповеди…

97 Вспоминаю 60-е годы…

181 О людях, встречах…

199 Веду переписку, беседую…

285 Основные жизненные принципы христианства

290 *Приложение I*
Даты жизни и служения

298 *Приложение II*
Перечень трудов протоиерея Александра Меня

От составителей

Со дня гибели о. Александра прошло немало лет. За это время интерес к его творчеству и личности все возрастает. Об этом говорят многотысячные тиражи его трудов и полные залы людей на вечерах его памяти. Духовные дети, друзья и близкие о. Александра не перестают обмениваться своими воспоминаниями и делиться ими с людьми, не знавшими его при жизни. За прошедшее время вышло в свет немало книг и статей с воспоминаниями об о. Александре, авторы которых пытались воссоздать образ дорогого друга, интересного собеседника, необыкновенного пастыря, ненавязчиво, но твердо и вдохновенно открывавшего людям образ Христа, Которого он любил больше всего на свете.

Однако наряду с удачными и точными характеристиками о. Александра в этих воспоминаниях встречаются иногда и вольные трактовки его личности. Соединяясь с распространяющимися среди его почитателей устными фантазиями и домыслами, они становятся источником легенд и мифов. Часто люди искренне и бессознательно приписывают великому человеку то, что на их взгляд еще более возвеличивает его, хотя на самом деле именно отсутствие этого качества делает его по-настоящему великим. Это достаточно распространенное явление, возникающее при почитании выдающихся личностей, и подвигло нас на составление данной книги, куда включены только цитаты самого о. Александра, рассказывающего о себе.

О. Александр всегда был окружен своими прихожанами, сопровождавшими его повсюду, а он дарил им себя. Его воспринимали как нечто, что будет всегда, как солнце, которое светит не переставая. К счастью, нашлись люди, которые, слушая его лекции, беседы или просто прислушиваясь к высказываниям, речам, советам, записывали многое по памяти или же непосредственно на магнитофон, стараясь сохранить для себя и для других голос любимого пастыря, его слова и мысли.

Благодаря этим прихожанам мы сегодня имеем многочисленные записи проповедей, бесед, устных комментариев к библейским текстам,

лекций, заканчивающихся, как правило, ответами на многочисленные вопросы слушателей, и просто воспоминаний о. Александра о себе. В этой связи хочется выразить огромную благодарность Зое Масленниковой, Александру Зорину, Светлане Домбровской, Лидии Мурановой, Марку Вайнеру, Александру Кунину, Владимиру Файнбергу, Михаилу Завалову и другим. Мы хотим также поблагодарить Александра Кремлева, Елену Демидову, Дмитрия Тобиса и Татьяну Алкснис. Они помогли сохранить эти записи, отреставрировать, расшифровать, перевести их в электронный вид и создать настоящий архив. Мы воспользовались записями, в которых, к нашей радости, находились фрагменты и даже длинные рассказы о. Александра о своем детстве, о родителях, о людях, повлиявших на его духовное становление, об учебе в школе и в институте, о выборе священнического служения, о сложных перипетиях самого служения и т. д. К этим текстам, лишь отчасти опубликованным ранее, мы добавили также отрывки из переписки о. Александра и несколько интервью, данных им в последние годы жизни.

Подготовленный сборник иллюстрирован большим количеством фотографий. Одни взяты из семейного альбома о. Александра и его родных, другие — более позднего школьного периода и последующих лет, принадлежат разным авторам. Мы приносим свои извинения за то, что не указали их имена. Некоторые фотографии сделаны Виктором Андреевым, другом юности о. Александра, долгие годы поддерживавшим с ним близкие отношения, другие принадлежат Сергею Бессмертному, которого о. Александр называл «нашим приходским фотографом», Виктору Аромштаму, Вадиму Тарасову, есть и немало замечательных фотографий Софьи Руковой.

При составлении сборника мы старались выдерживать хронологию, однако это не всегда удавалось. Читатель должен понимать, что перед ним не автобиография, а воспоминания о. Александра о себе и своем времени, рассказанные им в разное время и при разных обстоятельствах. Поэтому в конце книги мы поместили в хронологической последовательности перечень основных дат его жизни.

Надеемся, что этот сборник поможет всем интересующимся личностью о. Александра увидеть его таким, каким он был в действительности.

Рассказывая о своем духовном опыте и пути к Богу, о. Александр не раз с большой теплотой и благодарностью вспоминает маму Елену Семеновну, ее сестру Веру Яковлевну, схиигуменью Марию, о. Серафи-

ма Батюкова, о. Бориса Васильева и многих других, во многом определивших его жизненный путь. Это были люди необычайного мужества. В условиях подпольной Церкви, пройдя через лагеря и ссылки, в жестокие годы воинствующего атеизма, они сумели сохранить и передать другим огонь живой веры во Христа. Они явили пример подлинной духовности, лишенной ханжества и церковного формализма. Выросший в этой среде, о. Александр воспринял широту их взглядов, открытость миру и людям. С юных лет он стал понимать, что нет и не может быть такой сферы жизни, которой бы христианство не касалось. «Нет жизни "самой по себе, которая могла бы быть независимой от веры", — писал он впоследствии. — С юных лет все для меня вращалось вокруг главного Центра. Отсекать что-либо (кроме греха) кажется мне неблагодарностью к Богу, неоправданным обеднением христианства, которое призвано пронизывать жизнь и даровать "жизнь с избытком"».

И действительно, чем бы о. Александр ни занимался — живописью, биологией, Древним Востоком, историей религий, Священным Писанием и, наконец, священническим служением, все было пронизано любовью ко Христу и желанием служить людям. Его жизнь была на удивление цельной, ее невозможно отделить от того, что он говорил и о чем писал. Она стала подлинным свидетельством жизни во Христе и наставлением всем нам, как в обычной повседневной жизни, в трудах и заботах, в отдыхе, в общении с друзьями и недругами, в разных обстоятельствах и в разные времена быть христианином.

Владимир Григорьевич, Елена Семеновна и Алик

О моих предках и родителях

...О моих предках я, к сожалению, знаю не так много, поскольку не очень большое значение придавал «родству по плоти».

Происходили мои пращуры, очевидно, из Польши, если судить по фамилии Василевские (по материнской линии). Но в начале XIX века они жили уже в России, и мой предок был артиллеристом в армии Александра I. Сын его служил 25 лет при Николае I, в силу чего его дети получили право жительства в столицах.

Прабабушка моя, Анна Осиповна, могучая, волевая женщина, рано овдовела, однако сумела вырастить семерых детей: Николая, Владимира, Илью, Якова (отца Веры Яковлевны Василевской), Розу, Веру и Цецилию (мою бабушку). До самой смерти прабабушка командовала ими.

В молодости прабабушка тяжело болела, и ее исцелил отец Иоанн Кронштадтский. Она была религиозной на еврейский лад. Но ее дети стали вольнодумцами, интеллигентами. Еврейского языка (идиш) никто из них не знал.

Трое из сыновей были образованными, инженерами, жили в Москве. Это были мужики большой физической силы и с хорошими, светлыми характерами. Впрочем, Илья был смутьян, и его чуть не приговорили к расстрелу за оскорбление офицера: он был военным, солдатом, офицер оскорбил его в бане, и он своротил тому набок челюсть. Перед судом прабабушка в трауре пришла к генералу, упала на колени и сказала, что он у нее — «единственный». Парня не расстреляли, отправили в ссылку в Иркутск, а вскоре произошла революция.

Все мамины дядья умерли во время [Великой Отечественной] войны от голода. Как все крупные люди, они не переносили недоедания (Илья мог съесть 20 котлет за раз).

Роза была красивой и мечтала стать актрисой, но прабабушка этого не допустила. Роза вышла замуж за землевладельца из Финляндии и осталась там после революции. Ее дети, мои двоюродные дяди,

Анна Осиповна Василевская, прабабушка. Париж. 1911 г.

Храм Благовещения в Харькове, в котором праведный Иоанн Кронштадтский исцелил А. О. Василевскую

выросли там. Один из них погиб во время Финской войны. После смерти мужа Роза уехала в Израиль, где и умерла (туда же уехал и другой ее сын).

Цецилия, моя бабушка, была страстной, волевой, религиозной женщиной. Она мечтала о научной карьере, в 1905 году уехала в Швейцарию и поступила в Бернский университет. Там встретила юного одессита Соломона Цуперфейна и вышла за него замуж. У меня сохранился их брачный контракт. Дед обожал ее до конца дней. Умерли они почти одновременно. Его отец (мой прадед) был одесским контрабандистом бабелевского типа: был отчаянным, страшно пил, имел 22 ребенка, погиб по глупости, когда на спор полез в какой-то котел.

Бабушка и дед кончили университет, факультет химии, с докторскими дипломами. Во время учебы родилась в Берне мама. Дед между лекциями бегал взглянуть на нее. Был он сентиментален, постоянно говорил по-французски (его звали «французиком», быть может, за усы). Окончив университет, они поселились в Париже. Летом 1914 года приехали в Россию навестить родственников. Дед был мобилизован, а семья поехала в Харьков, где и жила до Второй мировой войны. Дед держал потом на стене свою полевую сумку, в которой застряла пуля.

Роза Василевская

Илья Василевский

Яков, Николай и Владимир Василевские. Харьков. 1914 г.

Семен (Соломон) Ильич Цуперфейн

Анна Осиповна Василевская с дочерью Цецилией. 1907 г.

Елена Цуперфейн в Париже

В Швейцарии бабушка слушала речи Ленина и сильно полевела. Потом стала очень советской — с полной искренностью. Поэтому, когда мама в восемь лет потянулась к вере, к христианству, бабушка начала с ней жестокую войну. Но, как стало ясно потом, тщетно. Шестнадцати лет мама сбежала из Харькова в Москву и поселилась у дяди Якова, подружившись с его дочерью Верой[1]. Одно время чуть не стала баптисткой...

Среди друзей мамы и Веры Яковлевны в детстве были Кунины и семья Розы Марковны Гуверман[2]. Дружба в два поколения. Иосиф Кунин сейчас музыковед (автор книг «Чайковский» и «Римский-Корсаков» из серии «Жизнь замечательных людей»). Его сестра Евгения, поэтесса, подруга А. И. Цветаевой.

Мать Веры Яковлевны увлекалась Толстым. В их доме я в детстве прочел кучу толстовских книг по религиозным вопросам. Но они тогда вызвали у меня острое неприятие. Только сейчас я оценил Толстого более объективно.

Прабабушка жила с ними. Она настояла на мамином браке и дождалась меня. Я ее помню, хотя она умерла, когда мне было полтора года. (Кстати, прабабушка ездила в Париж проверить, как ведет себя ее дочь в развратной Франции, — при этом не знала французского языка. Есть ее парижское фото в боа и перьях.)

Кроме военных и инженеров, у нас в роду было два писателя: Семен Юшкевич и Василевский (Не-Буква), посредственные беллетристы.

Родителей отца помню плохо. Дед был очень религиозным. Видел я его мало (он жил в Киеве). Его жена (звали ее Дина, ее я не помню) славилась своей мудростью, к ней ходили за советами.

Вот и все, что помню. Классовое происхождение: мелкая буржуазия, интеллигенция и военные.

---

[1] Вера Яковлевна Василевская (1902–1975) получила блестящее гуманитарное образование (дореволюционная частная гимназия, МГУ, Институт иностранных языков), стала кандидатом педагогических наук, специалистом по педагогике и детской дефектологии, работала в Институте дефектологии. Именно она стала для Александра тем человеком, знания которого в области философии, истории, богословия помогли заложить основы его энциклопедических знаний, увидела в нем необыкновенные дарования, творческий потенциал и с самого раннего детства всячески способствовала его развитию. О дружбе Елены Цуперфейн (Мень) с В. Я. Василевской и ее пути ко Христу см. кн.: «Катакомбы XX века». М., 2001.

[2] Кунины, Иосиф Филиппович (1904–1996), писатель, Евгения Филипповна (1898–1997), поэтесса, Роза Марковна Гуверман (1903–2000), искусствовед, жена Иосифа Филипповича.

Владимир Григорьевич и Елена Семеновна Мень в день свадьбы.
15 апреля 1934 г.

Семейное фото Меней, в среднем ряду (слева направо): Ютка и Броха Айзенберги (прабабушка и прадедушка), их дочь Дина и Герш-Лейб Мень (бабушка и дедушка)

Елена Семеновна с новорожденным Аликом. 1935 г.

Вера Яковлевна и Елена Семеновна

* * *

Я родился 22 января 1935 года в Москве, напротив церкви преподобного Симеона (что на Новом Арбате). Кстати, это был день памяти расстрела 9 января и рождения Павла Флоренского.

Мой отец окончил два вуза, работал главным инженером текстильной фабрики. Был очень терпеливый человек, добрый и веселый, но жил в страхе: его любимый брат был расстрелян в первые послереволюционные годы по наговору жены. Папа из-за этого не хотел жениться, женился только в 32 года (хотя атаковал маму много лет — шесть или семь).

В детстве отец учился в религиозной еврейской школе, помнил иврит и иногда читал наизусть пророков. Для него это была просто поэзия: учитель, который оказал на него влияние, был из гаскалы[1], т. е. из светских, и атеист. Он убил в отце веру (хотя настоящим атеистом отец не стал, был просто человеком нерелигиозным).

А моя мать в юности самостоятельно обрела веру, жила любовью к Христу.

Отец был постоянно занят своими делами; он был человеком очень честным, очень работоспособным и весь, целиком, отдавался работе.

Поэтому больше я общался с матерью, человеком глубокой веры, большого оптимизма и жизненной силы, и ее сестрой. Тетя была специалистом по дефектологии, по умственно отсталым детям, занималась с олигофренами и т. п.

Они были христианки, глубоко убежденные, и в самые трудные годы я был воспитан в традициях Православной церкви. И потом уже я это воспринял сам, как каждый человек должен воспринять встречу с Богом — личную; это уже не только традиция, а внутреннее...

Первые воспоминания

Есть такие дворы — серые колодцы (в Москве их, правда, мало). Окна дома, где мы тогда жили, выходили в такой колодец. Я в него смотрел, и было совершенно жуткое чувство: как будто я смотрю в ничто, в бездну. И из нее поднимались гигантские черные птицы... (голуби, которые прилетали клевать зернышки на окне). Это был такой ужас, но не

[1] Гаскала́ (*евр.* просвещение) — еврейское либеральное культурно-просветительское движение, возникшее в Европе во второй половине XVIII в. и выступающее против культурно-религиозной обособленности.

Алик. 1937 г.

Павел, Елена Семеновна и Алик. 1942 г.

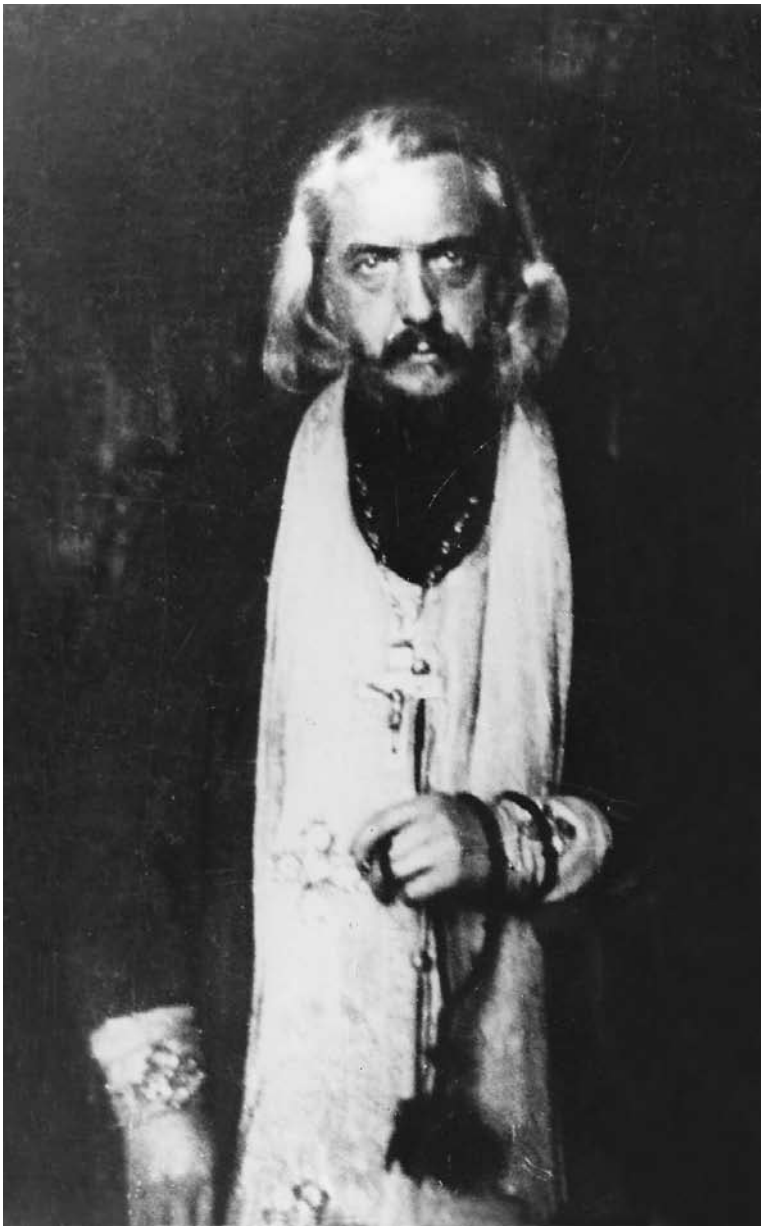
Дом № 38 на Серпуховке, в котором жила семья Меней

страх — я не боялся этого, нет. Ужас. Понимаете, вот серая бездонная пропасть — и из нее поднимается огромная черная птица... Это было не только ощущение! Это было почти на грани misterium tremendum — то есть тайны, которая потрясает. Врезалось навсегда: огромные птицы, летящие из бездны, не с неба — неба-то не было, — а из колодца...

С тех пор у меня всегда было особое отношение к птицам, которые парят; хищная птица — летящая, парящая — всегда совершенно особенным образом на меня действовала.

* * *

...В возрасте детском, дошкольном (может быть, в пять лет), особенно меня тяготила бессознательность поступков. Я сам ощущал, что многие поступки делаю несознательно, совершенно механически: я иду куда-то — меня ведут, я что-то делаю... Меня это ужасно удручало и обременяло, я хотел из этого состояния выйти, я хотел ясно отдавать себе отчет: что, зачем и почему. На самом деле это борьба между сознанием и подсознанием. Мне это не нравилось, но выходить на сознание тоже было несколько болезненно. Я остро помню момент, когда я осознал это свое, как говорят экзистенциалисты, бытие в мире: я потерялся в Серпуховском универмаге, вышел оттуда и вынужден был идти пешком домой один... И ощущение собственного одиночества для меня символизировалось в моей тени, которая шла передо мной. Я был в валенках, маленький, тем самым и тень была очень несчастной. Мне казалось, что это путешествие очень длинное...



Архимандрит Серафим (Батюков)

О наставниках и учителях

Основы веры были заложены в семье: матерью, теткой и их друзьями — духовными детьми архимандрита Серафима[1] (Батюкова) и «маросейскими»[2].

Отец Серафим умер довольно рано, в сорок втором году, и я с ним виделся мало. Я запомнил общение с ним, исповедь у него, комнату во всех подробностях. Это происходило на квартире у Сергея Иосифовича Фуделя (автора книги о Флоренском, сына священника Иосифа Фуделя). Это было в Загорске, где мы жили в то время.

Мое детство и отрочество прошли под сенью преподобного Сергия. Там я часто жил у схиигуменьи Марии[3], которая во многом определила мой жизненный путь и духовное устроение. Подвижница и молитвенница, она была совершенно лишена черт ханжества, староверства и узости, которые нередко встречаются среди лиц ее звания. В ней было что-то такое светлое, серафимическое. Всегда полная пасхальной радости, глубокой преданности воле Божией, ощущения близости духовного мира, она напоминала чем-то преподобного Серафима или Франциска Ассизского. Она недаром всегда, в любое время года, напевала «Христос воскресе».

---

[1] Архим. Серафим, в миру Сергей Михайлович Батюков (1880–1942). В 1928 г., не приняв «сергианство», перешел на нелегальное положение. У него крестились мать о. Александра, он сам и его тетя В. Я. Василевская. Подробнее об архимандрите Серафиме см. в кн.: «Катакомбы XX века». М., 2001.

[2] «Маросейские» — прихожане храма святителя Николая на Маросейке, в которой служили прав. прот. Алексий (1859–1923) и его сын священномученик прот. Сергий Мечевы (1892–1941) (канонизированы в 2000 г.). Подробнее о них см. в кн.: «Маросейка». М., 2001.

[3] Схиигуменья Мария (1879–1961) принадлежала к Катакомбной церкви. Проживала близ Троице-Сергиевой лавры, была настоятельницей небольшого тайного женского монастыря. Воспоминания о ней см. в кн.: «Катакомбы XX века». М., 2001.

Схиигуменья Мария

Дом схиигуменьи Марии в Сергиевом Посаде (бывшем Загорске)

Матушка впервые дала мне читать Библию. Конечно, я имел достаточно ясное представление об общем ходе Священной истории: раньше у меня была «Священная история», я читал какие-то отрывочки — мама мне читала. А матушка мне принесла большой том и сказала: «Ну вот, читай». Я говорю: «А как?» — «Прямо так вот, бери сначала — и читай». И я стал читать... К тому же у нее оказался альбом картин Доре, и картинки мне очень помогали. Тогда меня особенно привлек Апокалипсис, я даже написал на него «толкование».

Что я извлек из общения с ней? Она была монахиня с ранних лет, очень много пережила, много испытала в жизни всяких тягот, но она сохранила полностью ясный ум, полное отсутствие святошества, большую доброжелательность к людям, юмор и, что особенно важно, — свободу. Никогда не забуду: когда я был маленьким, матушка говорила: «Сходи в церковь, постой, сколько хочешь, и возвращайся», — она никогда не говорила: «Стой всю службу». И я шел в Лавру и стоял довольно долго. Наверное, если бы матушка сказала: «Стой всю службу», — то я бы томился. Я не очень любил длинные лаврские службы. Это я вам говорю искренне, вполне откровенно. Но чаще всего я стоял всю службу, потому что мне была дана возможность уйти когда угодно. Матушка

редко, так сказать, морализировала. Она мне всегда рассказывала какие-то бесконечные истории — фантастические и реальные, бывшие с ней или еще с кем-то. Они были как притчи — из каждой можно было извлечь какой-то урок.

* * *

Был еще Борис Александрович Васильев[1] — старинный друг нашей семьи, который оказал на меня большое влияние.

Его приход был всегда своего рода праздником. Хорошо помню его высокую фигуру, внушительные интонации, спокойную логику его рассуждений. Трудно было поверить, что над ним постоянно висит дамоклов меч. Это был не только человек глубокой веры, но и подлинный ученый. Все интересующие его проблемы он исследовал обстоятельно, неторопливо, придерживаясь строго выверенных методов и фактов. Он не изменял своим установкам, о чем бы ни шла речь: о Древнем Востоке, этнографии или литературоведении. Великолепно знал культуру Египта и Вавилона и часто рассказывал мне, тогда еще школьнику, о связи между Востоком и Библией. Помню, как однажды он читал мне древнеегипетский текст и объяснял, чем он отличается от Священного Писания и что у них общего. На суд Борису Александровичу я приносил и свои первые юношеские «опусы».

Он работал в университете, на кафедре этнографии; преподавал историю Древнего мира, читал лекции по Древнему Египту и Вавилону. Именно он поддержал мой интерес к Древнему Востоку, у него я брал книги. Борис Александрович был из прихода Мечевых. У него были периоды и ссылки, и тюрьмы. Потом был реабилитирован, принял сан, но служить не мог: были разные внешние препятствия, и так до конца, до пенсии... Никто в университете не знал, что Борис Александрович — священник.

Будучи антропологом, Васильев признавал обоснованность эволюционной теории происхождения человеческого тела и психики; но как богослов, он был убежден в особом высшем происхождении духа в человеке. Для него не существовало противоречия между наукой и религией, которые с его точки зрения лишь дополняют друг друга. Духовную жизнь, которую Васильев обрел в маросейской общине, он считал важнейшей школой, которую не могут заменить никакие знания.

---

[1] Свящ. Борис Васильев (1899–1976) после о. Николая Голубцова был духовником о. Александра.

Иерей Борис Васильев. Рисунок Александра. 1957 г.

Он опубликовал только одну работу: о культе медведя на Дальнем Востоке, у урочей. Работа касалась дальневосточных народов и тотемизма. Когда Борис Александрович был в ссылке, он собрал там материал, довольно неплохой. Это было где-то на Востоке. Потом он туда ездил, принимал участие в экспедициях. Больше он почти ничего не писал.

Любовью его жизни был Пушкин. Он всю жизнь изучал Пушкина и в конце своих дней начал писать книгу о Пушкине; она осталась незавершенной, но все-таки основные мысли были там высказаны.

Борис Александрович высоко ценил наследие русских религиозных мыслителей. Именно он привил мне любовь к Вл. Соловьеву, С. Булгакову и Н. Бердяеву в те далекие годы, когда о них у нас почти никто не знал.

Б. А. Васильева и его жену, Татьяну Ивановну, тонкую одухотворенную женщину (она была логопедом, лечила детские дефекты речи), всегда окружали друзья из маросейской общины. Эта община не распалась даже десятилетия спустя после смерти отца и сына Мечевых. В конце 40-х и начале 50-х годов у Бориса Александровича в старинном доме на Молчановке, близ Арбата, систематически устраивались чтения и семинары по вопросам духовной культуры, занятия для детей. Вспоминаются вечера, посвященные Пушкину, Чехову, раннему христианству, уроки Закона Божия, которые вела Татьяна Ивановна. С ней мне приходилось много общаться, и она тоже очень много мне дала...

А ведь все это происходило в зловещие сталинские годы! Однако Васильев и его близкие слишком ясно сознавали свой долг — донести эстафету до новых поколений, не отступить под давлением страха. Пережив многие невзгоды, всегда ожидая новых репрессий, они, не колеблясь, шли по выбранному пути. И мы — младшие — обязаны им больше, чем это можно выразить...[1]

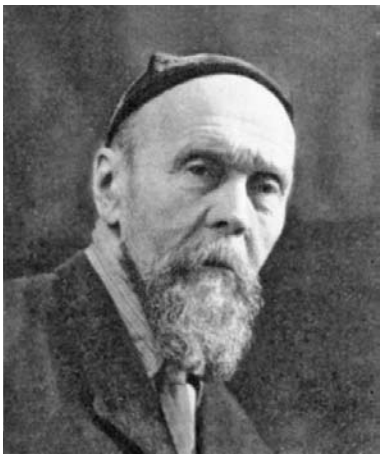
* * *

Работы Василия Алексеевича Ватагина, скульптора-анималиста, были мне дороги с раннего детства (иллюстрации к «Маугли» и др.). Я видел, что он понимает саму душу животного. В его скульптурах и рисунках

---

[1] Книга свящ. Б. Васильева «Духовный путь Пушкина» была опубликована в Москве в 1994 г. Данный фрагмент воспоминаний взят из предисловия С. С. Бычкова к этой книге. Кроме того, о. Борис — составитель книги: «Мечев Алексей. Проповеди, письма, воспоминания о нем». Париж, 1989. Рукопись в начале 1970-х гг. была переправлена в Париж о. Александром.

Алик. 1944 г.



Василий Алексеевич Ватагин

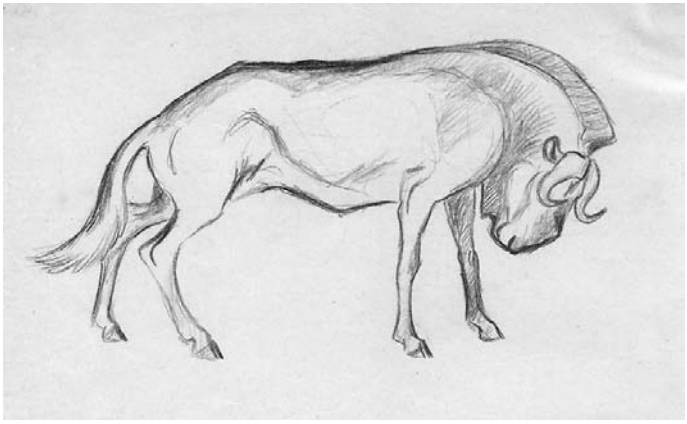
была та зоологическая мистика, которая была мне родственна всегда. И еще я чувствовал (как потом и подтвердилось), что он раскрывал образ животного «изнутри» с помощью средств древневосточного искусства, которым я увлекался.

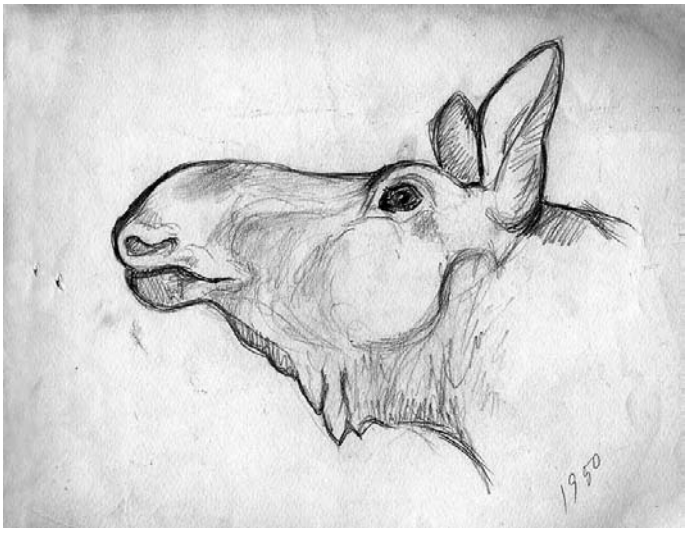
Впервые мы с ним встретились в 1950 году (привела меня к нему сестра академика Баландина). Меня поразила сначала его скромная внешность: сухонький старичок с редкой бородкой, с дребезжащим голоском, в тюбетейке (было в нем что-то от Рериха). Это казалось контрастом с той первобытной мощью, которая жила в его творениях. Я стал еженедельно ходить к нему на уроки. Он писал картины в Зоологическом музее на [улице] Герцена. С жадностью следил я за самим процессом его работы. Это дало мне больше, чем любые слова и книги.

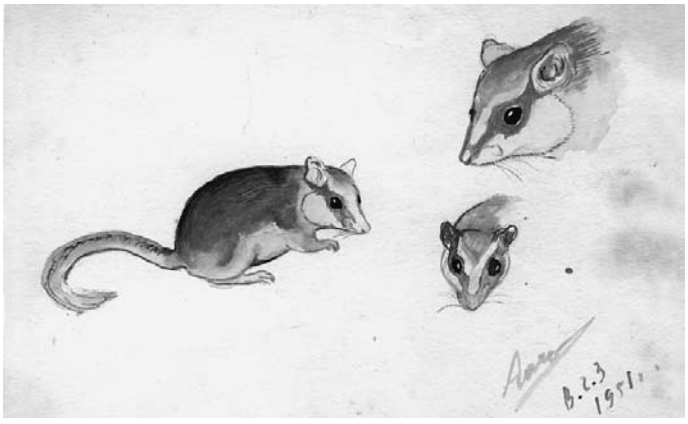
Он был простой, добрый, задушевный, какой-то детский. Было сталинское время. Все друг друга боялись. Но он был со мной, пятнадцатилетним мальчишкой, откровенен. Помню, с какой иронией он отзывался о заказе написать орла в подарок Сталину от музея (помню и орла этого). Рассказывал он много о своей жизни и понимании зверей. Они его любили. Один раз даже на улице воробей сел к нему на руку. Помню, он говорил, как похожи оказались новооткрытые мозаики [Киевской] Софии на врубелевские картины.

Его мастерская была чудом. Все эти животные были не только живы, но и казались одухотворенными. Он учил меня видеть в фигуре животного основную конструкцию, скелет, лепку мускулатуры. Я по четвергам рисовал скелеты вымерших тварей в Палеонтологическом музее, а в пятницу шел к нему. Он сам показывал мне, как делается реконструкция.

Во всем, что он делал и говорил, меня удивляла простота. Позднее я узнал, что он увлекается теософией, и, уже будучи священником, я с ним говорил о вере. Он не был фанатиком, просто очень любил Индию и охотно принимал все, что от нее исходит. Как-то он в недоумении спросил меня: а что с этим будет в Царстве Божием? Он имел в виду







Рисунки Александра, сделанные во время учебы у художника Ватагина. 1950–1951 гг.

Валентина Сергеевна Ежова

свои произведения. Я высказал мнение, что все прекрасное, созданное человеком, причастно духу и в каком-то смысле приобщено бессмертию (эту мысль я нашел и у Д. Андреева). О Царстве Божием мы говорили в связи с различием взгляда на мир и его динамику в Индии и в Библии. Он слушал внимательно и не возражал. Догматиком в теософии он не был. И не создавал своих концепций, как Рерих.

* * *

Была еще одна замечательная женщина — Валентина Сергеевна Ежова, которую я считаю для себя очень дорогим человеком, оказавшим на меня влияние в детстве. Это была пожилая дама, детский психиатр и педагог; она никогда не работала, поскольку в юности, после университета, перенесла туберкулез костей. Она очень долго лежала. Потом, когда встала, частным образом воспитывала трудных детей. Валентина Сергеевна рассказывала, что подняла и подготовила в институт девочку, которая имела болезнь Дауна, что, конечно, является чудом. К Валентине Сергеевне приходили разные «идиотики», не говорящие, не умеющие даже одеваться... Она их «вытягивала».

Конечно, талантище был огромный. Но мировоззрение у нее было крайне спутанное. В юности Валентина Сергеевна училась вместе с моей теткой в университете. Была ученицей Челпанова и других видных психологов того времени. Она очень увлекалась литературой йоги, преимущественно по книгам Рамачарака и других авторов, которые тогда выходили. Она создала собственное мировоззрение, такое самодельное, оно было слеплено из кусков йоги и чего-то еще. Но в чем-то она мне помогла — мы с ней без конца диспуты вели. Мои родители были в ужасе от этого, потому что она совершенно забывала, что мне двенадцать лет, и начинала на меня давить (представьте себе: такая мощная женщина с лицом Эммануила Канта — белые волосы, огромного роста, очень резкая). Я помню, как я с ней спорил — прямо на равных! И это давало мне возможность выяснить некоторые проблемы.

Созерцание деятельности. Рисунок В. С. Ежовой

Она говорила о перевоплощении, о сатане, о тайне дьявола, но я уже сам начинал разбираться, быстрее соображать.

В ее мировоззрение входил психоанализ, Фрейд. Тогда никто слыхом про это не слыхал, а она читала Фрейда в годы своей молодости. (Как раз в двадцатые годы, когда она училась, выходил Фрейд в переводах Ермакова. Конечно, она это все читала и изучала.) И она меня во все это толкала.

Так вот, эта Валентина Сергеевна Ежова подарила мне первую книжку по библейской критике. Какой это был год? Я думаю, год сорок восьмой или сорок девятый, а может быть и раньше. Это была книга о Ренане: «Ренан и его "Жизнь Иисуса"» Ряшенцева[1]. Мои родители очень возмущались: «Что же это вы такую гадость ему даете?» Но не давили — возмущались, но все это разрешали мне читать. Я радостно вцепился: оказалось — вовсе не гадость, а хорошая книга.

Валентина Сергеевна жила с племянницей. Детей у нее не было, замуж не выходила. Была интересной художницей — рисовала такие стилизованные картинки. У меня одна висит дома, «Созерцание деятельности» называется... Звучит мрачно, но у нее всегда так.

Потом я к ней приезжал, ее причащал. Внешне она уже была внутри Церкви, хотя с перевоплощением никак не могла расстаться. Всегда мне говорила: «Куда же деть все души?» Я ей отвечал: «Что же, у Бога мало места, что ли? Если души раскидать по Млечному Пути — если даже они вещественны, эти души, — то все равно он пустым останется. Пусть, допустим, каждая душа в пространстве величиной с футбольный мяч. Сколько миллиардов душ!? Да одной галактики не займут!»

* * *

Когда мне было лет 15, произошло короткое знакомство с отцом Андреем Расторгуевым[2], который служил в храме в Сокольниках; оно очень много мне дало. Это был человек искренней веры, ума, добротных знаний и без ханжества (увы, Левитин[3] пишет о нем иное, но я тогда этого не чувствовал).

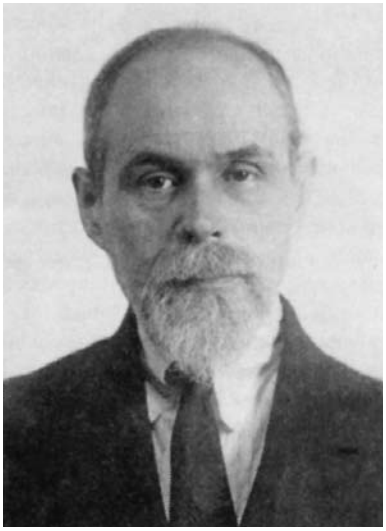
---

[1] Архиеп. Варлаам (Ряшенцев) (1878–1942?), русский православный богослов. Упомянутая книга — «Ренан и его "Жизнь Иисуса"». 3-е изд., Полтава, 1908.

[2] Прот. Андрей Расторгуев (1893–1970). В 1923 г. ушел в обновленческий раскол. В 1943 г. после принесения покаяния был поставлен настоятелем Воскресенского храма в Сокольниках. С 1951 по 1954 г. о. Андрей служил в Берлинской епархии.

[3] А. Э. Краснов-Левитин. «Дела и Дни». «Поиски», 1990.

* * *



Николай Евграфович Пестов

...К Николаю Евграфовичу Пестову[1] я пришел уже с какими-то определенными взглядами. Он был профессором Менделеевского института, химиком, доктором наук. У него бывало много людей, с которыми он общался. Вообще у него было призвание к священству, но, поскольку он имел какие-то канонические препятствия (второй брак, кажется), он не стал священником.

Когда я к нему пришел впервые, вошел в кабинет, где была масса икон, и вдруг увидел на столе Терезу, Маленькую Терезу[2], это было как бомба! Тогда (это был, может быть, пятьдесят второй или пятьдесят первый год) никто о ней слыхом не слыхал. Сам он, когда писал книгу об Апокалипсисе, в основном питался антирелигиозной литературой о Ватикане. То есть у него было некое экуменическое настроение, когда и слова «экуменизм» у нас никто не знал. И на этом мы с ним как-то сблизились и сошлись. Правда, в последние годы он, кажется, от этого отошел (и Терезу убрал, как мне говорили). Уже тогда это был пожилой человек — он умер сильно за восемьдесят.

Николай Евграфович написал многотомную книгу о христианской нравственности, которая называлась «Путь к совершенной радости»; она ходила по рукам. Книга эта как раз мне не очень понравилась, хотя там было много материала; она в основном состояла из цитат, взятых у различных писателей. Есть там разные аспекты — например, христианский брак, много хороших цитат, но просто, как всякое нравственное богословие, оно всегда немножко более скучное, чем нравственность сама.

---

[1] Николай Евграфович Пестов (1892–1982), доктор химических наук. Его труды изданы в 3-х томах под общим названием «Современная практика православного благочестия». СПб., «Сатис», 1994–1995. Подробнее о нем см. в кн.: «Серафимово благословение». М., 2002.

[2] Тереза из Лизье (1873–1897), французская монахиня-кармелитка. В XX в. широкую известность получила ее духовная автобиография «История одной души». Рус. пер.: Париж, «Соль земли — Свет мира», 1955.

2-й класс школы № 554, Александр Мень — второй справа во втором ряду

Но все-таки он в чем-то укрепил мое экуменическое настроение, потому что до этого я не встречался ни с одним человеком, который бы эти вещи как-то понимал. И, кроме того, в области истории Церкви он первый четко заговорил о том, что надо отличать существующую Церковь внешнюю от той тайны, которая в ней живет. И я это чувствовал, но для меня это было проблемой в те годы.

В общем, у меня на самом деле было много учителей. Но в школе учителей таких не было.

* * *

Я учился в 554-й Московской мужской школе (напротив Плехановского института). Воспоминания о школе (1943–1953) довольно мрачные: я учился в школе, где были голодные учителя, где ученики собирали крошки хлеба, где совершенно дикий директор был похож на Карабаса-Барабаса, где учителя часто походили на садистов — у нас учителя литературы так и назывались: «фашисты».

Школа и сейчас существует. Она внешне очень похожа на тюрьму. Я не помню большего отвращения в жизни, чем хождение туда, — самое гнусное впечатление за всю жизнь.

А школа была обыкновенная: палочная дисциплина, нас водили всех «шагом, марш!» — война... Мы школу ненавидели! Всеми фибрами души. Сколько хватало сил.

Поскольку я кое-что почитывал, то уже во втором классе что-то соображал. Я спросил у нашей учительницы (когда она нам описала штурм Зимнего), что такое «юнкера». Она ответила, что «так назывались собаки Временного правительства». Я понял, что глухо дело...

Я слышал от учителей глупости, я понимал, что говорят чепуху. Это было крушение. Я сталкивался с учителями духовно нищими, которым нечего было нам сказать. Помню, учитель истории, чудесный человек, — он приходил, вытаскивал из кармана тетрадочку и прочитывал по ней то, что было написано в учебнике. А поскольку наш учебник был переписан с дореволюционного, с некоторыми искажениями, то получалось очень смешно: я приносил старый дореволюционный учебник и следил по нему... Но я его не сужу, он был хороший человек. Это было такое время, он боялся отступить куда бы то ни было.

Все, что в школе говорилось, я воспринимал наоборот. Но ни на чем не настаивал — потому что понимал, что это рабская мертвящая система, что мы все — идиоты, начиная с директора и кончая

последним учеником, что нам деваться некуда и что все, от начала и до конца — ложь.

В четвертом классе я жил уже в полной оппозиции. Не вступал даже в пионеры: будучи старостой класса, я надеялся избежать этой унизительной процедуры, и потом, когда меня потащили насильственно и поставили перед классом, все сделали «зиг хайль» и произнесли эту клятву, — я просто стоял, опустив руку, и молчал. И, надо сказать, в школе испугались шума, потому что время было сталинское — смели бы всех, вместе со школой; поговорили — и так и заглохло. Вызывали маму, она мне сказала: «Поступай, как хочешь», — она же понимала, что это формализм; и я понимал, но все равно не хотел — у меня слишком велико было какое-то инстинктивное отвращение.

Я и сейчас считаю, что ни комсомола, ни пионерии не существует. Это миф. Когда-то это была организация, но она была до того, как я родился на свет. А потом это стало просто возрастной категорией: такой-то возраст — ты считаешься пионером, такой-то — ты комсомолец. И все. Хотя и поют: «Комсомол не просто возраст, комсомол — моя судьба». Но, в общем, это возраст (и соответственно — судьба). Тут не о чем говорить: человек автоматически становится комсомольцем, так сказать, в процессе половой зрелости — это почти одно и то же.

Кстати, формально в уставе комсомола не сказано, что ты должен быть обязательно атеистом; там написано: «бороться с религиозными предрассудками». Мы, верующие, боремся с ними с гораздо большим энтузиазмом, чем атеисты: атеистам наплевать, а нам неприятно, когда есть религиозные предрассудки.

Из учителей с благодарностью вспоминаю двух-трех человек. В четвертом классе была пожилая учительница, разведенная. Мы всегда к ней ходили домой — у нас там был клуб «Совершенно Знаменитых Капитанов». Она как-то растворилась в этих детях. Это на всю жизнь осталось.

Я их всех водил в церковь, вместе с ней, во главе. Но это было недолго. Потом она мне сказала: «А ты знаешь, Алик, я в церковь перестала ходить». И я почему-то счел неудобным спросить ее: почему? Я понял, что это скорее из страха. Тогда было неопределенное время, сталинское; неизвестно было вообще, куда повернет колесо истории. Все-таки она продолжала собирать ребят.

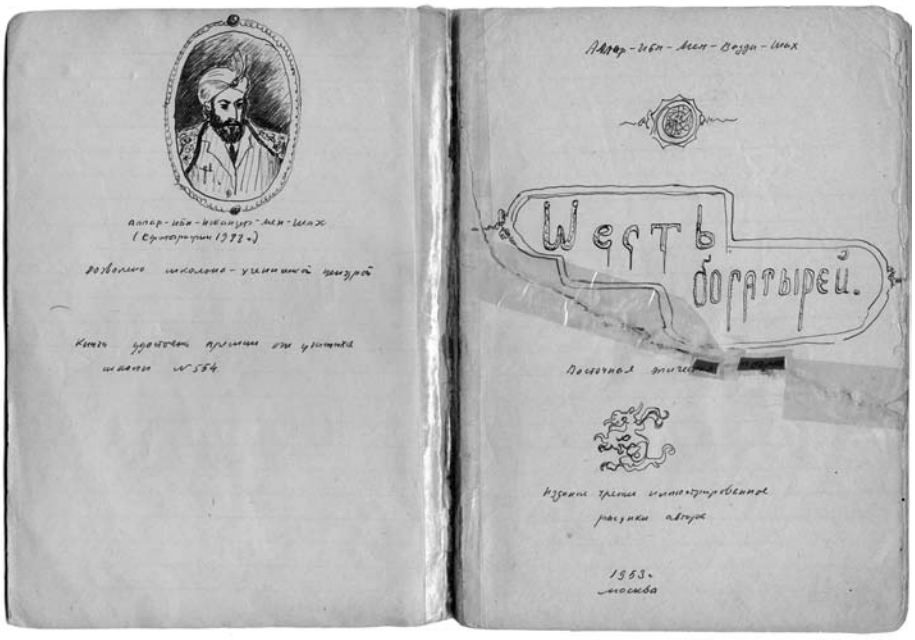
Я кончил школу в год смерти Сталина и сказал себе, что моя профессия любая, только учителем не быть: трудно, чтобы тебя так

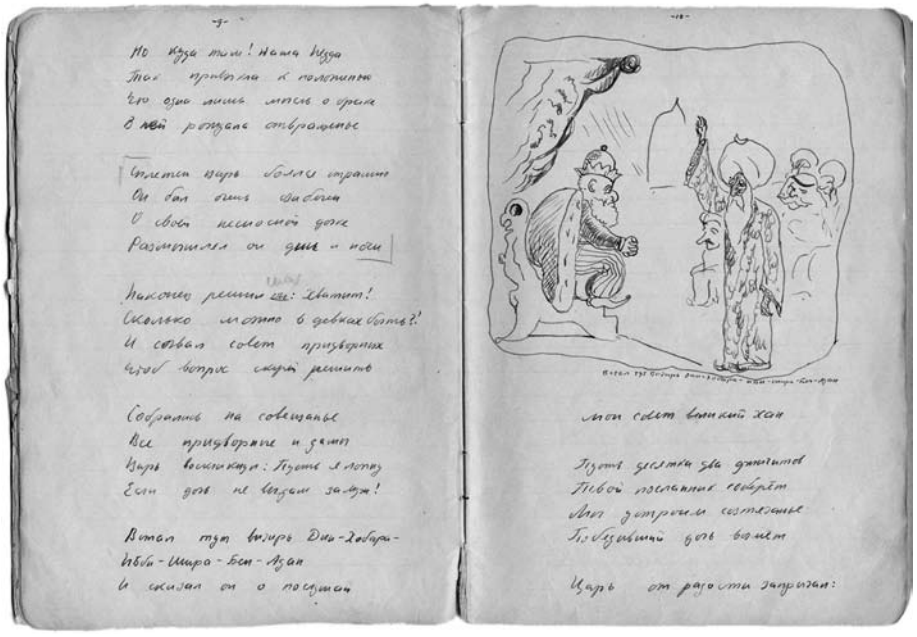
Ученики 4-го класса с учительницей Анной Степановной (?), которую с благодарностью вспоминал Александр

ненавидели — потому что мы все ненавидели учителей, и им тяжело было с нами...

Но все-таки из нашей школы вышли Тарковский и Вознесенский, которые учились на класс старше; младше меня был будущий священник Александр Борисов... Еще кое-кто: очень известный кардиолог Серегин, который работает в Институте Вишневского; арабист-востоковед Озолин (с ним мы в одном классе учились). А так, от школы — ничего, кроме негативных воспоминаний. Учился я без особого энтузиазма, было неинтересно...

У меня были учителя другие, не в школе; у меня были живые примеры, живое общение с людьми, которые были ровесниками моих родителей. Это люди, которые в то время прошли уже через лагеря, через все. И я, будучи ребенком, общался с ними, наблюдал, беседовал, видел. На них и воспитывался.





Страницы тетради с сатирической поэмой о школе «Шесть богатырей»

Александр, Павел, Мария Куприянова (дочь о. Бориса Васильева) и Елена Семеновна на даче под Москвой (ст. Отдых)

Группа вооповцев (Александр в центре). День птиц в Московском зоопарке. 1952 г.

Осиада

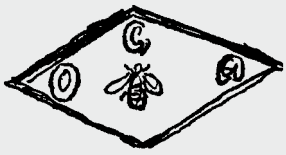
Сиречь страшная и ужасная
повесть
о бывшем некогда
Всероссийском обществе
охраны природы[1]

Безумству храбрых
поем мы песню!...
Горький

[1] Поэтический рассказ об эпизоде в среде юннатов, сочиненный и проиллюстрированный Александром в школьные и студенческие годы; взят из рукописной тетради (архив Фонда).

Историческая справка

Со знойного юга я перетащу тебя, читатель, в мир происшествий городских будней. Все, что услышишь ты здесь, почти до мелочей подлинная (не завуалированная) истина. Для вящей убедительности дам несколько исторических справок:
1) ВООП — это Всероссийское общество охраны природы — захиревшая организация (адрес: проезд Владимирова, дом 6).
2) П.П.С — Петр Петрович Смолин, старый аферист, руководитель юношеской секции общества, враг свободы и «друг детей». Ныне сотрудник Дарвиновского музея.
3) Иуда — Юлия Маркина — тогда учащаяся школы № 113. После ряда преступлений она была выгнана и скрылась во мраке.
4) Оса — Объединенный союз авантюристов — компания друзей, называвших себя осами. История этих деятелей описана в поэме «Осиада», которая впервые увидела свет в годовой юбилей Осы в 1951 г.



У лукоморья тощий кот
Все песню старую поет
Про королей, да про царей,
Да семерых богатырей.
Довольно врать про старину,
Напомню вам я быль одну.

Однажды старый враг небес
Хромой и волосатый бес
По дряхленькой земле блуждал
И поэтично тосковал.
Ему наскучила халтура,
Он жаждал крупной авантюры.

Вдруг видит бес — стоит ВООП,
Пернатым друг, а кошкам гроб.
О'кэй! — вскричал рогатый плут, —
Поживы будет много тут!
И в ад отправившись скорей,
Он на совет созвал чертей.

Он начал: Джентльмены черти!
Ужель вы не боитесь смерти?
Ведь план нам нужно выполнять
И все старанья напрягать,
Чтоб благоденствовал обман
В толпе бесхвостых обезьян.

Но нам, друзья, бороться надо,
Ведь есть у нас одна преграда.
ВООП над нами процветает
И землю в Тартар превращает.
Войну объявим конкурентам!
ВООПу смерть! (Аплодисменты.)

Шумел весь ад, дрожали стены,
Из пастей ж их летела пена...
Тут Сатана, восстав, сказал:
— Друзья, мне опыт подсказал,
Что надо вызвать инцидент,
И да погибнет конкурент.

И порешили все потом.
А тут как раз в ВООПе том
Была компания одна.
Осой, друзья, звалась она.

Осиаты, или просто осы,
Хотя и не платили взносы,
По воскресеньям собирались,
Смеялись, пили и питались.

Во избежание сомнений
И прочих всех недоумений,
Не разглашались те собранья,
Поскольку общего признанья
Оса в ВООПе не добилась
И осторожно затаилась.

* * *

О ты! Безглазая Фортуна!
Зачем ты есть в стране подлунной!
Но слава уж твоя померкла,
Тебя наука опровергла.
Как древний змей среди цветов
Подарок твой Осе готов.

* * *

Раз в снежный зимний вечерок
Осиный собрался кружок.
Была средь нас одна Иуда,
Она молчала, и посуду
Нам в мрачном настроеньи мыла
И злую мысль в душе таила.

Ей нашептал на ухо бес
Пойти в тот вечер к П.П.С.
Она пошла и все сообщила,
Осу помоями облила,
И ад ее речам внимал
И с Сатаною ликовал.

И стали бедные осисты
Воры, бандиты, нигилисты,
Стиляги, подрывная банда
И темных личностей команда.

* * *

Раз в М.Г.У. собрались дети
Доклад заслушать дяди Пети
О том, как птичек содержать
И на гнездовья привлекать.

В момент, когда доклад начался,
Один субъект туда примчался,
Его я называть не буду,
Так же как нашего Иуду.

Он заревел, сверкнув глазами —
Двумя горящими углями.
Скажите, сколько вас в Осе,
Об ней давно уж знают все.

Но это благо лишь начало,
Оса совсем по швам трещала,
Но нам ли, братцы, унывать,
Нам на несчастья наплевать.

* * *

Рекламой грянул слет трескучий.
Скворешни, старых чучел кучи,
Плакаты: охраняйте птиц,
Рисунки дятлов и синиц.

Поднялся занавес с дровами,
Предстал президиум пред нами,
А сзади тряпки вниз свисали,
Зеленый лес изображали.

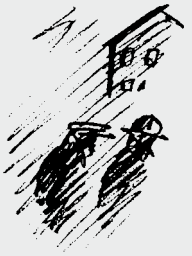
Доклад Гладкова. Та же тема.
Скрипела нервная система,
Когда кормили снова нас
Халтурой старой в сотый раз.

* * *

Вот слет окончен. Бражка[1] *Ос*
Ползет со смехом на мороз.
И вдруг Иуда подбегает
И всех осистов приглашает
К себе на вечер (смех и стыд!
Но разум глупости простит).

[1] Бражка — веселая компания.

Она нас долго приглашала,
Чем только можно обольщала,
И мы придти решили к ней.
Итак, друзья, прошло пять дней.



* * *

Лишь только ночь Москву накрыла,
Москва окошки засветила,
В проулках фонари зажглись,
А мы к Иуде собрались.

Едва вошли, едва разделись,
Тотчас пластинки завертелись,
И чтобы время скоротать,
Решили осы поиграть.

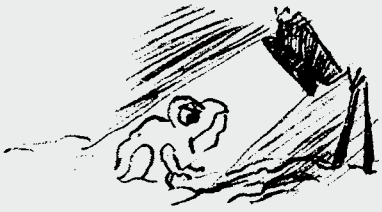
Мы танцевали, песни пели,
Пластинки старые хрипели
Романсы тощие. Но вот
Настал питания черед.

О Эпикур! Что нам подали!
Клянусь юпитером, не ждали
Таких мы прелестей никак,
Давно не кушали мы так.

Но что б вы думали, ребята?
Бананы? Дыни? Поросята?
Или соловьи язычки?
Нет. Но такие пирожки,
Что я их столько сразу съел,
Что моментально заболел.

А по Осе указ был дан,
И был суда составлен план,
И мы решили закусить,
А после суд учередить.

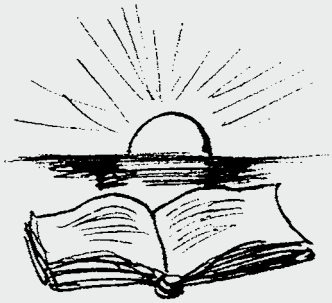
Иуда обо всем узнала,
Бежать решивши, тихо встала,
Но мы, увидев эти штуки,
Схватили все ее за руки:
Постой, милейшая Иуда!
Живой ты не уйдешь отсюда.



Друзья, описывать не буду
Все чувства нашего Иуды.
Прав Данте Алигьери был,
Что ниже всех он поместил
Предателей в «Аду» своем.
Найдется нашей место в нем.

* * *

Прощайте, милые друзья,
На этом заключаю я.
Все изменилось с этих пор,
Умолк веселый разговор,
Менялись люди и года,
Теряясь в дали навсегда.



* * *

Я рано получил прививку против культа Сталина. В школьные годы на тренировке в результате несчастного случая погиб мой одноклассник. Те, кто находился с ним в последние минуты, рассказывали, что, умирая, он говорил со Сталиным, который пришел взять его к себе. Нас, его товарищей, это озадачило: прежде мы не замечали в нем какой-то особой «идейности» (как тогда выражались). И в тот момент у меня впервые мелькнула догадка: «Ведь это религия!» В душе умирающего нечто высшее, священное приняло облик отца, которого мы привыкли благодарить за счастливое детство. С годами догадка превращалась в убеждение, подкреплялась множеством наблюдений и, в конце концов, помогла пониманию огромной исторической трагедии, ставшей фоном юности моего поколения.

Именно в сталинское время на рынке, среди гвоздей и морских свинок, я нашел старые книги Владимира Соловьева, Сергия Булгакова и читал... с дрожью. В то время, когда не было ни самиздата, ни «тамиздата», когда в сфере философии печаталась только ахинея, которую нельзя было брать в руки, я открыл мир великих мыслителей...

В юности мы гонялись за книгами. Я школьником работал, ездил в Крымский заповедник, чтоб заработать на книги и приобрести их. Я начал собирать библиотеку, когда был еще в пятом классе.

В то время почти все храмы были закрыты, Лавра была почти закрыта (кроме двух церквей). Я черпал свое видение внутрицерковной картины из литературы, из поэзии, из того, что создавал Нестеров, из всего, что вокруг этого... Это видение не было основано на реальности. Представляете, Нестеров, Флоренский, Булгаков, Загорск... — создавалась легендарная картина, такой град Китеж, некое идеальное царство. Картина прекрасная, и она, конечно, отражала что-то идеальное в жизни Церкви. Но она не соответствовала реальности. Когда я увидел действительность ближе, я понял, что это все где-то в сердцах людей, и не надо искать этого на земле...

Еще лет в двенадцать прочел полные «Жития» и тогда же понял, что сейчас нужно иное изложение.

Особенно волновали меня проблемы евангельской истории...

Однажды в юности я пошел в Третьяковку, и мне попалось несколько картин Поленова — художника, который написал серию эскизных картин из жизни Христа. Среди них была одна: «Благословение

Ученики 9-го класса (Александр стоит крайний справа)

Семейная фотография 1950 г. Слева направо сидят: Владимир Цуперфейн (брат Елены), Цецилия (вдова Ильи Василевского), Цецилия Цуперфейн, Елена Мень; стоят: Павел и Александр

детей». Я вспомнил виденную мною в Николо-Кузнецкой церкви на стене живопись «Благословение детей», где были изображены Христос в такой хламиде и дети — сияющие херувимчики, — ну, что-то такое сказочное, необычайно фантастичное, украшенное. А на картине Поленова — хижина с плоской крышей, белье висит, Христос, усталый, согнувшись, сидит на завалинке, и женщины робкие жмутся, ведут Ему за ручки детей. Я вдруг подумал, что так это происходило, именно так, без зримой помпы, без величия. Православные богословы для характеристики явления Христа употребляют даже специальный термин — они называют это «кенозис» (по-русски это слово можно перевести как «умаление», «уничижение»). Кенозис — это закопченное стекло, которое стоит между нашим глазом и солнцем: чтобы видеть солнце, надо смотреть в закопченное стекло. То же самое — когда Тайна Божия является нам: она должна настолько погасить, правильнее, «пригасить» свой свет, чтобы мы могли ее увидеть.

Александр в подмосковном лесу среди юных натуралистов из ВООПа. 1951 г.

Школьные годы. 1951 г.

Читаю…

1947–1948

Читаю Брэма и прочую зоологию, Дарвина, Достоевского (без успеха), Конфуция (в переложении Буланже, толстовца) и массу толстовских брошюр, к которым подхожу резко полемично. Ренан «Жизнь Иисуса», но раньше прочел критику на него архиеп. Варлаама (Ряшенцева), впоследствии епископа-исповедника (книга у меня до сих пор).

Очерки о природе. Пьеса о Франциске Ассизском (читаю его древнее житие). Изучаю историю Древнего Востока З. Рагозиной (дореволюционную). Тогда же под влиянием Бориса Александровича Васильева начинаю работать над «Библейской историей», поскольку прочитанная у матери Марии огромная книга Лопухина (3 тома, конец века) устарела.

Семинар Н. Ю. Фиолетовой по раннехристианской литературе у Б. А. Васильева. Семинар по Чехову у Л. Е. Случевской, первой жены мужа Елены Александровны Огневой[1], — не понравилось.

Читаю о католических святых (Бернадетта, Доминик), узнаю о св. Терезе. Книга о преподобном Сергии Радонежском всегда сопровождает.

Принимаю решение стать священником. Знакомлюсь с инспектором Московской духовной академии Анатолием Васильевичем Ведерниковым[2], который посоветовал учиться дальше [кончить школу].

Занимаюсь живописью.

---

[1] Елена Александровна Огнева (1925–1985), искусствовед, многолетняя прихожанка о. Александра.

[2] Анатолий Васильевич Ведерников (1901–1992) в 1920-е гг. окончил Институт слова, основанный Н. А. Бердяевым. С середины 1940-х гг. — инспектор Московской духовной академии, а затем ответственный секретарь «Журнала Московской Патриархии». В 1970–1980-е гг. был референтом митрополита Алексия (Ридигера), нынешнего Патриарха. Подробнее об А. В. Ведерникове см. на стр. 118.

В Воронежском заповеднике. Александр, Ирина Расшивалина и Виктор Андреев. Август 1951 г.

В Приокско-террасном заповеднике. 1954 г.

1949

Изучаю богословие по курсу П. Светлова[1], протоиерея. Книга, очень насыщенная идеями, литературой, критикой, полемикой. Дала много. Обильный антисемитский материал книги пропустил мимо ушей. Изучаю жизнь отцов Церкви по Фаррару[2]. Читаю Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

1950

Собираю биографическую библиотеку Павленкова[3]. Это мой университет. Особенно ценны книги о философах. Увлекаюсь Спинозой и Декартом, прихожу к выводу, что рациональное не всегда плохо. Всякий грех иррационален в корнях. Спинозу начал читать с «Богословско-политического трактата», который поколебал во мне теорию авторства Моисея (взял ее из Толковой Библии, т. 1). В философию ввел меня в 50-м году Лопатин[4] (его книга философских и критических очерков).

...Первое посещение Киева. Владимирский собор впечатлил, но чем-то и разочаровал (пестрота?), думал, он лучше (по репродукциям росписей).

Тогда же изучал «Золотую ветвь» Фрэзера[5], которая много помогла в «Магизме»[6].

1951–1952

Потом в Воронежском заповеднике изучал «Этику» Спинозы и письма. Потом пошли Лейбниц и Платон. Платон был менее созвучен. К этому времени уже был сделан первый набросок синтетического труда (о науке и вере, о Библии, Ветхий и Новый Завет, Евангельская история, Церковь). Читаю «Добротолюбие». Большое погружение, но уже

---

[1] Прот. Павел Светлов (1861–1945), профессор, доктор богословия, преподаватель Киевского университета св. Владимира.

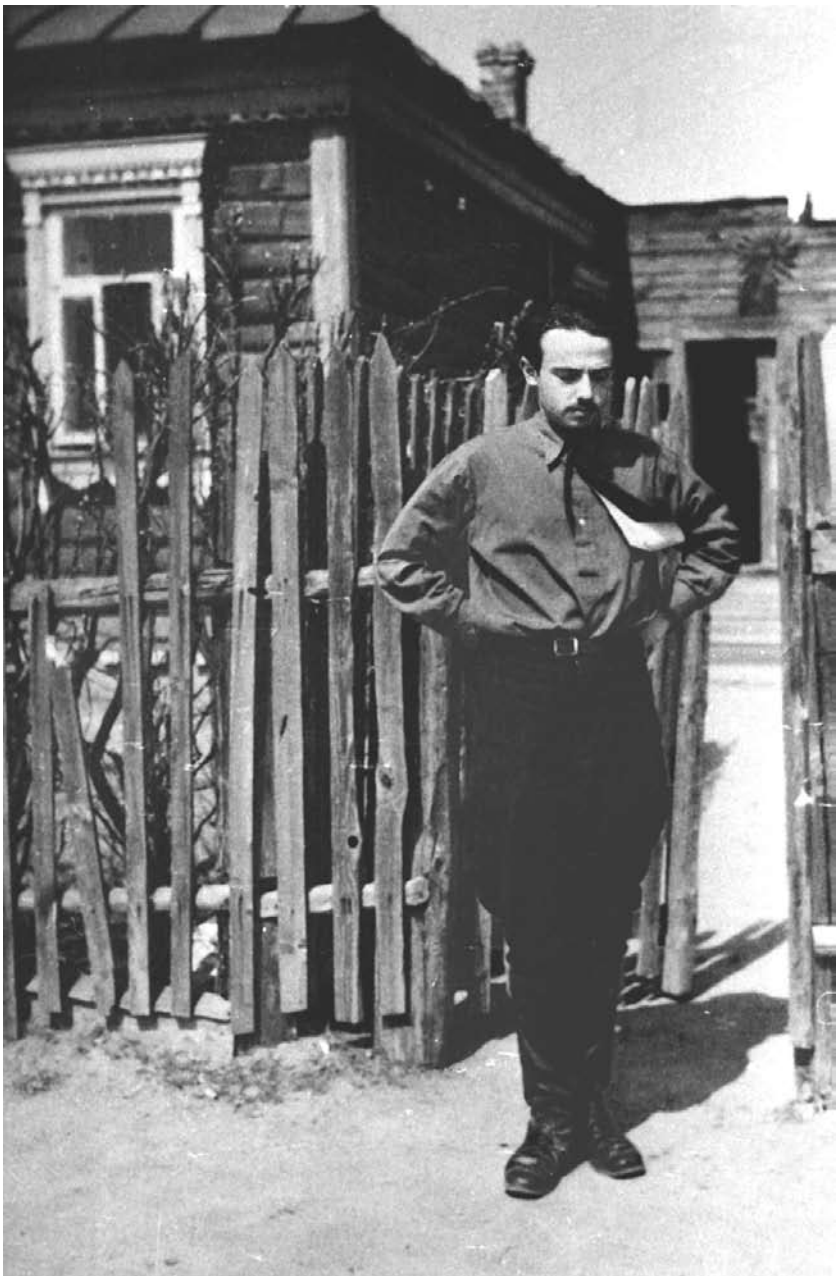
[2] Фредерик Фаррар (1831–1903), англиканский богослов и писатель. Многие его труды переведены на русский язык.

[3] Флорентий Федорович Павленков (1839–1900), российский книгоиздатель (Санкт-Петербург). С 1866 г. издавал серию «Жизнь замечательных людей» (200 биографий); издательство существовало до 1917 г.

[4] Лев Михайлович Лопатин (1855–1920), профессор МГУ, философ. Имеется в виду его книга «Философские характеристики и речи». М., 1911.

[5] Джеймс Джордж Фрэзер (1854–1941), английский историк культуры и религиовед.

[6] См. Приложение II.



Балашиха. Первое самостоятельно снятое жилье. 1953 г.

ощущение двойственности (что-то соответствует, а что-то оторвано от нашей жизни). Посещаю костел, баптистов, синагогу. Понравилось только в костеле.

Первая (неудачная) попытка читать Якоба Беме[1]. Экхарт[2]. Первое чтение Блока и символистов. Купил Соловьева, начал изучать. Пока отдельные тома. Множество книг по истории Церкви и ветхозаветная история Ренана[3] и Киттеля[4]. Пишу заново Библейскую историю (уже исследую с большим материалом). Постоянно изучаю антропологию и происхождение человека. Фаррар, «Жизнь Христа». Гладков, «Толкование Евангелия»[5].

1953

Отцы, Отцы, Отцы. Подвижники и классические. Перевожу (увы, наугад, с русского подстрочника) стихи Григория Богослова. Иногда интуитивно угадываю размер (как выяснил потом). Последние стихи[6].

Ценил Гарнака[7], хотя и не разделял его взглядов. Прочел его «Историю догматов». По-настоящему оценил Достоевского. Прочел всего, залпом. Но «достоевщины» как психологической атмосферы был всегда чужд (больше всего ценил главы о Зосиме). Впечатлялся Нестеровым, хотя потом понял, что не то. Знал досконально Музей изобразительных искусств, очень часто там бывал.

Изучал Флоренского. Глубоко потрясен им. Лодыженский, «Сверхсознание»[8]. Знакомлюсь с йогой и теософской литературой. Еще живут стихи.

---

[1] Якоб Беме (1575–1624), немецкий протестантский мыслитель. Основной труд — «Аврора, или Утренняя заря в восхождении».

[2] Иоганн Экхарт (1260–1327), иеромонах, немецкий католический богослов и мистик.

[3] Эрнест Ренан (1823–1892), французский писатель, историк и библеист. Речь идет о его книге «История израильского народа» в 5 томах, изданной в русском переводе в 1907 г.

[4] Рудольф Киттель (1853–1929), немецкий богослов. Автор книги «История израильского народа».

[5] Борис Ильич Гладков (1847–1921), духовный писатель и общественный деятель. Его труд «Толкование Евангелия», изданный в 1903 г., за десять лет выдержал четыре издания.

[6] Имеется в виду, что после этого о. Александр не относился серьезно к своим стихам.

[7] Адольф фон Гарнак (1851–1930), немецкий историк Церкви, богослов.

[8] «Сверхсознание» — первая часть трилогии русского духовного писателя М. В. Лодыженского. Вторая часть — «Свет незримый», третья — «Темная сила».

Отъезд в Иркутск. 1955 г.

* * *

В школьные годы и в начале института основательно изучил толстовство и теософию. Они вызвали резко отрицательную реакцию.

* * *

После окончания школы поступил в Московский пушно-меховой институт в 1953 году (в 1955 году наш факультет перевели в Иркутский сельскохозяйственный институт). Выбор был продиктован любовью к биологии, но уже задолго до того было принято решение о церковном служении[1]. Поступил сначала на заочный, но со 2-го семестра перевели на очный. Учился с увлечением, обстановка была очень хорошей. Большинство товарищей — энтузиасты дела. (Дружбы не потеряли и сейчас, почти 30 лет спустя.) Студенты знали о моей вере и относились прекрасно.

---

[1] С 15 лет Александр прислуживал в московском храме Рождества Иоанна Предтечи на Пресне, а в студенческие годы — в храмах г. Иркутска. Подробнее об этом см. на стр. 100 прим. 1.

* * *

1954

Первый том «Исторических путей христианства» (Древняя Церковь) написан[1]. Антропогенез. Новый толчок дала лекция Я. Рогинского[2] в Политехническом музее. Много хожу на концерты. Складывается концепция шеститомника (в Приокском заповеднике, где бывал раз семь).

1955

Иркутск. Начинаю второй том «Исторических путей [христианства]»[3]. Пишу брошюру против баптистов (вполне ортодоксально и мирно). Нахожу Франциска Сальского[4]. Привлекает больше, чем восточные авторы на эту тему (ближе к реальной жизни). Решаюсь найти всю книгу (были две последние части). Потом нашел у Татьяны Ивановны [Куприяновой], жены Бориса Александровича [Васильева]. Вера Яковлевна перевела, и перевод вышел в издательстве «Жизнь с Богом» [1967]. Пишу очерк критики диамата.

1956

Продолжаю второй том. Собираю материал по шеститомнику. Читаю Вл. Соловьева, Лопатина, Лосского[5], массу художественной литературы (Мережковский[6] и пр.). Изучаю теософию. Учусь у одной женщины йоговским упражнениям.

1957

Заканчиваю второй том, довожу до XV в. Начинаю книгу «О чем говорит и чему учит Библия»[7]. Изучаю библейскую критику. Велльгаузен[8].

---

[1] Сохранившаяся рукопись вошла во 2-й том книги «История религии». М., 1997.

[2] Яков Яковлевич Рогинский (1895–1986), антрополог, доктор биологических наук, профессор МГУ; основные работы — по антропогенезу и морфологии человека.

[3] См. Приложение II.

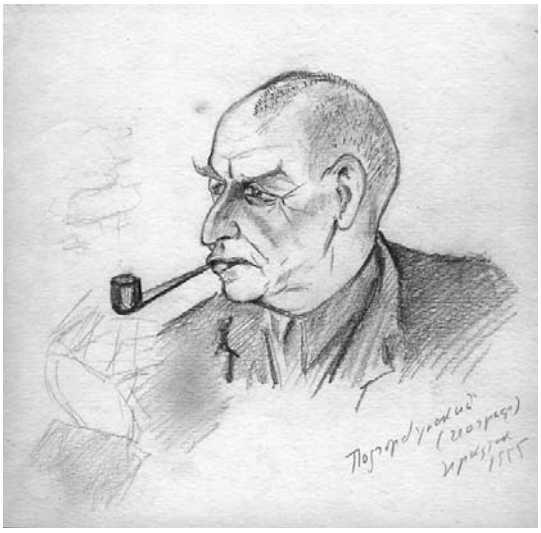
[4] Св. Франциск де Саль (1567–1622), с 1602 г. епископ Женевы. Речь идет о его книге «Руководство к благочестивой жизни», впоследствии переправленной в Брюссель о. Александром.

[5] Николай Онуфриевич Лосский (1870–1964), русский философ и богослов.

[6] Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866–1941), русский писатель, критик, эссеист.

[7] Рукопись, архив Фонда им. Александра Меня.

[8] Юлиус Велльгаузен (1844–1918), немецкий востоковед и исследователь Библии. Его книга «Введение в историю Израиля» (1878) вышла в русском переводе в 1909 г.



Рисунки Александра 1955–1956 гг. (студент из Якутии; преподаватель географии; прот. Михаил Мельников)

На практике. Иркутск. 1956 г.

Студенческие военные сборы. 1956 г.

Читаю много из русской религиозной философии. Особенно поражает Трубецкой, «Умозрение в красках», — об иконах[1]. Киприан. Палама.

1958

Изучаю Соловьева и «Историю католической церкви» (автора не помню, по-моему, поляк; по-русски). Работаю в епархиальном управлении. Изнанка. Знакомлюсь с бывшим католическим священником. Тоже не сахар. Резкое отталкивание. Но благодаря предыдущим работам уже прочно стою на экуменической позиции. К. Даусон[2], «Прогресс и религия».

В Иркутске еженедельно занимался в общей библиотеке, где доводил свое образование до нужной мне полноты. Прошел почти весь курс Духовной академии. Рассчитывал, что поступлю туда после отработки трех лет. Об этом была договоренность с инспектором — архимандритом Леонидом (Поляковым)[3].

...Был отчислен из института в мае 1958 года, когда уже сдал первый госэкзамен. Три года необходимой отработки отпали.

Через месяц был рукоположен (был представлен А. В. Ведерниковым митрополиту Николаю (Ярушевичу)[4], и он, спросив меня, люблю ли я свою профессию, и получив утвердительный ответ, благословил рукоположение). Был посвящен в дьяконы 1 июня 1958 года, на Троицу, в храме Ризоположения преосвященным Макарием Можайским (без экзамена) и направлен в приход села Акулово (под Одинцово).

Тогда же поступил в семинарию, она мне мало что дала. Служил со священником-уставщиком. Это был хороший урок. Убедился, что часто «типиконство» соседствует с помраченным нравственным сознанием и узостью (такова была вся обстановка в храме).

Уже дьяконом заканчиваю книгу о Библии [«О чем говорит и чему учит Библия»]. Пишу очерк «Единство Церкви», прокатолический. Вычленяю из «Библии» [«О чем говорит и чему учит Библия»] (440 страниц)

---

[1] Речь идет о трех статьях Евгения Николаевича Трубецкого «Умозрение в красках» и о книге архимандрита Киприана Керна «Антропология св. Григория Паламы». Париж, 1950.

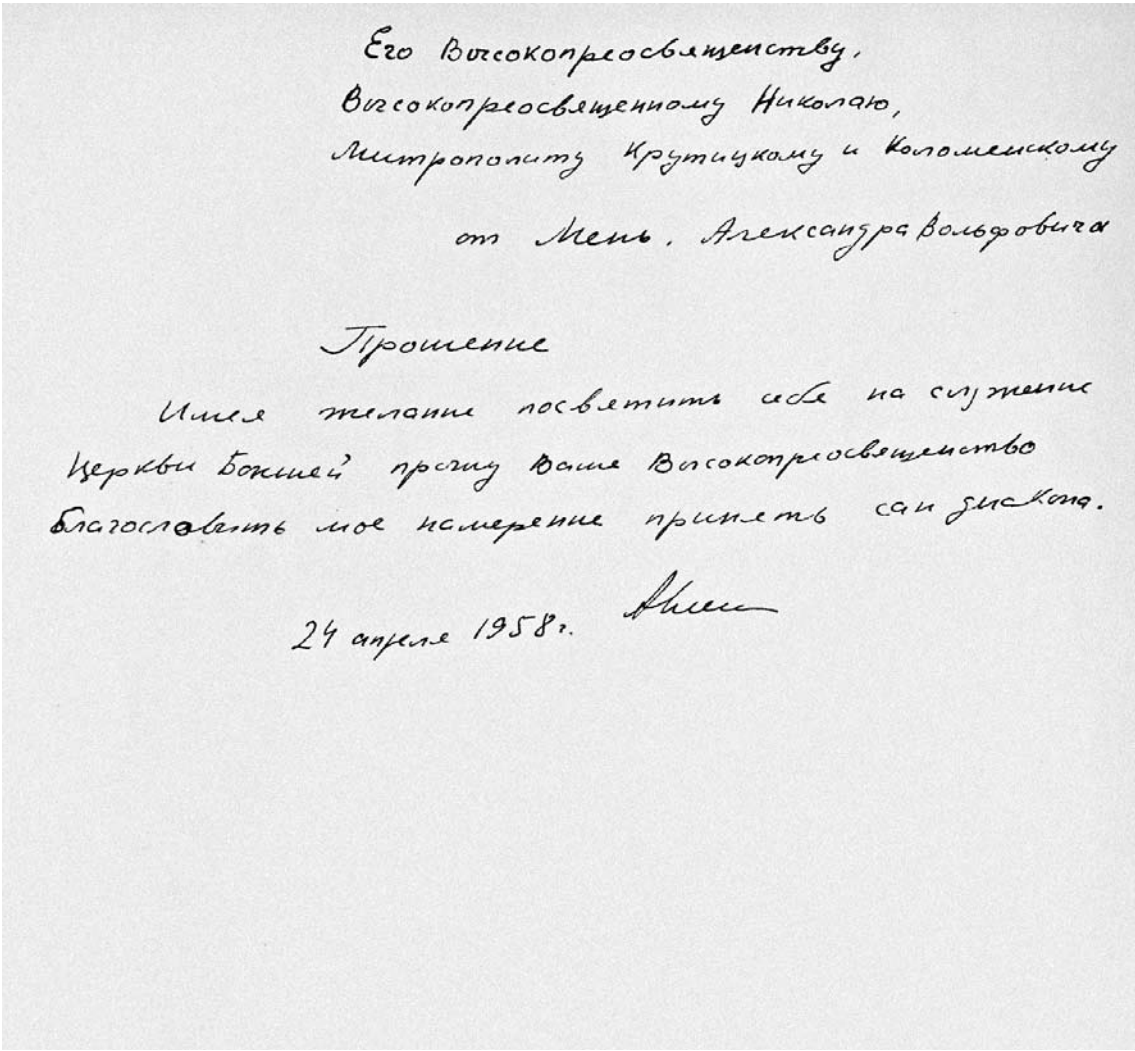
[2] Кристофер Даусон (1889–1979), английский культуролог, католический мыслитель.

[3] Подробнее о нем см. на стр. 119 прим. 2.

[4] Митр. Николай (Ярушевич) (1892–1961), митрополит Крутицкий и Коломенский. С 1946 г. председатель ОВЦС.

В храме Рождества Иоанна Предтечи на Пресне прот. Дмитрий Делекторский венчает Александра и Наталию. Дьякон Николай Ситников. Слева о. Борис Васильев, справа (в стихаре) Кирилл Вахромеев (ныне митр. Филарет). 1956 г.

Кирилл Вахромеев помогает венчающимся обменяться кольцами



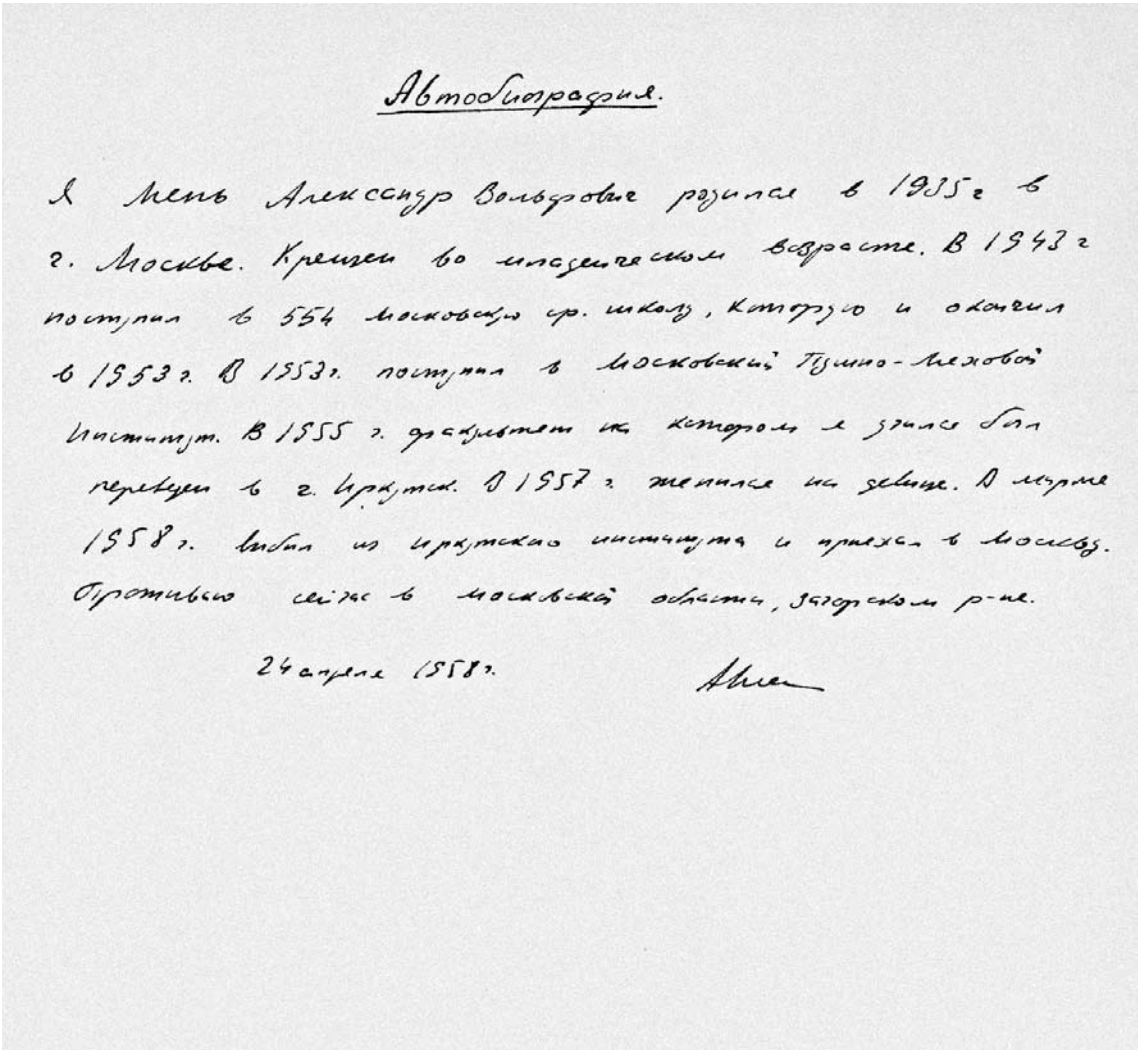
Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященному Николаю,
Митрополиту Крутицкому и Коломенскому
от Меня, Александра Вольфовича

Прошение

Имея желание посвятить себя на служение Церкви Божией, прошу Ваше Высокопреосвященство благословить мое намерение принять сан диакона.

24 апреля 1958 г.

Факсимиле прошения на принятие сана диакона



Автобиография.

Я Мень Александр Вольфовыч родился в 1935 г. в г. Москве. Крещен во младенческом возрасте. В 1943 г. поступил в 554 московскую ср. школу, которую и окончил в 1953 г. В 1953 г. поступил в Московский Пушно-меховой Институт. В 1955 г. факультет на котором я учился был переведен в г. Иркутск. В 1957 г. женился на девице. В марте 1958 г. выбыл из иркутского института и приехал в Москву. Прописан сейчас в московской области, загорском р-не.

24 апреля 1958 г. Мень

Факсимиле автобиографии, приложенной к прошению

У храма Покрова в с. Акулово. 1960 г.

главы о Христе и делаю «Сына Человеческого»[1]. Использую катехизические беседы, которые каждое воскресенье по просьбе настоятеля вел с новокрещаемыми.

В акуловский период много занимался катехизацией (было много крещаемых в церкви). Написал первый вариант «Сына Человеческого», а также ряд статей.

Начинаю учиться иконописи у Ведерниковых.

Ленинградская семинария (1958–1960 годы).

Работаю над вторым вариантом «Сына Человеческого». Начинаю печататься в «Журнале Московской Патриархии» (всего около 40 статей). Основополагающие книги: Ельчанинов, «Записки священника» (только что вышли) и «Пастырство» [«Введение в пастырское богословие»] Киприана Керна.

[1] См. Приложение II.

Дьякон Александр в с. Акулово. 1960 г.

1959
Читаю новых философов — Джеймса, Бергсона.

1960
Пишу «Истоки религии»[1], в них еще входят главы о первобытных религиях. Иконопись. Бердяев массой. Булгаков. Гегель.

Духовником в студенческие годы был Николай Александрович Голубцов[2]. Человек мудрый, светлый и открытый. Сам из биологов. Он и благословил меня в 1960 году подать прошение о принятии сана священника. Рукоположен в 1960 году 1 сентября в Донском монастыре епископом Стефаном (Никитиным) из «маросейских».

Отец Николай очень много мне дал, и я не терял с ним связи до самой его смерти (1963). Он мне говорил: с интеллигенцией больше всего намучаешься (это он знал из своего опыта). Но он был именно пастырем этого духовно заброшенного сословия и мне это завещал. Он руководствовался принципом свободы. Никогда не проявлял узости. (Его биография опубликована в «Журнале Московской Патриархии» в 1963 году.) Главное: он был не жрецом, но пастырем. Это был для меня идеал (в свете воспоминаний моих близких о духовном руководстве и влиянии архимандрита Серафима Батюкова). После него исповедовался у Бориса Александровича Васильева.

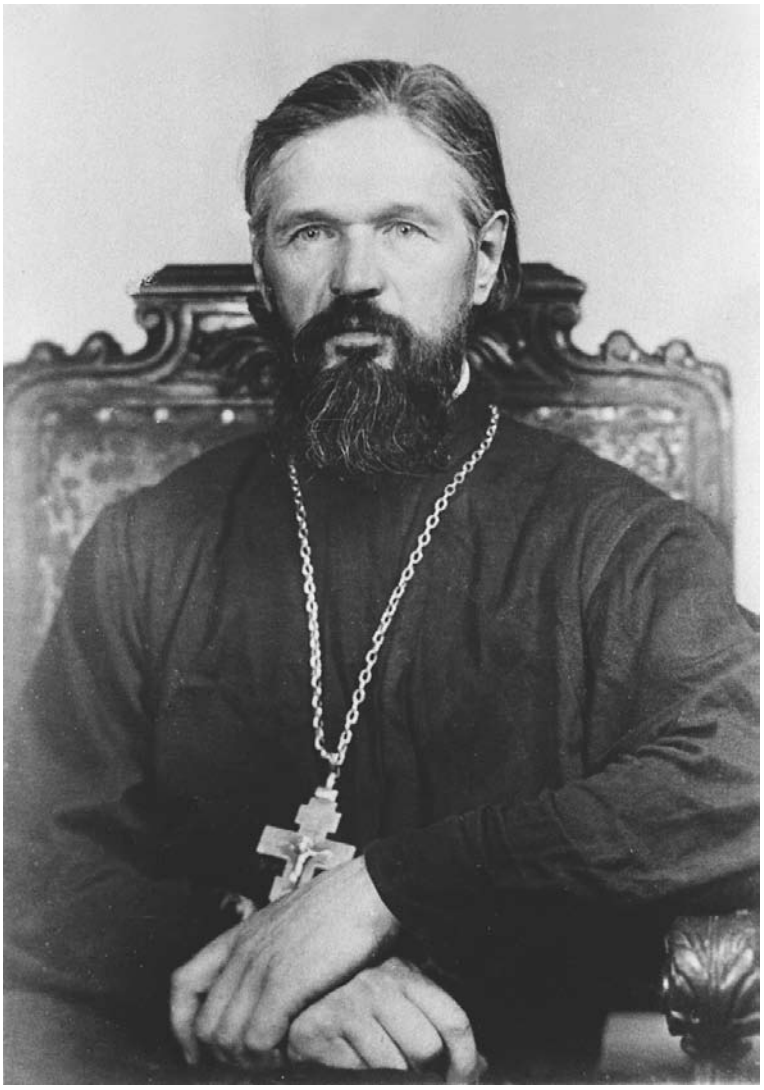
[После рукоположения] был назначен в Алабино сначала вторым священником, а через год — настоятелем. Провел ремонт, с местными властями отношения были хорошие. Даже помогал им в хозяйственных вопросах. Основные, почти ежедневные, требы проходили в Наро-Фоминске (была церковная машина). Жил при приходе... Посещаемость была хорошая. Появились первые помощники, молодые. Некоторые остались и по сей день. Дружил со многими молодыми священниками. И с теми, кто потом был рукоположен.

Окончил Ленинградскую духовную семинарию.

---

[1] См. Приложение II.

[2] Прот. Николай Голубцов (1900–1963), окончил Сельскохозяйственную академию, работал агрономом, сотрудником ВАСХНИЛ. В 1949 г. сдал экзамены за семинарский курс, рукоположен в дьяконы, а затем в священники. Служил в Малом соборе Донского монастыря (другие храмы монастыря были закрыты), приписанном к храму Ризоположения на Донской; его проповеди печатались в ЖМП.



О. Николай Голубцов. 1 сентября 1949 г.

1961–1962

Пишу «Магизм и единобожие». Изучаю Фрейда. Символистов, особенно Белого. Много антропософии. Пушкин. Лескова начал читать много еще в Иркутске. Ибсен. Метерлинк. Познакомился с трудами Тейяра де Шардена[1]. Нашел в нем родную душу.

В церковно-исторической сфере учителями были Болотов[2], Гарнак, Дюшен[3].

1963

Поглощен строительством. Пишу индийские главы «Магизма». Индия идет полным ходом. Пишу «У врат молчания»[4].

1964

Летом заканчиваю «У врат молчания». Последние строки написал после обыска 3 июля 1964-го: из-за Льва Лебедева[5] едва не попал под суд, но чудом Божиим избежал его. Отделался фельетоном в «Ленинском знамени», все было неосновательно. Переведен в Тарасовку на Успение в 1964 году (еще до падения Хрущева).

В Тарасовке было много служб и не было помещения, но народа московского сильно поприбавилось. Беседовал и общался по дороге и в Москве. Потом и дома. Целью общения считал необходимость создания «среды», в которой верующие чувствовали бы себя свободно. Действовал методом естественного отбора. Когда нужные отобрались, прекратил встречи дома (около 1967 года).

Московская духовная академия (1964–1968 годы).

1965

Пишу греческие главы для «Магизма и единобожия». Разделяю «Истоки религии» по совету Желудкова (его самого впервые прочел в 1959 году). С этого времени (1961–1964) переписка с Желудковым[6] и компанией. Еще одна редакция «Сына Человеческого».

---

[1] Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955), иеромонах, французский католический мыслитель, ученый-палеонтолог.

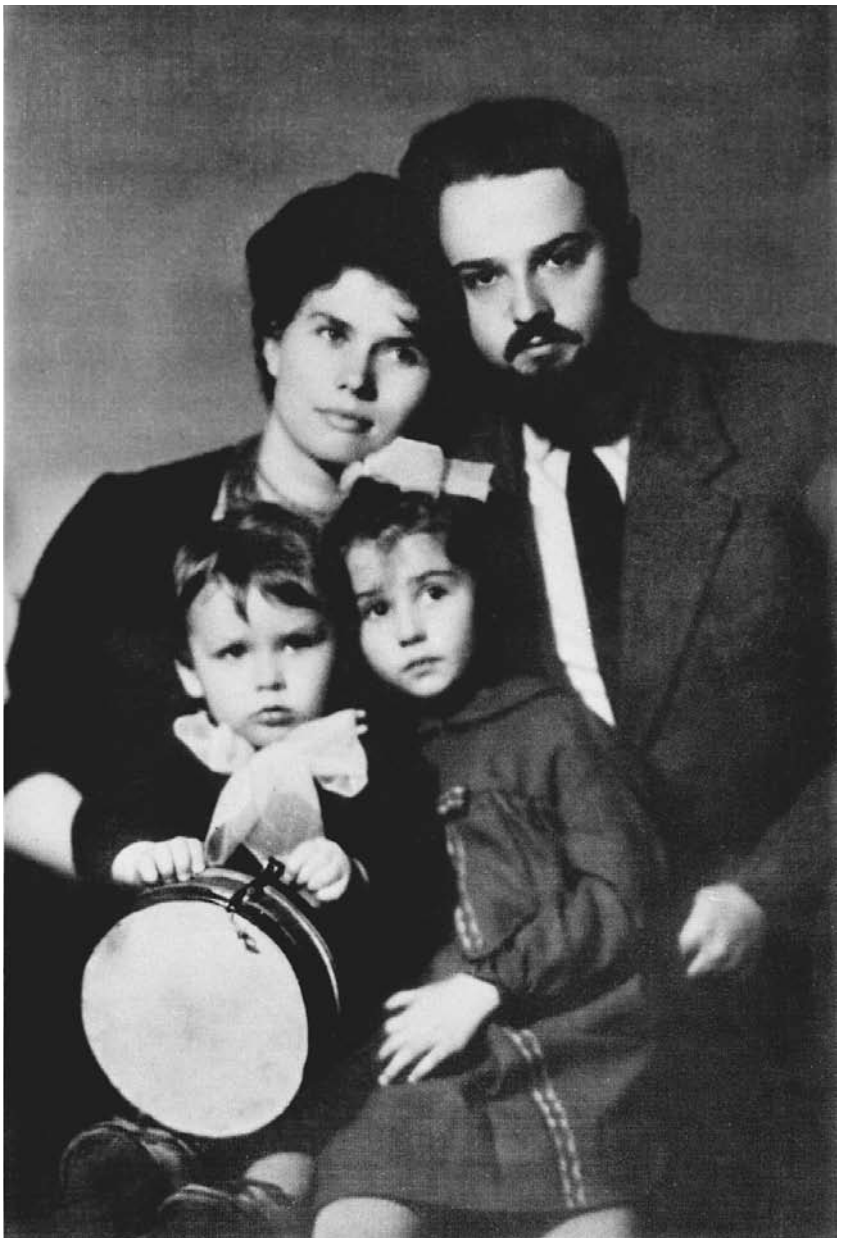
[2] Василий Васильевич Болотов (1853–1900), православный историк Церкви.

[3] Луи Дюшен (1843–1922), священник, французский католический историк древней Церкви.

[4] См. Приложение II.

[5] Подробнее об этом см. на стр. 129.

[6] Свящ. Сергий Желудков (1909–1984), религиозный писатель, правозащитник. Подробнее о нем см. на стр. 181.



О. Александр с женой Наталией и детьми Еленой и Михаилом. 1962 г.

1966

Пишу «Дионис, Логос, Судьба»[1]. Ницше, Вересаев, античная литература. Последние статьи в «Журнале Московской Патриархии». Учу греческий.

1968

Выход «Сына Человеческого». Общая редакция 4-х первых томов. Булгаков. Бердяев. Соловьев. Много Бергсона. Старец Силуан (читал еще раньше, в 1958 году). Материалы по Оптиной пустыни. Беседы о ней с Павлович[2]. Учу иврит. Начал «Пророков»[3].

1969

Выходит «Небо на земле»[4]. Кандидатская работа — «Элементы монотеизма в дохристианской религии и философии».

Дружба со Старокадомским[5] и Ветелевым[6].

Пишу «Пророков».

1970–...

Настоятель отец Серафим Голубцов, известный своими доносами, написал на меня рапорт, и я попросил митрополита Пимена[7] (позже Патриарха Московского и всея Руси) перевести меня от него. Встретил полное понимание. Явный уход не удался из-за народа и протестов. Пришлось уходить тайком. Поменялся со священником Новой Деревни, куда давно стремился[8].

---

[1] См. Приложение II.

[2] Надежда Александровна Павлович (1895–1980), поэтесса, автор мемуаров о Блоке, об Оптиной пустыни, а также жизнеописания святителя Николая Японского.

[3] См. Приложение II.

[4] См. Приложение II.

[5] Прот. Михаил Старокадомский (1889–1973), профессор. В начале 1950-х гг. работал в редакции «Журнала Московской Патриархии». С 1957 г. — преподаватель Московской духовной академии, кафедры патрологии. Подробнее о нем см. некролог в ЖМП, 1973, № 11.

[6] Прот. Александр Ветелев (1892–1976), профессор, доктор богословия. В 1946 г. принял священнический сан. Подробнее о нем см. некролог в ЖМП, 1976, № 10.

[7] Патриарх Пимен (Извеков) (1910–1990), предстоятель РПЦ с 1970 по 1990 г. С 1959 по 1962 г. архиеп. Пимену поручалось временное управление Луганской, Смоленской, Костромской и Тамбовской епархиями.

[8] Подробнее об этом см. на стр. 175.

Храм Сретения в Новой Деревне под Москвой. 1970 г.

В Новой Деревне завершил «Пророков» и шестой том, а также создал новые варианты «Сына Человеческого», «Истоков религии» и «Неба на земле». Написал толкования к Новому Завету и краткие комментарии к Ветхому Завету. Статьи появлялись уже только в «Штимме»[1] (последняя — в ЖМП в 1966 год).

За этот период оформились окончательно основные методы и принципы работы. Цель: создавать предпосылки для образа жизни, мысли и устоев христиан XX века, без староверства. Тогда же, в связи с литературной работой, расширились связи с учеными и писателями.

---

[1] Журнал «Stimme der Orthodoxie» («Голос православия»), издание Западно-Европейского экзархата Московской Патриархии в Берлине.

Слева направо: Владимир Семенович Цуперфейн, Вера Яковлевна Василевская, Елена Семеновна Мень, Александр и Леночка Цуперфейн на даче под Москвой. Начало 1950-х гг.

Найти новый язык для проповеди…

В юности от старших я часто слышал, что достаточно одной живой веры, чтобы привлечь людей. Частично я с ними соглашался, тем не менее хорошо понимал особенности нашего времени. Во времена апостолов большинство их аудитории было в той или иной мере религиозной. Теперь веру заменило безверие, упрощенное секулярными мифами. Нужно было сначала разбить лед, найти новый язык для «керигмы», проповеди, увязать ее с вопросами, которые волнуют людей сегодня.

Наставниками моими (кроме родителей) были люди, связанные с Оптиной пустынью и «маросейской» общиной отцов Мечевых. С самого начала в этой традиции меня привлекла открытость миру и его проблемам. Замкнутая в себе церковность, напротив, казалась ущерблением истины, которая призвана охватывать все. Когда в 17–18 лет я интенсивно готовился к церковному служению и много изучал патристику, у меня сложилась довольно ясная картина задачи, стоящей передо мной. Я видел, что к вере начинают тянуться люди преимущественно образованные, то есть те, кто имеет возможность независимо мыслить. Следовательно, священник должен быть во всеоружии. Я не видел в этом ничего от «тактики» или «пропаганды». Пример святых отцов был достаточно красноречив. Усвоение культуры нужно не просто для того, чтобы найти общий язык с определенным кругом людей, а потому, что само христианство есть действенная творческая сила. Конфликт отцов с харизматиками-эсхатологистами, отрицавшими культуру и «мирские» проблемы, имел прямое отношение к этой теме. Когда изучал раннехристианскую историю и писал о ней (в 19–20 лет), я убедился, что в моих мыслях нет никакого надуманного реформаторства, а они следуют по пути, проложенному традицией. Традиции святоотеческой христианской культуры противостоял апокалиптический нигилизм, вырождавшийся в секты, а также бытовой, обрядоверческий консерватизм, который питался языческими корнями, и, наконец, лжегуманизм, пытающийся осуществлять призвание человека вне веры. Под знаком этого

У могилы о. Серафима Батюкова. 1955 г.

противоборства я и пытался понять (и описать) историю Церкви. Когда я познакомился с «новым религиозным сознанием» начала XX века в России, стало ясно, что «новизна» его относительна, что оно уходит корнями в ранние времена и в само Евангелие. Хотя Новый Завет прямо не касался вопросов культуры (ибо по своей природе он глубже ее), но в его духе содержалось все, что должно было породить линию, ведущую через апостола Павла к святым Юстину, Клименту и далее к классическим отцам.

* * *

О Католической церкви в то время я больше всего получал сведений из антирелигиозной литературы, но, как только стали доступны более объективные источники, я увидел, что в ней, если говорить о послепатристических веках, творческая и открытая к миру тенденция получила широкое развитие (при этом слепая идеализация католичества была мне всегда чужда). Это «открытие» послужило исходной точкой для моих экуменических убеждений. Правда, я не предполагал тогда, что события начнут развиваться в этом направлении столь быстро. Вся окружавшая меня церковная среда резко осуждала мои настроения. Когда же с понтификатом Иоанна XXIII начался неожиданный поворот, я торжествовал. Ведь раскол наносил огромный ущерб и диалог воспринимался как оплодотворяющая сила.

В самый разгар изучения католичества (в 21–22 года) я в свободное от занятий в институте время работал в Епархиальном управлении (истопником) и близко соприкоснулся с разложением околоархиерейского быта, которое очень меня тяготило. Но соблазн счесть нашу Церковь мертвой меня, слава Богу, миновал. Хватило здравого смысла понять, что церковный маразм есть порождение уродливых условий, а с другой стороны, я уже слишком хорошо знал (изучая Средние века) теневые стороны жизни и истории западных христиан. Как бы в подтверждение этому мне была послана удивительная «случайная» встреча. Я познакомился в Сибири с молодым священником (католиком), который учился в Ватикане и только что приехал с Запада. Его рассказы и книги, которые он привез с собой, открыли мне много замечательного и интересного, но сам он, мягко выражаясь, не мог вдохновить. Не буду писать о нем. Он много бедствовал и еще служит где-то в провинции. Одним словом, я понял, что маразм есть категория интерконфессиональная, а не свойство какого-то одного исповедания.

Отношение мое к протестантам (и в частности, к баптистам) было сложнее. Я очень ценил евангелический, профетический, нравственный дух, присущий протестантизму. Приехав в 1955 году в Иркутск, я в один день посетил собор и баптистское собрание. Контраст был разительный. Полупустой храм, безвкусно расписанный, унылые старушки, архиерей, рычащий на иподиаконов, проповедь которого (очень короткая) напоминала политинформацию (что-то о Китае...), а с другой стороны — набитый молитвенный дом, много молодежи (заводской), живые, прочувствованные проповеди, дух общинности; особые дни молодежных собраний, куда меня приглашали. Старухи у нас гонят, а тут меня приняли прекрасно, хотя я сказал, что православный.

У других протестантов (либеральных) я нашел сочетание веры и библейской критики, в котором так нуждался (к слову сказать, за последнее время это сочетание упрочилось в католичестве и у наиболее просвещенных представителей православных). Я не был согласен с основными установками «Истории догматов» Гарнака, которую тогда изучал, но находил в ней много ценного. Сегодня католики сделали уже очень много для преодоления стены между ними и протестантами (у нас в этом отношении дела обстоят хуже, хотя Бердяев и проложил первые пути). При всем том я, безусловно, не мог примириться с тем, что протестанты оторвались от единства Церкви. Ведь иерархический строй (не говоря уж о таинствах) необходим, ибо создает возможность для Церкви быть реальной силой в мире.

Усвоение русской религиозной мысли нового времени столкнулось неожиданно с определенной трудностью. Протоиерей Георгий Флоровский, труд которого я прочел в конце студенческого периода, называл все это течение «декадентским». Он предлагал ориентироваться на митрополита Филарета (Дроздова), считал его чуть ли ни новым отцом Церкви. Но его аргументы в конце концов меня не убедили. Я прочел убийственную характеристику Филарета у историка Сергея Михайловича Соловьева, а к тому же сам факт, что митрополит защищал в своем катехизисе крепостное право, телесные наказания и т.п., решил для меня спор.

В жизнеописании доктора Гааза я прочел следующий эпизод. Этот поистине святой человек вступился за невинно осужденных, на что митрополит Филарет заметил: «Невинно осужденных не бывает, раз осуждены — значит виновны». Доктор Гааз тут же нашелся: «Владыко, —

сказал он, — вы Христа забыли». Филарет потом признал свою неправоту, но его высказывание характерно... Едва ли такие идеи могли бы высказать Владимир Соловьев или Бердяев. А ведь дерево познается по плоду. Книга Лескова «Соборяне» дает страшную картину положения «филаретовского духовенства», к которой добавить нечего.

Этот частный вопрос характерен для всей темы: церковность истинная и церковность, обремененная социальными грехами. Скажут: социальное для Церкви — второстепенно. Но на самом деле Судья будет спрашивать нас не о теоретических убеждениях или мистических видениях, а о том, что мы сделали для Его «меньших братьев». А это неотделимо от «социального». Здесь различие между Владимиром Соловьевым и его противниками в споре о средневековом миросозерцании; между архимандритом Александром Бухаревым[1] и его гонителями (архимандрит Феодор настаивал на том, что православие призвано сказать свое слово в общественной жизни; за это его лишили должности, звания доктора богословия и хотели заточить в монастырь; в знак протеста архимандрит Александр снял с себя сан).

Одним словом, конфронтация внутри самих рамок Церкви была для меня не менее важна, чем конфликт веры с атеизмом. Последний был закономерен и предсказан Спасителем. Церкви надлежит быть в утеснении. Впрочем, предсказана и борьба внутри (сравните слова Христовы о волках в овечьих шкурах, слова апостола Павла о «лжебратиях» и т. д.). В сущности, обличение Господом фарисеев было «внутрицерковной» борьбой, ибо они находились на почетном месте в ветхозаветной Церкви, к которой Христос обращал Свое слово.

В связи с этим вопросом и готовя материалы к истории Церкви нового времени, я стал собирать материалы по обновленчеству. С детства мне рассказывали о нем одни ужасы. Но меня интересовало: есть ли в этом какое-то ценное зерно. В Сибири нашел письма епископов, относившиеся к периоду раскола, прочел книгу Введенского[2] «Церковь и государство». Все это подтвердило худшие предположения: обновления — на грош, одно властолюбие, политиканство, приспособленчество. Но потом, во время каникул, в Москве встретился с Анатолием

---

[1] Речь идет об архим. Феодоре (Бухареве), в миру Александре Матвеевиче (1822–1871), православном богослове, экзегете и публицисте.

[2] Александр Иванович Введенский (1888–1946), идеолог и лидер обновленчества.

1955 г.

Эммануиловичем Левитиным[1], и он рассказал много интересного о Введенском. Я понял его не только как зловещую, но и как трагическую фигуру, которая в другое время принесла бы Церкви много пользы. Что же касается его «приспособленчества», то оно уже не могло удивить после того, на что я насмотрелся в наших собственных патриархийных стенах. Здесь — все отрицательное от Введенского, но ничего положительного, что было ему свойственно. Как труды митрополита Филарета не утратили интереса из-за его политических «грехов», так и стенограммы проповедей и диспутов Введенского не должны быть забыты. В них есть немало ценного.

Когда в 1957 году я занялся книгой о Библии, я отодвинул тему новейшей церковной истории на задний план и впоследствии передал собранные материалы тем, кто этой темой занимался вплотную. (Кажется, часть их попала потом в руки Л. Регельсона[2].)

Отход от церковно-исторических вопросов (я остановился в своей рукописи на XV веке) был обусловлен тем, что я отчетливо услышал призыв перейти к делам, имеющим прямое отношение к проповеди веры, к уяснению людьми смысла Библии и Евангелия. В те годы Священное Писание стало все чаще попадать в руки людей. В иркутском соборе лежали на прилавке и довольно медленно расходились экземпляры Библии — чтение было трудное для рядового читателя, даже образованного, не говоря уж о прочих.

В результате получился том (400 машинописных страниц) под названием: «О чем говорит и чему учит Библия». Книга вышла весьма несовершенная, но она стала черновым прототипом и планом для шеститомника «В поисках Пути...» и в первую (по времени) очередь для «Сына Человеческого».

Зимой 1957–58 годов я впервые ясно увидел, что такое «христианский гуманизм» и «христианский Ренессанс», которые противостояли Ренессансу языческому. Это движение началось с эпохи Франциска и Данте и завершилось святителем Григорием Паламой, Кватроченто,

---

[1] Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин (1915–1991), участник обновленческого движения, провел в концлагерях 7 лет при Сталине, 3 года при Брежневе, был вынужден уехать за границу в сентябре 1974 г. Автор (вместе с В. Шавровым) истории обновленческого движения: «История русской смуты». М., 1996. Подробнее о нем см. на стр. 120, о В. Шаврове — прим. на стр. 122.

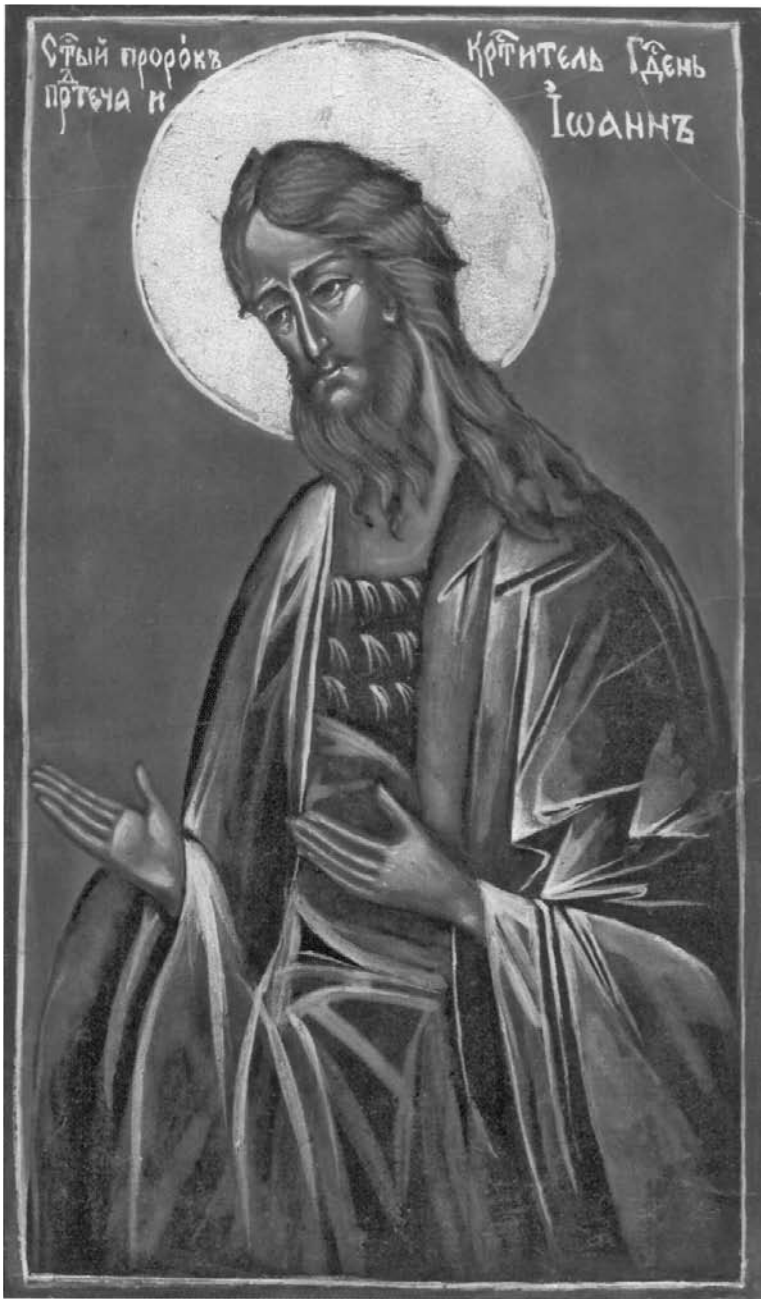
[2] Лев Львович Регельсон (р. 1939), физик по образованию, автор книги «Трагедия Русской Церкви 1917–1945 гг.». Париж, 1977; М., 1996.

Рублевым, преподобным Сергием. В отличие от «темных веков» Средневековья (X–XI вв.), оно заговорило о ценности человека и мира как творений Божиих. Но этот гуманизм не получил внешнего преобладания, а остался полускрытым ручьем под горой языческого гуманизма, создавшего светскую идеологию Нового времени. Тем не менее ручей этот никогда не иссякал. И сегодня, я убежден, христиане должны стремиться к развитию его линии. Не к повторению, а к развитию — как обстоит дело и с патристикой. Собственно, патристика была первым выражением христианского гуманизма. Слова этого я не боюсь. Если Бог отдал Сына Своего ради человека, то сама Благая весть возносит человека на недосягаемую высоту, то есть является гуманистической в самом лучшем смысле этого слова.

О соотношении национального и религиозного я задумывался мало и осознал его внезапно, беседуя однажды со старообрядческим начетчиком в глухой забайкальской деревне. Он сказал мне, что за Удой (то есть в православной церкви) лучше поют и служба лучше. Я спросил: «Что же вы туда не ходите?» — «Нет, — сказал он, — в какой вере родился, в такой и умри». — «Ну, а что было бы, — спросил я его, — если бы князь Владимир, крестивший Русь, рассуждал бы так? Вы бы и до сих пор поклонялись Перуну?»

Собственно, в этом риторическом вопросе содержался ответ на все случаи. Греки, сирийцы, эфиопы, римляне, египтяне, русские, болгары и все другие народы — если бы они ставили национальную традицию выше веры, то они бы никогда не приняли христианства, а народы Востока до сих пор поклонялись бы вместо единого Бога ислама — своим идолам. Все это, впрочем, никак не может быть аргументом против национальной оболочки и стиля той или иной религиозной общины и Церкви.

Нация — это характер, индивидуальное лицо этнического коллектива. Вне ее невозможна ни культура, ни Церковь, — как они не существуют для «человека вообще». Основа всего — диалектика апостола Павла: с одной стороны, он иудей и сознает себя причастным своему народу, а с другой — говорит, что нет ни мужского пола, ни женского. Значит ли это, что он отрицает существование полов? Он просто указывает на иерархию в духовной жизни. В проявлениях, в земном, во внешнем, в природном есть и эллин и иудей, есть и мужчина и женщина. Но в глубине (как теперь говорят, в сфере экзистенциального), во встрече со Христом все это отступает на задний план.



Св. Иоанн Предтеча. Икона, написанная о. Александром

Аналогия — искусство. Оно, как правило, есть проявление национальной культуры, но на своих высотах доступно всем векам и народам. Наименее национальна наука, потому что она безлична, как бы внечеловечна.

Я отвлекся на все эти рассуждения лишь потому, что подобные мысли занимали меня все то время и не потеряли актуальности и сейчас. Я жил ими всецело, но это не мешало мне оставаться в гуще жизни, работать, учиться, интенсивно общаться с людьми, с которыми меня связывали общие дела, интересы (научные и бытовые), я совсем не выглядел отчужденным. И, пожалуй, считал бы такую позу ложью, доказательством тому, что христианство «не имеет отношения к жизни».

[Из писем]

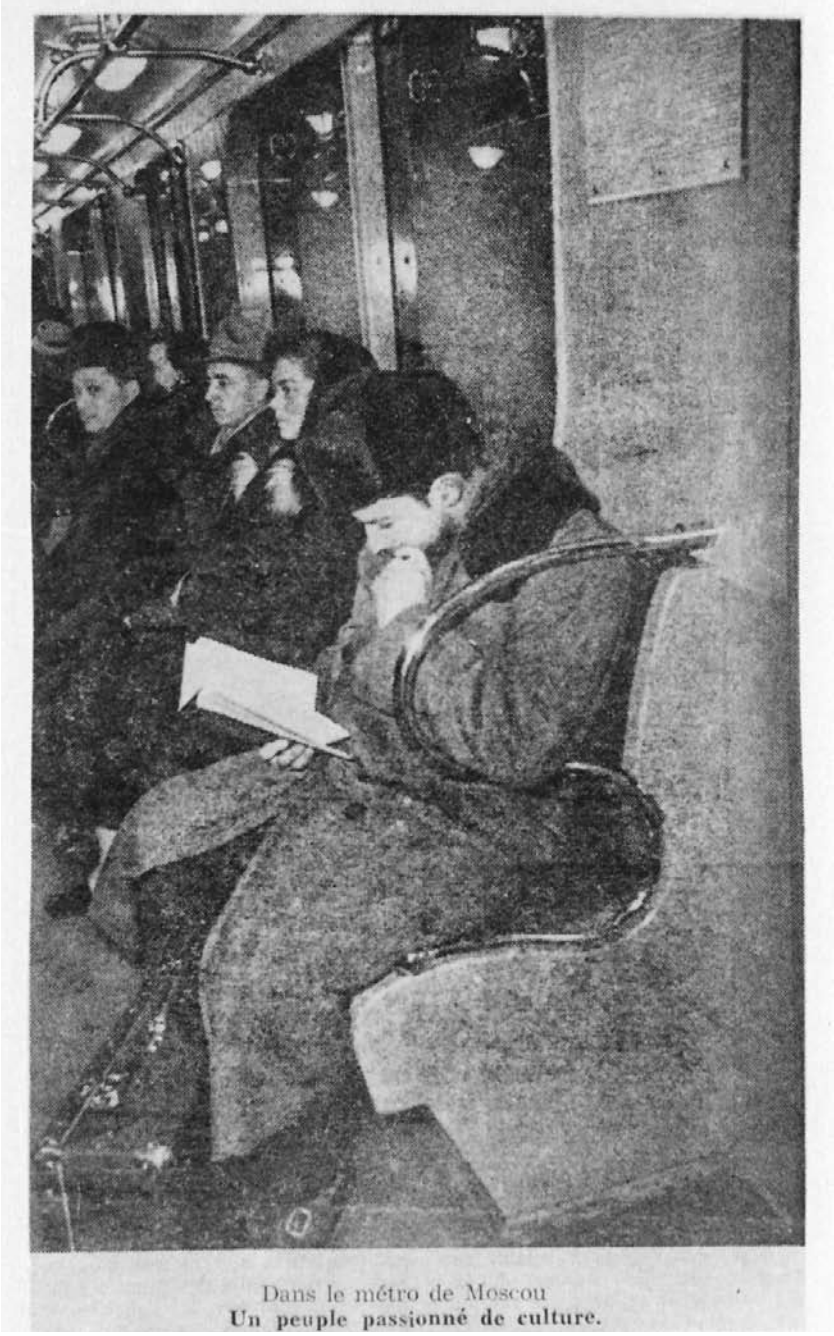
...Я, став священником, пытался объединить приход, сделать из него общину, а не случайное соединение лиц, едва знакомых между собой. Я пытался сделать так, чтобы все члены помогали друг другу, чтобы вместе молились, вместе изучали Писание, причащались бы вместе.

* * *

Я вообще убежден, что все прекрасное и глубокое во всех верованиях и религиях мира есть действие Христа — незримое, анонимное, но явное и продолжающееся...

* * *

Христианство неисчерпаемо. Уже в апостольское время мы находим целую гамму типов христианства, дополняющих друг друга. Итак, если выразиться кратко, для меня вера, которую я исповедую, есть христианство как динамическая сила, объемлющая все стороны жизни, открытая ко всему, что создал Бог в природе и человеке. Я воспринимаю его не столько как религию, которая существовала в течение двадцати столетий минувшего, а как Путь, устремленный в грядущее.



Фотография из французской газеты. Подпись: «В московском метро. Народ стремится к культуре». Волею случая в объектив западного фотографа попал о. Александр

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Алабине

Вспоминаю 60-е годы…

Конечно, можно было бы остановиться на более ранних временах, но самые напряженные события, связанные с церковной жизнью, происходили именно за последние пятнадцать–семнадцать лет. Я сейчас вспоминаю прежде всего 1960–1961 годы. Я служил в это время в церкви в Алабине, в селе Петровском (под Москвой, по Киевской дороге), и именно там до меня дошли первые слухи о том, что Патриархия решает все права и полномочия по отношению к приходам передать так называемым церковным советам, или «исполорганам».

Это вызвало некоторое смятение среди духовенства; были протесты. Эти протесты особенно усилились, когда появился указ Патриарха[1] о том, что отныне вся хозяйственная часть и практически вся власть — вся административная сторона — переходит к светским лицам, которые якобы избраны от лица «двадцатки». Отец Игорь Малюшинский[2] — был такой известный и уважаемый протоиерей в Москве — написал Патриарху письмо (я его лично не видел, письмо это было частным, не открытым). В нем говорилось: «Ваше Святейшество! Положение об управлении Церковью было принято на Соборе 1945 года, и единоличным Вашим актом невозможно отменить постановление Собора».

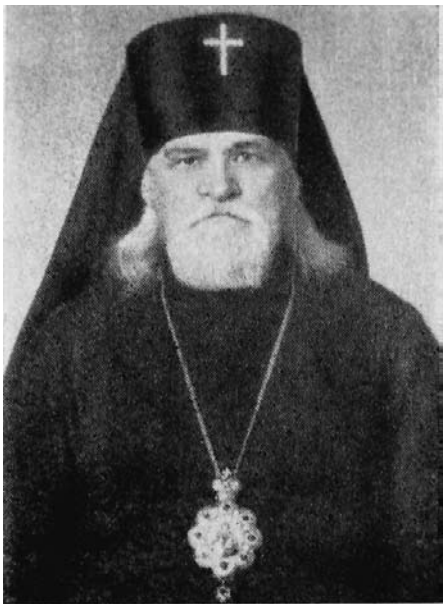
Против постановления Патриарха выступил и архиепископ Ермоген[3] — человек, пользовавшийся большим уважением. В эпоху хрущевских гонений он умудрился не закрыть ни одного храма и,

---

[1] Патриарх Алексий I (Симанский) (1877–1970), предстоятель РПЦ с 1945 по 1970 г.

[2] Прот. Игорь Малюшинский, обновленческий священник, в 1934 г. арестован по одному делу с А. Э. Красновым-Левитиным.

[3] Архиеп. Ермоген (Голубев) (1896–1978). С 1953 г. епископ Ташкентский и Средне-Азиатский. В начале 1957 г. выстроил в Ташкенте большой храм. В 1963–1965 гг. архиепископ Калужский и Боровский. О его выступлении против постановлений 1961 г. летом 1965 г. и предшествующей «диссидентской» деятельности см.: Н. Костенко, Г. Кузовкин, С. Лукашевский. «Трудное житие архиепископа Ермогена». — В журн. «Христианство в истории», 1995, № 6 (IV).



Архиепископ Ермоген (Голубев)

собственно говоря, потерял кафедру потому, что отказался закрыть один храм. Ему уполномоченный говорил: «Ну, закройте вы один храм, и вам будет повышение по службе, и вас оценят…». Он сказал: «Нет». Его стараниями собор в Ташкенте был не только отремонтирован, но и расширен, и увеличен во много раз, собственно — построена заново церковь. Сам он — выпускник нашей Академии, учился еще у Флоренского и писал кандидатскую работу на тему «Психология мученичества по раннехристианским текстам». Человек аристократичный, высокого роста, худой, с длинными седыми волосами, архиепископ Ермоген имел очень высокое мнение о епископском звании и считал, что епископ действительно должен быть владыкой Церкви. Юной он был души, несмотря на свои преклонные годы, всерьез принимал многое, что на самом деле вообще-то даже не стоило принимать всерьез.

И вот он собрал несколько епископов — если не ошибаюсь, восемь[1], среди них, по-моему, был владыка Павел Голышев (Новосибирский)[2], который сейчас эмигрировал, остальных я сейчас не помню, но это, в общем, уже известно. Они написали Патриарху письмо[3] с протестом против этого незаконного решения. Патриарх вызвал архиепископа Ермогена, началось давление на него. Все остальные епископы сняли свои подписи, и он остался один — как бы так, чтобы не создавать скандала и соблазна. Ну, думали, что теперь все это дело утихнет. Но, очевидно, те, кто задумал это мероприятие, поняли, что таким,

---

[1] На самом деле десять.

[2] Архиеп. Павел (Голышев) (1914–1979). В 1919 г. был увезен родителями в Бельгию, окончил Православный Богословский институт в Париже, в 1947 г. вернулся в Россию, с 1964 г. был архиеп. Новосибирским и Барнаульским, осенью 1975 г. вернулся в Бельгию, где жил до своей кончины.

[3] О. Александр переставил события: письмо архиеп. Ермогена было написано не до Собора 1961 г., а через четыре года после него.

«партизанским», способом добиться ничего нельзя, и надо сделать все более законно. Был стремительно собран Архиерейский собор, который уже, казалось бы, имел право аннулировать постановления Собора 1945 года[1], и, как известно, он принял решение о перемене в управлении церковной общиной. Я не буду рассказывать об этом Соборе, потому что о нем рассказывали многие и писали о нем многие. Важно, как это отразилось на приходах.

Начать с того, что этот Архиерейский собор, в общем, никаким собором-то и не был, потому что собравшиеся архиереи даже не понимали, о чем идет речь. Они служили всенощную, устали, их собрали, дали им быстро подписать постановление, все это произошло мгновенно. Архиереям это преподали в таком виде: ну зачем священникам заниматься разными хозяйственными делами — пускай это делают старосты. Постановление никто не понял толком, поскольку архиереи у нас в приходской жизни разбираются слабо. Многие из них никогда в жизни не служили на приходах. Я слышал, что где-то на Западе каждый год епископ проводит некоторое время на приходе в качестве рядового священника. Если это правило существует[2], то оно очень хорошее. У нас многие архиереи весьма туманно себе представляют, чем занимается священник на приходе, поэтому многие из них легко согласились с реформой. Те же, кто заведомо не пошел бы на это — например, владыка Лука (Симферопольский)[3], — по тем или иным поводам были не допущены до Собора. Надо сказать, что Патриарх сам не хотел реформы, но, поскольку он был очень стар и его мысль была уже основательно задавлена склерозом, его можно было убедить в чем угодно, и в конце концов он согласился и даже стал считать, что это хорошая идея.

Я понимал, конечно, как реформа может ударить по приходам, как вульгарно выглядит это заключение договоров со священниками, как нелепо предоставление старостам каких-то огромных полномочий... Но — тут есть и совершенно другая сторона. По моим тогдашним

---

[1] Собор 1945 г. был собран в связи со смертью патриарха Сергия (Страгородского). Архиерейский собор 1961 г. внес изменения в четвертый раздел «Положения об управлении Русской Православной Церковью», принятого в 1945 г. Изменение это облегчило процедуру закрытия храмов — так, на 1.1.1961 в стране действовало 11 616 церквей, а на 21.8.1963 — лишь 8 314.

[2] Кодекс канонического права Западной церкви не содержит такого правила.

[3] Свт. архиеп. Лука (Войно-Ясенецкий) (1877–1961), архиепископ Симферопольский и Крымский с 1946 г., умер 11 июня, до открытия собора. Подробнее о нем см. на стр. 192.

наблюдениям (мне было тогда, правда, всего двадцать шесть лет, и служил я в священном сане всего несколько лет; но я и до этого много лет прислуживал, работал в епархиальных управлениях и знал всю, как говорится, теневую сторону)[1], — когда настоятели были господами положения, это было ненамного лучше. Большинство из них не имели достаточно вкуса для того, чтобы украсить храм так, как надо. Храмы расписывались чудовищно. Мы сейчас говорим, что вот, староста не хочет и так далее... А когда не было этих старост, когда старосты были «седьмой спицей в колеснице» — настоятели творили, что хотели. Старики не понимали, что нужно, более молодые — тоже. Поэтому, если вы посмотрите все храмы Москвы — в большинстве своем вы увидите, что там, где не приложили руку светские органы защиты памятников или что-нибудь в этом роде, шла варварская мазня. В самом патриаршем Елоховском соборе стены до сих пор расписаны с немецких и французских гравюр прошлого столетия. И после этого говорят о православном искусстве, об иконописи и так далее! Замечательная церковь Николы в Хамовниках на Комсомольском проспекте, которая как игрушка смотрится, — внутри расписана тоже по образцам Гюстава Доре и Юлиуса Шнорра. Я не против Доре и Шнорра, но все должно быть на своем месте!

Это показывает, что настоятели отнюдь не были идеальными управителями приходов. Многие из них бесконтрольно захватывали церковные кассы, и от этого происходили какие-то совершенно непристойные обогащения... В общем, все выглядело к тем годам нелучшим образом... Я думаю, что все здесь было как-то провиденциально... Когда я прислуживал мальчишкой, то в алтаре стоял такой ящик, сейф, куда клали рубли, — священник запускал туда эти рубли, швыряя как-то так, словно ему уже было все нипочем. Все было бесконтрольно, и време-

---

[1] В начале 1950-х гг. Александр по благословению схиигуменьи Марии прислуживал в храме Рождества Иоанна Предтечи на Пресне, настоятелем которого был о. Дмитрий Делекторский (ум. 1970). До этого о. Дмитрий служил в храме Вознесения до самого его закрытия. Будучи уже глубоким старцем, он с благодарностью вспоминал архим. Серафима (Батюкова), уступившего ему место для служения в храме Вознесения, что дало ему возможность выехать с большой семьей из села, куда он был назначен и где наверняка был бы арестован или убит. Вместе с Александром в храме Рождества Иоанна Предтечи прислуживали Кирилл Вахромеев (ныне митр. Филарет) и будущие священники Сергий Хохлов и Владимир Рожков. В студенческие годы Александр прислуживал в храмах г. Иркутска.

Слева направо: Вера Яковлевна Василевская, Ирина Якунина, Елена Семеновна с внуком Мишей, Варвара Фудель (дочь С. И. Фуделя), Александр и Нонна Борисовы, о. Александр с женой Наталией и дочкой Еленой у дома в Семхозе. 1961 г.

нами мне, тогда совсем юному существу, казалось, что они превратили веру в фабрику по производству денег.

В первые годы после войны многие священники проводили в храмах циклы бесед — по Священной истории, по таинствам. Отец Андрей Расторгуев вел толкование Евангелия — отлично вел! Каждое воскресенье вечером он читал небольшие отрывки из Евангелия — последовательно, один за другим, и толковал. Толковал по Толковой Библии[1], которая выходила в издательстве «Странник» (одно из лучших толкований, которое у нас было). Говорил он прекрасно, внятно, все было хорошо. Отец Александр Смирнов[2] даже получил, благодаря своим связям с органами, разрешение поставить в Николо-Кузнецком храме экран, словно в кинотеатре, — и каждое воскресенье вечером

[1] Под ред. А. П. Лопухина.

[2] Прот. Александр Смирнов (1888–1950), с 1943 г. ответственный секретарь «Журнала Московской Патриархии», в 1949 г. — и. о. ректора МДА. Более 20 лет до своей кончины, настоятель Николо-Кузнецкой церкви в Москве.

показывал цветные диапозитивы и рассказывал Священную историю, толковал таинства; народу набивалось столько, что люди падали в обморок. Но это все было непосредственно после войны, примерно до 1950 года. А потом все стало сходить на нет. Старые священники стали умирать, а новые ничего этого уже не приняли. Но деньги брали — «гребли», как говорят в народе, — с таким же успехом.

Ничего особенно хорошего, следовательно, не было и до этого, и когда впоследствии отец Николай Эшлиман[1] и отец Глеб Якунин[2] выступили с резкими нападками на Собор 1961 года, — я думаю, что они должны были бы так же резко нападать на Собор 1945 года, который создал фиктивную демократию в приходе. Все эти «старосты» и «помощники старосты» — все они не имели никакого значения; настоятель был всем. Кто в этом виноват? В корне — само положение вещей, потому что «двадцатки» стали фиктивными уже давно. Согласно советскому законодательству, «двадцатка» есть община — то есть никакой «двадцатки» нет, есть община, которая может требовать открытия для

---

[1] Свящ. Николай Эшлиман (1928–1985). Рукоположен в диаконы в 1959 г. в Костроме, в священники — в 1961 г. митр. Пименом (Извековым); последнее место служения — московский храм Покрова Пресвятой Богородицы в Лыщиковом переулке. Подробнее о нем см. на стр. 112.

[2] Глеб Павлович Якунин (р. 1934). Окончил Пушно-меховой институт в Иркутске, учился в МДС, из которой через год был исключен по обвинению в присвоении из семинарской библиотеки запретной для студентов книги Н. А. Бердяева «Философия свободы» (хотя вернул книгу по первому требованию). В 1962 г. рукоположен в священники. С 1965 г. активно участвовал в правозащитном движении. Арестован в 1979 г. Освобожден в 1987 г. Избирался народным депутатом Верховного Совета и Государственной Думы. 1 ноября 1993 г. Г. П. Якунин лишен священнического сана Священным синодом Русской Православной Церкви за отказ подчиниться требованию о неучастии православных клириков в парламентских выборах. Позднее решение Священного синода было одобрено Архиерейским собором РПЦ, пригрозившим Г. П. Якунину отлучением от Церкви в том случае, если он не перестанет «самочинно носить священнические одежды и иерейский крест». Один из создателей в 1995 г. и председатель Общественного комитета защиты свободы совести (г. Москва), который занимается защитой прав верующих. 19 февраля 1997 г. на Архиерейском соборе РПЦ отлучен от Церкви. Впоследствии Г. П. Якунин был принят в юрисдикцию УПЦ КП в священническом сане, а затем перешел в Русскую истинно-православную (катакомбную) церковь. В 2000 г. на ее основе формируется «Движение за Возрождение российского православия», а затем и «Апостольская православная церковь возрождения», где Г. П. Якунин имеет сан протопресвитера.

нее храма тогда, когда в состав этой общины входит не меньше двадцати лиц. В эту общину может войти полторы тысячи, десять тысяч лиц — это неважно. Но должно быть не меньше. А потом это все превратилось в какую-то «двадцатку», совершенно фиктивный институт. Причем обычно в нее набирали каких-то уже полуинвалидных старух — потому что рядовые люди боялись записываться в «двадцатки». И поэтому «двадцатки» были недееспособны, не могли представлять церковную общину. И вот, этот так называемый Собор произошел — и «сменили шило на мыло».

Мария Николаевна Соколова

Признаться, на нашем приходе это не отразилось роковым образом, потому что староста у меня только что умерла, и я посодействовал избранию женщины, которая целиком на меня полагалась. И только благодаря этому нам удалось произвести в храме полную революцию — во внешнем смысле. Я замазал все безобразные изображения на стенах. Дал лучшим иконописцам заменить иконы — почти все сменил, в том числе Марья Николаевна Соколова[1] написала для нас храмовую икону. Но на стенах иконопись я не решился делать, чтобы окончательно не испугать народ, потому что средний простой человек теперь не понимает иконы и ее не любит. И это не результат вчерашнего дня, а результат трехсотлетнего отсутствия иконописи в храмах. Поэтому я сделал осторожнее и расписал стены «под Васнецова». Сам составил весь эскиз. Пришлось пригласить художника из МОСХа[2]. А для этого необходимы были тысячи левых рублей, потому что он не мог расписываться в ведомостях, и у нас было так заведено: одну старуху я ставил на страже — если там кто-то придет, — он быстро залезал на леса и быстро писал, и если

[1] Мария Николаевна Соколова (монахиня Иулиания) (1899–1981), иконописец, реставратор и преподаватель Московских духовных школ. С 1946 г. до своей кончины практически руководила всеми реставрационными работами в Троице-Сергиевой лавре.

[2] Это был Борис Иванович Мухин.

кто-то появлялся, я его снаружи там запирал на замок. Но в общем все было благополучно, расписали все стены храма — он мне за месяц Страшный суд васнецовский написал, сзади, во всю стену: я ему дал денег, он съездил в Киев, посмотрел подлинник Васнецова, приехал и с фотографии написал. Позолотили все киоты, замазали Саваофа над иконостасом, переписали весь иконостас, заменили решетки. Купили чешские вазы в виде чаш и сделали из них лампадки; чтобы они не загораживали иконы, сделали латунные подставки и эти лампадки из чешского хрусталя на них поставили. Получилось все очень «в стиле». Многое мне сделали резчики.

Я осуществил «изгнание торгующих из храма». Храм был небольшой, построенный князем Мещерским[1] в прошлом веке, и «ящик» просто вынесли из церкви и поставили в притворе. Старосту загородили сплошной деревянной стеной и оставили ей только окошечко. Таким образом она там бренчала монетами вне храма. А в храме на этом месте мы сделали канон и там служили панихиды. По субботам я объяснял Символ веры, молитвы и службу — день за днем, потихонечку, особенно не рассчитывая, что это будет давать какой-то эффект. Потом в дело включились мои сослужители — отец Сергий Хохлов[2] и отец Владимир Рожков[3] — и тоже с удовольствием это делали.

Конечно, было много всяких хозяйственных задач: провели отопление из церкви и подсоединили его к сторожке, сделали в сторожке отдельную приемную комнату, чтобы там можно было людей принимать, и так далее. На крестные ходы для Пасхи мы набрали массу старых икон, прибили их на палки, и когда было шествие, это выглядело как демонстрация: мы собирали молодежь, человек двадцать, и все они шли впереди — так торжественно… Староста ни в коем случае не мешала, а все предоставляла делать нам. Поэтому на мне вся эта реформа нисколько не сказалась. Но во многих местах было плохо.

Сейчас я вижу, что на самом деле роковых последствий реформа 1961 года не принесла, приходам хуже не стало. Раньше было абсолютное самоуправство, теперь — относительное. Над священником был

---

[1] Владимир Петрович Мещерский (1839–1914), редактор газеты «Гражданин», участник религиозно-философских собраний в Петербурге.

[2] Прот. Сергий Хохлов (1927–1986), служил в храме апп. Петра и Павла в Лефортово, а в последние годы — в храме Св. Троицы в с. Наташино Московской области.

[3] Прот. Владимир Рожков (1934–1997), настоятель московского Николо-Кузнецкого храма. С 1961 г. — диакон, с 1962 г. — священник.

только архиерей, но он общался с ним через благочинного, а благочинный часто оказывался под влиянием разных «второстепенных факторов», и все это не работало.

Священник Владимир Рожков

Еще один положительный момент. Скажем, у меня ушел настоятель, и настоятелем оставили меня. Прислали отца Владимира Рожкова, которого только что рукоположили. (Мы с ним прослужили немного: через два месяца, соблазнившись «камилавкой», которую ему обещали в Пушкине, он ушел туда.) Служил он сперва с большой охотой, с рвением, и вечером даже проводил беседы (я ему предлагал: «Вот тебе тема — говори!» — и он говорил). То был «медовый месяц» его служения... Был он тогда небольшой, худенький такой...

Когда он ушел, я стал думать, кого же пригласить в наше «аббатство». Мы в шутку называли наш храм «аббатством», потому что я при этом приходе жил, в саду был столик, за которым я писал свои бесконечные книги, и тут же был весь народ — все было за стенами... Была даже церковная машина. Нам ее случайно оставили — тогда отбирали все машины, — поскольку у нас был большой район (20–30 километров в диаметре) — а в день по пять, по шесть отпеваний. Я всегда это использовал: всегда обращался с речью к народу — на кладбищах, в доме и так далее... Потом это все запретили, но нам разрешили, потому что я применил такую хитрость: когда вышло запрещение ездить по домам отпевать, я воспользовался тем, что надо было отпевать человека в доме сотрудника райисполкома. Тот пошел — не знаю, что он там, бутылку ли поставил, или что, — и принес мне бумажку, что райисполком, в порядке исключения, не возражает. И это был их конец, поскольку если в одном случае не возражает — то люди шли и шли (так что образовалась прямо какая-то контора), и когда меня потом вызвал уполномоченный, метая громы и молнии, я вытащил гигантский ворох этих

Интерьер храма Покрова Пресвятой Богородицы. Иконостас. 1963 г.

Интерьер храма Покрова Пресвятой Богородицы. Западная стена. 2006 г.

бумажек — оказалось, что каждая моя поездка была документирована. «В порядке исключения» они давали разрешения постоянно — у меня их там было около двухсот пятидесяти, бумажек этих.

Мне не хотелось, чтобы в «аббатство» пришел кто-нибудь посторонний, потому что мы уже налаживали там определенный ритм и определенный стиль жизни. Я хотел взять к себе отца Сергия Хохлова, с которым мы вместе прислуживали начиная с 1950 года, — и он ко мне пришел с большой радостью. Но одновременно попросился на это место отец Серафим Голубцов[1], которого я не знал, а, как впоследствии выяснилось, это был, как говорят на советском языке, «матерый провокатор», человек, посадивший массу людей. Все висело на волоске, но я самым невинным образом этого не подозревал. Нас вызвал митрополит Питирим[2]. Сидит Голубцов — я напротив. Митрополит говорит: «Мы вам назначаем отца Серафима, но он старше вас и по службе больше, а вы настоятель...» Голубцов поспешно говорит: «Я пойду вторым». Я отвечаю: «С удовольствием бы его взял, но вот староста у нас хочет такого-то, Хохлова...» — «Ну, раз староста хочет, — отвечает митрополит, — мы ничего сделать не можем...» Тогда ведь только что вышло это постановление... И Серафим «накрылся», так что встретились мы с ним только через много лет.

Сережа пришел — и это было самое счастливое время в его жизни тоже. Служил он ревностно: у него прекрасный голос, он любит службу, именно само богослужение, «культ» — на светском языке. Я заставлял его говорить проповеди — просто выбирал ему хорошие тексты, он ставил аналой (я всегда говорил с аналоя, мы сделали деревянную кафедру, на ножке, резную, и когда я говорил, то восходил туда — чтоб «ex cathedra» было дело; он тоже восходил к этой «кафедре») и зычным голосом, лучше, чем владыка Антоний[3], которому он подражал по интонациям, начинал говорить — и все было прекрасно. Он был мне большим помощником, хотя частенько опаздывал на службу и любил спать — из-за диабета. Но вообще он ревностно служил, и дай Бог, чтобы всегда у него было так. Я даже поручал ему беседовать с людьми, с народом: он это мог, и хотел, и делал.

---

[1] Прот. Серафим Голубцов (1809–1981). Рукоположен в 1946 г., в 1964–1970 гг. настоятель Покровской церкви в пос. Тарасовка Московской области.

[2] Митр. Питирим (Свиридов) (1887–1963), с 1960 г. — митрополит Крутицкий и Коломенский.

[3] Имеется в виду митр. Антоний (Блюм) (1914–2003), выступавший с проповедями по английскому радиовещанию на СССР.

Отец Сергий был очень смел и помогал мне в украшении храма. Мы предпринимали разные — не только внешние — украшения. Например, написали красивыми большими буквами все молитвы, вделали в рамки — с полметра размером — и повесили все это в притворе храма, а с другой стороны лист: как себя вести в храме, как войти, как стоять — все эти правила. Когда же наш сельсовет строил дорогу, я обещал дать им денег на это дело — в порядке помощи — и со своей стороны попросил разрешения построить на их территории церковный туалет, чтоб не было туалета у нас (а мы были через забор от территории клуба и сельсовета). И на наши деньги сделали у них большой кирпичный туалет с ямой в три метра глубиной; туда народ ходил в калиточку, а после службы туалет запирали. Все было хорошо...

О. Александр, Евгений Барабанов, о. Сергий Хохлов с женой Верой и детьми Андреем, Костей и Олей в Алабине в начале 1960-х гг.

Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич)

Это был 1962 год.

Но в общецерковной жизни все время происходили какие-то кризисы и потрясения. В это время умер митрополит Николай[1]. Когда мы приехали на похороны, один иностранец сказал: «Я не ожидал, что его никто не любит». Действительно, никто не плакал. Митрополит Николай был прекрасным человеком, замечательным епископом, но он был одиночкой, он никому не доверял и всю жизнь прожил один. У него была только одна «дама», его то ли крестная мать, то ли воспитательница, из старой аристократии, — это был единственный его близкий человек. И когда митрополит умер, никто, как говорится, не пролил слезинки. Смерть его была трагической, потому что он сделал все для того, чтобы стать угодным в глазах Совета[2] и власть предержащих, но в тот момент, когда он перестал быть нужным, он был просто отставлен — и все. Лежал и говорил: «Я ничего не понимаю, не понимаю!..» — он не мог смириться с тем, что человек, которого показывают в советских фильмах, который представлял Советский Союз на бесчисленных конгрессах, постоянно выступая в качестве одного из лучших ораторов, речи которого печатались в «Правде», вдруг лежит в своем деревянном домишке на Бауманской, никому не нужный.

Вскоре после этого и Анатолия Васильевича Ведерникова тоже удалили из редакции «Журнала Московской Патриархии»[3], вообще начались какие-то перемены. (Анатолий Васильевич давал мне возможность печатать статьи в журнале Патриархии. Впервые они появились

---

[1] О митр. Николае см. на стр. 72 прим. 4.

[2] Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР.

[3] А. В. Ведерникова сменил митр. Питирим (Нечаев). После 1966 г. при встречах с о. Александром любезно приглашал публиковаться, брал статьи, но ни разу их не опубликовал. О нем см. также на стр. 139 прим. 4.

в 1958 году. Я взял «Сына Человеческого», которого написал в это время, и по главкам помещал в «Журнале Московской Патриархии».)

Я чувствовал, что положение ненормально: с епископатом, с «официальной» Церковью у духовенства возникает какой-то внутренний раскол. Мы перестаем им доверять: ведь практически все епископы пошли на эту реформу, все согласились... И вот тогда — в конце, кажется, 1962 года — я решил это положение как-то изменить. Началось все с самой невинной вещи. У меня было несколько друзей-священников, которые не кончили духовных академий; сам я еще только учился в Академии заочно. И вот под этим предлогом я предложил: «Иногда мы собираемся по праздникам, на именины друг к другу ходим, — так давайте будем собираться вместе и обсуждать некоторые богословские вопросы, которые нас конкретно интересуют, а также пастырский опыт, потому что нет у нас академии, пусть нашей академией будем мы друг другу». Все согласились. Входили туда отцы Дмитрий Дудко, Николай Эшлиман, Глеб Якунин, еще несколько батюшек — примерно десять человек, называть других я не буду. Они стали приезжать ко мне в Алабино, иногда мы собирались у них. Разговоры действительно шли именно в таких рамках. Некоторые делились проблемами, которые у них возникают на исповеди, другие говорили о богословских вопросах, которые им задают и они их не могут решить. Но, в конце концов, все свелось к обсуждению того, что же нам делать, когда нет епископов. Сказать, что епископы нас предали, было бы слишком сильно... Но я все время настаивал на том, что Церковь без епископа — что-то ненормальное. Все-таки преемник апостолов — епископ, а мы только его помощники.

Чтобы как-то от этого тягостного состояния избавиться, я написал епископу Ермогену письмо; написал примерно следующее: «Владыка, мы следим за вашей деятельностью в течение многих лет, видим, что вы отстаивали храмы, что вы не согласились с решением этого Архиерейского собора... И хотя мы принадлежим к другой епархии, мы просили бы Вас быть духовно — не административно, а духовно — нашим архипастырем. Тогда мы будем себя чувствовать более нормально в своем церковном положении». Я писал от лица четырех — туда входили Дмитрий Дудко, Николай Эшлиман, Глеб Якунин и я. Владыка (тогда калужский епископ) ответил нам очень приветливо и обещал приехать. И приехал в Алабино, как раз когда у нас шел ремонт храма... Он все обошел, посмотрел, и потом мы посидели вместе.

Во время встречи владыка говорил, что на Московской Патриархии почила печать обновленчества, что, в общем, это те же самые обновленцы, вся программа та же и тот же дух обновленчества, приспособленчества и так далее... В общем, много суровых слов говорил он в адрес Патриархии. Мы все это понимали и сказали владыке: «У нас нет намерения нападать на Патриархию, критиковать ее. А вот вы будьте "нашим" епископом, и когда у нас будут возникать какие-то проблемы, с которыми нужно обращаться к епископу, — мы будем с ними обращаться к вам». На сем мы очень тепло расстались, и жизнь потекла дальше.

Надо сказать, что в это время отец Николай Эшлиман переживал пору своего расцвета. Он тоже был сравнительно недавно рукоположен. Его биография была изложена мною в небольшом очерке, который я пустил по рукам в свое время, когда вокруг отца Глеба и отца Николая был поднят шум и об их происхождении и истории ходили самые фантастические слухи. Чтобы их пресечь, я — правда, не ставя их в известность, — изложил кратко биографию того и другого. Потом это попало в известный журнал[1] и было опубликовано лет десять тому назад.

Отец Николай Эшлиман — это одна из оригинальнейших личностей. Мы с ним встретились в 1956 году и как-то сразу очень понравились друг другу. (Он старше меня года на четыре или на пять.) Николай был аристократ в душе, человек с величественными аристократическими манерами, в нем было что-то артистичное. Он свободно играл на фортепиано, что-то лепил, рисовал — в нем было что-то от богемы. У него один предок был какой-то знаменитый шотландский деятель, другой — грузинский князь[2]... Мать его — дворянка, тоже из знатного рода. Яблочков, который изобрел электрическую лампочку, — его двоюродный дед... Его жена Ира, очень живая и симпатичная светская особа — внучка известного деятеля Витте. Их комната в доме на Дмитровке — на Пушкинской улице, напротив Колонного зала, — была чем-то вроде салона, где всегда собирались разные интересные люди — пили, говорили, как это в Москве было в те годы принято... Поразительно, кого там только нельзя было встретить.

Он прошел сложный путь богоисканий, занимался мистикой, оккультизмом, пел в храме — у него был прекрасный бас. У Эшлимана

---

[1] Статья о. Александра «О деле двух священников» была опубликована в журнале «Вестник РСХД» (1970, № 95–96) под псевдонимом «Аркадьев».

[2] Князь Давид Назаров, выехавший в XVIII в. из Грузии с царем Вахтангом в Россию.

С Еленой Семеновной на Донском кладбище. 1962 г.

были разнообразные знания, все достаточно поверхностные; он был очень обаятельным, исключительно обаятельным человеком, разносторонним и привлекающим всех: все говорили «Николай Николаевич» с придыханием. Когда я еще служил в Акулове, один молодой ученый мне говорил: «Вы знаете Николая Эшлимана?» — и звучало это примерно так, как если бы он спрашивал: «Вы знаете Александра Пушкина?» Я, правда, тогда его не знал. Я познакомился с Эшлиманом как раз у Володи Рожкова, который тогда был студентом семинарии. Воцерковление Николая произошло сравнительно недавно. Я сразу почувствовал в нем интеллигентного, умного человека. Но, как всякий человек барственного склада, он никогда ничего не доводил до конца. Он не закончил своего художественного образования, он немножко играл на фортепиано — играл хорошо, захватывающе, немножко писал... У него были всякие проекты: что-то эдакое перестроить, что-то эдакое создать... (Вообще, он числился художником, расписывал храмы.) Немножко пел. Все у него было понемножку, но все у него получалось очаровательно. Много читал и быстро схватывал: пролистает «Науку

и жизнь» и уже рассказывает так, как будто он специалист. Это человек, от которого все были без ума. И мы тогда с ним очень подружились.

Эшлиман себя нашел в священстве: преобразился — вся муть слетела, как будто ее не было. Досталось ему это трудно. Когда он, просто как певчий храма, просил рукоположения, он стал ходить в канцелярию Патриархии, где заседал тогда архимандрит Никодим, впоследствии митрополит Ленинградский[1]. Надо сказать, что владыка отличался тогда — не знаю, как теперь, — чудовищною способностью к канцелярским волокитам. Может быть, намеренно, он тянул Эшлимана в течение месяца. Может, он сейчас думает (если это помнит), что пророчески предчувствовал, во что это выльется, но, так или иначе, Николай каждый день ходил туда, как на работу, и ему отвечали: «Приходите завтра». Но возлюбил его владыка Пимен (Извеков), ныне Святейший Патриарх Московский. Он души не чаял в Николае Николаевиче как певце и вообще был к нему всячески расположен. А сам Николай Николаевич тоже его превозносил и всегда мне рассказывал про него самые трогательные анекдоты. Например, как пришел к Пимену кто-то из канцелярии и пожаловался, что его кто-то там оскорбил — а он ответил: «А если бы в зоопарке на вас плюнул верблюд, к кому бы вы пошли жаловаться?..» Другая женщина пришла и сказала: «Отец Пимен, наш батюшка ходит в уборную и не снимает креста». Он сказал: «А ты, когда идешь в туалет, свой снимаешь?» Или рассказ о том, как Пимен в Лавре построил иконостас, и к нему пришел, кажется, уполномоченный и сказал: «Как вы могли построить иконостас без нашего разрешения?» — «Это мебель, — отвечает Пимен, — все сделано на колесиках, можно зачалить и трактором вывезти». Я не знаю, подлинны ли все эти анекдоты, но Николай их рассказывал с большим воодушевлением, любя деятельного, активного и умного Пимена — это потом Святейший как-то переменился, здоровье его подорвалось, и все эти качества утратились. И задумал владыка Пимен, тогда только что рукоположенный молодой епископ, рукоположить Эшлимана не мытьем, так катаньем. Он его подговорил поехать в Кострому — он тогда был временно костромским епископом, — там его рукоположил и потом перевел в Москву, как говорится, «ходом коня».

Служение Эшлимана было просто потрясающим. Во-первых, голос. Во-вторых, молитва в нем пробудилась необычайная. Он был человек, всегда склонный к мистическому, он мне рассказывал массу

---

[1] Митр. Никодим (Ротов) (1929–1978), с 1960 г. председатель ОВЦС, с 1963 г. митрополит Ленинградский и Новгородский.

О. Николай Эшлиман. Служба на кладбище

историй о том, как где-то в алтаре зажглась сама собой лампадка и т. п., в общем, его очень увлекали всякие такие вещи, ну а я относился к этому снисходительно, любя его. Впрочем, я всегда говорил ему, что от мистики такого рода до мистификации всего один шаг. Он с большим вдохновением рассказывал о разных снах, которые видела монахиня, ходившая в его храм, о явлениях дьявола в каком-то образе. Его все это — вообще всякая демонология — сильно увлекало. Но служил он, как редко служат. Проповедовал — отлично! А народ его очень полюбил. Он служил в Куркине, где служил отец Стефан Середний[1] (там большой приход, это, собственно, практически Москва), а потом был переведен в Москву. Я сам присутствовал на его службах и видел, как народ его любит — потому что он был барин в хорошем смысле слова. Прихожане как-то чувствовали в нем «господина» — это сразу психологически ощущалось. Он действительно был господин, и он естественно принимал

[1] Впоследствии прот. Стефан Середний после ухода на покой прот. Григория Крыжановского был назначен настоятелем в Сретенски храм Новой Деревни, где служил о. Александр, и был настоятелем этого храма на момент записи воспоминаний.

такое к себе отношение. Понимаете, у нас, интеллигентов, психология другая. Вот мы с ним приходим в кафе (это было, когда стали вводить самообслуживание), и я говорю: «Ну, пойдем с подносами». А он: «Нет уж, я этого не могу», — и зовет девушку: «Девушка, идите сюда!» Вся публика стоит в очереди с подносами, а он договаривается с девушкой, чтобы она пришла и обслужила. Не потому, что ему лень было встать, а это было для него органично — я не могу даже сказать, что это было хоть сколько-нибудь дурно. Некий шарм был органически присущ этому человеку. Как говорил Рожков, в Москве было три самых знаменитых гурмана-кулинара, и Эшлиман стоял на втором месте. Какие сверхъестественные блюда он готовил!

С отцом Николаем мы общались в то время постоянно. Собственно говоря, не было никого, с кем бы я тогда был так тесно связан. Причем эта связь стала уже какой-то телепатической. Мы с ним сравнивали, какие проповеди говорили в один и тот же день: мы говорили одно и то же. Создалось какое-то исключительно большое единство. Хотя мы, в сущности, были очень разные люди. Он был обращенный — я был церковным человеком с детства. Он был аристократом — а я никогда им не был. Ну и так далее, и так далее — было много разностей... Но мы действительно стали очень близки. То был период нашей близости, совместной работы, совместных встреч, когда мы обсуждали все церковные дела — приходские в основном. Я настаивал на том, чтобы решать приходские дела: они и есть наша работа в Церкви.

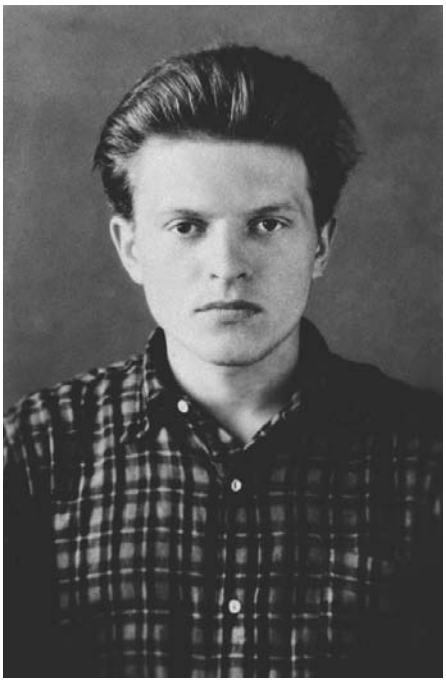
Отец Глеб был совершенно другой человек. Мы с ним познакомились как соученики[1] и потом вместе жили в Сибири. Он в юности увлекался оккультизмом, теософией и так далее, и как-то незаметно при мне христианизировался. Но это человек темпераментный и страстный, которого всегда в основном интересовала борьба. Больше ничего — борьба, и борьба, и борьба! И если когда-то можно было противника сокрушить — для него не было большей радости. Хотя вообще человек он милый и чистой, по-своему, души. В нем до сих пор осталось что-то детское, он все еще играет в какого-то террориста — я имею в виду психологически.

В это время начались самые бурные, самые активные антирелигиозные выступления. Собственно, начались они, когда я был рукоположен. Я как раз попал в струю. 1958 год — вот начало той хрущевской атаки.

---

[1] Студенты Московского пушно-мехового института.

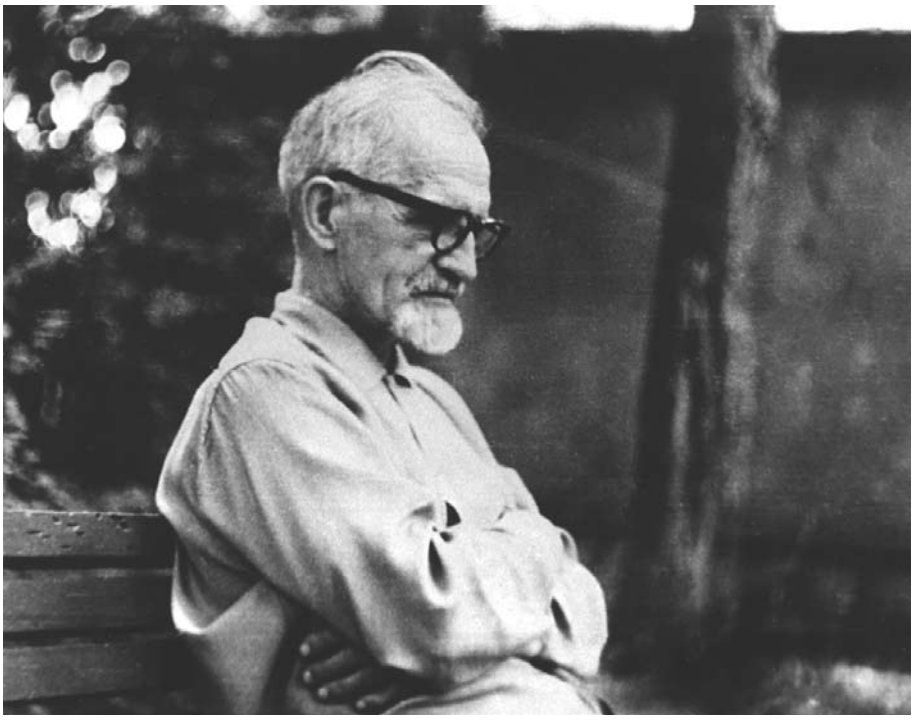
Начались закрытия храмов, пресса была полна враждебных выпадов, появились первые самиздатские ответы. Желудков написал один из своих шедевров — прекрасное открытое письмо отрекшемуся священнику Дарманскому. Но разгромы продолжались. Начались выступления отреченцев (собственно говоря, им и отвечали Левитин и Желудков). Один из них — некто Чертков[1] — в журнале «Наука и религия» понес меня и мои статьи из ЖМП и написал, что я подделываю религию под науку (хотя я старался все это давать очень сдержанно).



Глеб Якунин. 1959 г. (?)

Интересно, что Анатолий Васильевич Ведерников заказывал в специальном агентстве всю прессу о религии. (Есть такое учреждение — я не помню, как оно называется, — где можно заказать всю прессу о... кактусах, например. И это агентство за определенную мзду обязано присылать все соответствующие вырезки.) И вот с этого времени агентство перестало высылать в ЖМП вырезки, потому что их стало столько, что агентство было не в состоянии их собирать. Не было газеты, будь то «Советский спорт» или какая-нибудь местная «Вперед», где бы ежедневно не долбилось, не долбилось... Я подсчитывал: в эти годы антирелигиозная пропаганда дошла до того, что в день выходило по 6,7 названий книг, каждая из которых имела миллионный тираж. В день! Прямо стрельба из «катюш», из минометов... Храмы закрывались при самых безобразных обстоятельствах: вламывались, входили, надевали шапки и бросались тут же все ломать. Я не могу сказать — я это даже

[1] А. Чертков, диакон Всехсвятской церкви в Москве, отрекшись от христианства, стал активно выступать против Церкви в журнале «Наука и религия». В 1962 г. он опубликовал статью «Святой рождественский обман» («Наука и религия», 1962, № 12) с критикой статьи А. Меня «Тайна волхвов» (ЖМП, 1962, № 1). В статье Черткова библейские пророки названы «пигмеями духа», а А. Мень — «православным фальсификатором».



Анатолий Васильевич Ведерников

отрицаю, — что непосредственно свыше было дано указание закрывать церкви хамски. Было сказано: закрывайте культурными способами, щадя чувства верующих. Но эти олухи на местах — раз начальство велит — стали душить людей. И вот начались грандиозные скандалы, по поводу которых впервые стал основательно выступать Анатолий Эммануилович Левитин-Краснов.

Познакомился я с ним летом 1956 года. Мы случайно встретились в редакции «Журнала Московской Патриархии», куда я пришел к Анатолию Васильевичу Ведерникову.

С Ведерниковым я впервые встретился еще в 1948 году, когда он был инспектором Московской духовной семинарии. Я пришел к нему, желая выяснить, можно ли туда поступить (я кончал семилетку). Молодой, с очень красивым профилем, Анатолий Васильевич сидел в кабинете; там был портрет Сталина — небольшой, без цвета; на аналое лежала большая елизаветинская Библия, и везде — книги. Он сказал: «А, вы еще совсем юный! Вот вы кончите школу, будет вам восемнадцать

Елена Яковлевна Ведерникова

лет (а мне тогда было едва четырнадцать) — тогда и приходите». Анатолий Васильевич тогда читал курс истории русской религиозной мысли в Академии, которая находилась еще в Новодевичьем. Через год Анатолия Васильевича сняли, Академию перевели в Загорск, и история религиозной мысли — увы!..

Этому было несколько причин. Одной из причин была, по-видимому, его женитьба на репатриантке[1]. Тогда — было сталинское время — это считалось ужасным преступлением, хотя на самом деле это была рядовая женщина, активная мирянка — парижского прихода, очень промосковской, очень просоветской ориентации. Тем не менее уже вот это его запятнало. Но и вообще, он был человек живой, хотя очень гибкий, так сказать, умеющий всюду устраиваться, но — человек умный, истинно религиозный и, несмотря на известный консерватизм (у него был здоровый консерватизм), — с открытостью к разным веяниям. Таким он остался и теперь — от него всегда самые лучшие впечатления, я всегда его очень любил, и наша семья его очень ценила.

В 1956 году я к нему пришел снова. Тогда, будучи уже на третьем курсе института, я приехал в Москву — зондировал почву насчет поступления в семинарию. Был у владыки Леонида[2], который меня очень ласково принял. Я ему сказал, что хочу, окончив институт, отработать и подать документы в семинарию, но хочу уже заранее готовиться: какие есть возможности? Предупредил его: «Я по паспорту не русский, вы учтите это». Он говорит — эдак либерально: «Какое это имеет значение!..» Правда, злые языки говорили, что он сам — с какой-то «неполной» анкетой, но все это уже относится к области легенд. Так или иначе, меня познакомили с Анатолием Васильевичем Ведерниковым вторично. Он был тогда редактором «Журнала Московской Патриархии». (Официальным

---

[1] Елена Яковлевна Ведерникова. У нее о. Александр вместе с женой учился иконописи.

[2] Митр. Леонид (Поляков) (1913–1990). С 1957 г. архимандрит и инспектор МДА и МДС, в 1959 г. хиротонисан во епископа Курского и Белгородского, в 1962 г. назначен епископом Можайским, с 1979 г. митрополит Рижский и Латвийский.

редактором числился митрополит Николай, а он был ответственным секретарем редакции, то есть практически редактором.)

И вот летом 1956 года я прихожу в редакцию «Журнала Московской Патриархии» (я уже не первый раз был у Анатолия Васильевича), подхожу к двери, туда заглядываю — и слышу голос — резкий такой, — говорящий: «Вы знаете, что всякий конкубинат кончается либо скандалом, либо законным браком. Так что ж у нас с вами будет?» На что Ведерников отвечает что-то неуверенное: очевидно, не то и не другое, — «конкубинат» продолжится. Услышав такой странный разговор, я закрыл дверь и дальше уже не слушал. (Как потом выяснилось, речь шла о том, что Анатолий Васильевич, чтобы поддержать этого человека, давал ему писать статьи для ЖМП. Таким образом, довольно долго длился этот «конкубинат», и он думал, что надо уже ставить его фамилию и пытаться сделать его официальным автором — но, к сожалению, это не удалось.) Потом я зашел к Анатолию Васильевичу, мы поговорили, я вышел — этот человек сидит. В очень сильных очках, видимо, очень плохо видящий, черный такой, взъерошенный, очень подвижный, весь какой-то изломанный, — он сразу заговаривает со мной и рассказывает мне «тысячу и одну ночь» про себя: сообщает мне с ходу, что он только что вернулся из лагерей, что он был обновленческим дьяконом, что он был учителем, что он сейчас работает учителем, сообщает тут же, что он под псевдонимом пишет статьи в «Журнал Московской Патриархии». Я ему говорю: «Ну, вот вы меня не знаете и вы мне все это сразу выпалили — как это!?» Он: «Мне о вас тут сказали. А вы что?» Я говорю: «Вот, учусь, студент, а со временем хотел бы быть священником». — «Ни в коем случае! Вы такой быстрый, — сказал он (мне был двадцать один год), — это совсем не подходит для вас». «Ну, что ж, — я потом медленней буду чуть-чуть», — ответил я.

Мы с ним пошли пешком — и прошли от Новодевичьего монастыря до Кремля; он мне рассказывал в красках и в лицах всю эпопею, которую он впоследствии запечатлел в своей книге «Очерки по истории церковной смуты» (трехтомной, она на Западе еще не вышла)[1]. Ведь когда я жил в Сибири, я страшно интересовался историей церковного раскола. Причины понятны: поскольку мои родители были как-то причастны к этому, я должен был знать, что к чему, кто прав, кто виноват[2]. Кроме того, проблема обновленчества меня всегда интересо-

[1] Первое издание: Institut Glauve in Der 2. Welt. Цюрих, 1977. См. стр. 91, прим. 1.

[2] Имеется в виду, что мать о. Александра и ее друзья были связаны с Катакомбной церковью.

вала: с одной стороны, я чувствовал, что это было что-то очень гадкое, но, с другой стороны, сами идеи обновления были мне необычайно близки. Я не мог понять, как же это... Свидетели, очевидцы рассказывали об обновленцах просто одни ужасы, но я чувствовал: что-то тут не то, надо бы познакомиться поближе... Информация была почти нулевая. Книг, разумеется, не было. Сейчас ведь и советских книг про обновленчество полно, а тогда не было ничего. И вот живой свидетель событий обо всем этом рассказывал. Сейчас он об этом опубликовал на Западе большую книгу (первый том уже вышел)[1], но для меня это была пища необычайная.

Вот так мы шли — и он все рассказывал, рассказывал... Он мог говорить бесконечно! «Да, кстати...» — говорил он между двумя рассказами — и пошел следующий.

Сам он мне показался очень живым. Тогда меня поразило, что он, пройдя через лагерь и через такие жизненные перевороты, сохранил оптимизм, бодрость.

Отец его был евреем, крестившимся до революции официально, но не ставшим христианином и относившимся плохо к религии вообще, не верующим ни во что; мать была русской, терпеть не могла евреев и быстро ушла от отца. А он, мальчик, с детства был религиозным, с детства был христианином, так вот родился. Значит, парень находился как бы между молотом и наковальней. Мать ненавидела своего сына за то, что тот сын еврея, а отец был недоволен сыном за то, что тот православный. Таким образом, все были против него. Конечно, это промежуточное положение далось ему очень тяжело. Чувствовалось, что он психически потрясен, в нем есть что-то надломленное... Не сложилась у него личная жизнь, он перенес тяжелейшее разочарование.

Когда он сблизился с обновленчеством, первое знакомство свелось к тому, что его засадили по их же наветам. Некто Платонов Николай Федорович на него «стукнул» — но он настолько ничего не знал о деле, которое ему пришили, что даже в те годы его просто выпустили на третий день. Можно себе представить: он не знал в лицо ни одного персонажа, не знал никого по имени, вообще ничего не знал, и это было написано у него на лице. После этого на него стукнул сын Введенского, его патрона. И стукнул, собственно, за что? По пьяной лавочке или, может, в интимном разговоре он назвал Иосифа Виссарионовича «обер-бандитом» (Анатолий Эммануилович любил говорить!). Это было

---

[1] А. Э. Краснов-Левитин. «Лихие годы: 1925–1941. Воспоминания». Париж, 1977.

сталинское время, этого было достаточно, чтобы сразу же схлопотать червонец. И вот оттуда он вернулся.

Он стал учительствовать — но дело это долго не продлилось, потому что в 1958 году про него уже была статья в первом номере журнала «Наука и религия». Этот первый номер был насыщен клеветой, и там была статья, обливающая грязью Левитина[1]. Причем там было сказано о нем, что он дворянин и так далее, осколок старого мира. И там же о Вадиме Шаврове[2], его друге: что он никакой не потомок Тургенева, что он не офицер и что у него отец не генерал и так далее. Вадим поднял скандал, ему сказали: «Извините, действительно вы офицер, действительно у вас боевые ордена, действительно отец ваш генерал и член партии и он только что умер, и вы действительно потомок Тургенева, — но что мы можем сделать... Печатать опровержение мы не будем». Так и называлась эта статья: «Вадим Шавров и его крестный отец»[3]. А «крестный отец» был Анатолий Эммануилович. «Дворянин» же заключается в том, что его отец, будучи адвокатом, имел личное дворянство, которое не передается по наследству.

И потом было множество всяких приключений.

Он весь соткан был из комплексов, которые его всегда мучили. Но при этом он был человеком жизнерадостным и неунывающим. Я сказал ему: «А как дальше дело-то пойдет? Вы видите, как тут начали нас давить, что будет?» — «Ну, это все ерунда, — отвечает Анатолий Эммануилович, — я такое повидал, что... Все, что сейчас происходит, это все ерунда, на самом деле все будет хорошо. И молодежь сейчас нарождается новая». —

---

[1] На самом деле первая статья о Краснове-Левитине была напечатана в 1959 г. и не имела для него последствий. Вторая, более поздняя (П. Воскресенский. «“Духовный отец” Вадима Шаврова», «Наука и религия», 1960, № 5), носила характер доноса, сообщая, что Краснов-Левитин пишет под псевдонимом статьи в ЖМП. Статья оканчивалась словами: «Вокруг счастливо и радостно живут люди. И Левитин улыбается вместе с ними. Это — днем. А ночью начинается вторая, настоящая жизнь двуликого богослова. Злобой, высокомерием, казуистикой наливается рукопись нового трактата».

[2] Вадим Михайлович Шавров (1924–1983) учился в военно-морском училище, в 1941 г. добровольцем ушел на фронт, был ранен, награжден многими орденами и медалями. После войны учился в МГИМО, в 1948 г. был осужден на 10 лет за «антисоветскую агитацию», в 1954 г. освобожден, экстерном окончил Одесскую духовную семинарию, был иподьяконом у архиеп. Одесского и Херсонского Никона (Петина) и митр. Кировоградского и Николаевского Нестора (Анисимова).

[3] Статья А. Андреева называлась «Вадим Шавров и другие» («Наука и религия», 1959, № 1, сентябрь).

Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин

«Ну, я пока ее не вижу». — «Нет, есть, вы ее увидите!» И действительно, она впоследствии появилась. В 1956 году ее еще не было, все сидели по своим углам, а Левитин сказал: «Она еще слаба. Как все молодое, зеленое, ее легко задавить, но все-таки это именно молодое».

Мы с ним расстались друзьями и часто встречались потом. Единственный раз в жизни у нас была тяжелая ссора, потому что он благодаря своему невероятному языку меня сильно подвел, так что некоторое время у нас было охлаждение. Но потом мы снова помирились.

Анатолий Эммануилович был человек резкий, но добрый, с очень твердыми, ясными христианскими принципами. У него была некоторая примитивность, прямолинейность взглядов, которая полностью искупалась их цельностью. Люди утонченные, снобы, люди, так сказать, богословски изощренные, считали его ограниченным, чуть ли не пошлым, но это все неверно: его «примитив» был гораздо выше их изощренности, потому что он был очень цельный человек. Это было целостное мышление, целостное сознание, целостная вера, целостный духовный опыт, целостная личность. И это — при таких контроверзах, о которых я уже упомянул. Больше того. Контроверзы продолжались и дальше: потому что он был социалистом, он стоял за социализм — который он, если я правильно понимаю, путал с коммунизмом; он был и социалистом, и христианином, хотел совместить и такие вещи. Чудо его цельности заключалось в том, что на самом деле это был человек, раздираемый жесточайшими противоречиями, человек, который был весь мучительно закомплексован. Казалось, что такой человек явно не может быть целостным. Нет — был! Был целостным.

Был он человеком, в общем, ортодоксальным. Когда они встретились с Желудковым, то Желудков сказал: «Вы агнец в догматическом смысле», — никаких у него не было левых «загибов». Зато он был очень социалистически настроен, считал, что христианство и социализм не только соединены, но очень необходимо их соединить. И он до сих пор проповедует на Западе эту идею. Я воздерживаюсь от суждений на этот счет, но... Но, во всяком случае, его общественный пафос, его мысль о том, что общественная неправда является не чем-то безразличным для христианина, а что это вещь, против которой христианин должен как-то бороться, — эта мысль настолько естественна, что, по-моему, все очень просто.

На Анатолия Эммануиловича смотрели косо — я думаю, больше всего потому, что он выступал так резко и что он был еврей, это вообще

А. Э. Краснов-Левитин на заседании общества «Культурное возрождение» в Доме культуры завода «Серп и молот». 1989 г.

самое главное. Пусть наполовину — этого было достаточно. Потом его стали травить — историю его травли я рассказывать не буду, потому что это он расскажет сам в своих мемуарах. Он страшно любил молодежь, у него был проходной двор, собирались самые различные люди. Интересно, что когда его арестовали вторично, то там был один парень, которого считали стукачом, — так он был единственный, кто на него не показал. И когда он смотрел потом свое дело, то там было сказано об этом юноше, что тот считает его свидетелем правды и ничего о нем не скажет. (Ну, он был парнишка немножко с фантазией...) Левитина отпустили — временно, он еще был под следствием, — думали, он одумается. Но он опять начал горячиться, и его опять забрали. И пришлось ему уехать, как — он сам напишет.

Это был один из самых светлых людей, которых я встречал: живой, активный, искренне религиозный, хорошо понимающий, что в Церкви есть проблемы, пытающийся как-то на них ответить. Он был первым автором религиозного самиздата, который начался с пятидесятых годов: он стал писать апологетические статьи, брошюры, выступая сначала против ренегатов.

В то время вышла первая брошюра отреченца Дулумана[1]: «Почему я перестал верить в Бога» — и Эммануилыч лихо его отхлестал за нее. Так начался самиздат. А потом он стал писать резкие, обличительные статьи. Почти на каждое мало-мальски стоящее поносное выступление в прессе он отвечал своим, столь же поносным — писал он в стиле советском, это был советский памфлет, со всеми, так сказать, советскими приемами. К сожалению, один из этих приемов его «подкузьмил»: он не всегда проверял факты. Например, в замечательном памфлете «Куда ты идешь, Володя?» он, по-моему, обвинил человека зря. Был очерк Тендрякова[2] «Куда ты идешь, Лида?». Некая девушка, якобы решив поступить в монастырь, стала сомневаться, написала в газету: «Дорогая редакция, стоит ли мне поступать в монастырь?» А Тендрякову поручили ответить. И он написал целую страницу: «Куда ты идешь, Лида?» — и там фотографии: монаха, который приветствует Гитлера, наместника, который влезает в автомобиль, и другие гнусные сцены.

А Эммануилыч написал «Куда ты идешь, Володя?». Он писал о том, сколько этот наместник выстрадал, прежде чем сел в этот автомобиль, о том, что немцев встречали одни, а другие были расстреляны немцами. Почему же тогда говорить именно об этих? Мало ли кто встречал — все, и коммунисты многие. Ответил здорово! А название «Куда ты идешь, Володя?» объяснялось так. Левитин писал: «Мы с вами говорили на джентльменских основаниях, а вы взяли мою статью, отнесли куда не следует. Куда вы идете, с кем вы — со стукачами?» Тендряков потом клялся — не знаю, можно ли ему верить, — что он ничего никуда не носил, что это была ошибка. Но этот памфлет вошел в сборник Эммануилыча, который вышел за рубежом. У него в те годы вышло два сборника (один — «Защита веры в СССР», второй — забыл, как называется)[3].

Наибольшую славу ему принес памфлет в защиту Почаевской лавры, с которой происходили ужасные вещи. Ее терзали, ее убивали. Люди приезжали туда помолиться — подъезжала машина с милицией,

---

[1] Евграф Каленьевич Дулуман. Выпускник МДА. Его первая антирелигиозная брошюра «Почему я перестал верить в Бога. Рассказ бывшего кандидата богословия». М., 1957, активно популяризировалась в России и была переведена на многие языки.

[2] Владимир Федорович Тендряков (1923–1984) — советский писатель, часто обращавшийся к религиозным темам с позиций неверующего гуманиста.

[3] Название второго сборника: «В борьбе за свет и правду» (1964). В 1967 г. в Париже вышел третий сборник — «Диалог с церковной Россией», в котором была статья «Куда ты идешь, Володя?».

сажали всех людей туда, вывозили в поле, оставляли и уезжали. Травили монахов, всякие гнусности делали. Анатолий Эммануилыч многое сделал для защиты Лавры, писал во всякие органы. И некоторые монахи, которые ушли оттуда, написали письма за границу. В то время еще никто в Советском Союзе не обращался открыто на Запад, это все было совершенно неведомо. А эти монахи написали какие-то просьбы — косноязычно и, в общем, не всегда точно. И к нам с Эшлиманом попали в руки эти бумажки.

* * *

В разгар всех этих безобразий мы с отцом Николаем однажды прогуливались по нашему парку около дворца. (В Петровском, где стоял мой храм, есть дворец, построенный Казаковым. Дворец был разрушен, взорван, теперь от него остался один костяк и надпись: «Памятник охраняется государством». Рвали его на бут[1]. Но белокаменные колонны еще стоят, и парк — точнее, кусочек парка.) Мы гуляли в парке, я сказал отцу Николаю: «Собственно, а почему вот таким несчастным людям писать? Давай соберем факты и напишем конкретно, адекватно и авторитетно, чтобы люди знали». Ну что ж, — он настолько пришел в экстаз от этой идеи, что стал меня целовать и вообще вознесся духом горé. А потом мы встретились с [отцом Дмитрием] Дудко и с другими и стали эту идею обмусоливать. И в конце концов почему-то — я сейчас не могу вспомнить, почему, все это теряется в памяти, — пришла такая мысль: «Зачем говорить про это, когда надо искать корень. А корень зла в том, что все происходит от попустительства архиереев. Те представители Церкви, которым это полагается, нисколько не борются за дело Церкви. Теперь, после передачи власти старосте, любая староста может завтра закрыть храм по своему желанию. Потому что ее вызывают в райисполком и говорят: «Закройте!» — а она находит причины к закрытию: «У нас там нет того-то, и того-то». И все, конец. Все упирается в Собор 1961 года. Надо каким-то образом выступить против него». Стали мы все это обдумывать. Эммануилыч стал свои мысли предлагать, и некоторые другие священники — не буду называть их имена[2].

---

[1] С 1940 г. дворец был превращен в тюрьму СМЕРШ (см. стр. 148, прим. 2). В 1948 г. он был взорван, чтобы уничтожить следы расстрелов заключенных.

[2] Это были священники Николай Ведерников, Дмитрий Дудко, Алексей Злобин, Владимир Тимаков, Сергей Хохлов, Николай Эшлиман, Глеб Якунин.

У развалин дворца Мещерских в Алабине. О. Александр и о. Сергий Хохлов с семьей. 1963 г.

Между тем у нас на приходе произошло маленькое — а может быть, и большое — «недоразумение», которое поставило «аббатство» под удар и в конце концов вообще все разрушило. У Николая Николаевича Эшлимана был приятель-историк Вася Фонченков[1], сын известного партийного работника — настолько известного, что после его смерти в газете был даже портрет в траурной рамке. Этот Вася Фонченков — молодой человек немножко авантюрного склада, любящий качать права, — часто бывал у Николая Николаевича. Он вообще любил поговорить о монархизме. Был он историк по образованию, кончил университет, работал в Музее истории и реконструкции Москвы и очень любил царскую фамилию: собирал какие-то материалы — сначала интересовался как историк, а потом вообще возлюбил... У меня с ним особенных отношений не было — так, если к Николаю придем, Вася тут как тут, что-нибудь расскажет новенькое — он вечно собирал какие-то коллекции, музейные редкости, всюду бывал... К тому же, хотя он был крещен с детства, если я не ошибаюсь, бабушкой, но христианизировался, воцерковился сравнительно недавно.

И вот он приехал ко мне, в мое «аббатство», и говорит: «Есть у меня друг, — кажется, они даже учились вместе, — тоже историк, Лев Лебедев[2]. Он научный сотрудник истринского музея Новый Иерусалим, стал православным, обратился и даже подумывает, не подать ли ему в семинарию. И вообще хочет с работы уходить и идти уже по церковной стезе. И начать он хочет с того, чтобы стать псаломщиком. Возьми его к себе». А вместе с ним, рядом, — юноша с белесым лицом, оттопыренными ушами, улыбкой до ушей, сугубо интеллигентный человек, как я сразу почувствовал. Быстро все схватывает, говорит вкрадчиво. Но Вася мне не сказал одного, самого главного: что он «мертвый» алкоголик. С этого все и началось.

---

[1] Свящ. Василий Фонченков (р. 1932), работал в музее, расположенном в Ново-Иерусалимском монастыре. В 1973 г. был рукоположен в священники. В 1976–1977 гг. настоятель Сергиевского храма в Карлхорсте (Берлин) и редактор журнала «Stimme der Orthodoxie», где в те годы печатался о. Александр. В 1979 г. вступил в Христианский комитет по защите прав верующих. В настоящее время в юрисдикции Русской Православной Церкви заграницей.

[2] Прот. Лев Лебедев (р. 1935). В 1962 г. окончил исторический факультет МГУ, работал в музее в 1962–1964 гг., в 1968 г. рукоположен в священники, с 1990 г. перешел в юрисдикцию Русской Православной Церкви заграницей. Автор статей и книг, популяризирующих квазиправославную культурологию.

После литургии. Пасха. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Алабине. 1963 г.

Лев Лебедев продолжал жить на территории музея-монастыря Новый Иерусалим, а ездил к нам, в Алабино. Я его учил читать, петь, мы взяли его в штат, и он был псаломщиком. Но через несколько дней меня встревожила одна история, вообще-то ничтожная. Он начал меня спрашивать о разных вещах — вот, отец Александр, то-то, то-то — а когда я ему высказывал свое мнение, он мне начинал отвечать весьма смутно. А мне это было уже знакомо по психопатам. Психопат отличается тем, что не может высказать свою мысль. Он говорит красиво и много, а ты не понимаешь, что он хочет сказать, — и он сам не может дойти до этой сути. И вот, этот Лев темнит и темнит, и темнит — я ему одно, а он что-то другое. Красиво темнит!

Потом наступил какой-то праздник. Собрался народ; все пришли, сели, выпили. Надо сказать, я никогда не был против хорошего застолья с хорошей выпивкой, поскольку здоровье мне позволяло. Я пуританские взгляды в этой сфере осуждал. Хотя потом мне это все менее и менее

стало нравиться — я просто решил, что у нас пить не умеют, и нечего устраивать этих застолий. Пить надо тем, кто умеет и кто получает от этого дружескую радость. А те, кто, когда напьется, говорит одно, а потом, протрезвев, — другое, — хуже нет, ненадежные люди! Это в деревне у нас сколько раз бывало: мы выпивали с местными парнями, и они мне клялись, что в глубине души у них есть вера, что они придут в церковь, — но я уже не слушал их, потому что знал: когда они протрезвятся, не придут ни за что. А тут мы сели, было много молодежи, разных ребят, и наш Лева Лебедев начал что-то вещать и проповедовать. (Он очень красиво говорил, у него уже была одна печатная работа — в обществе «Знание» вышла брошюра по истории[1].) Вдруг он стал что-то выкликать, а потом свалился на пол и заснул. Это первое, что меня насторожило, — такова обычная повадка алкоголиков.

Потом он приехал со своими приятелями, очень симпатичными, милыми, живыми и общительными — люди из тех, которые сразу же общаются с вами так, как будто знают вас всю жизнь (поэтому напоминают гомосексуалистов). Они говорили массу комплиментов, но как-то быстро напились и «выпали в осадок». Я только потом понял, что это сорт интеллигентных алкоголиков. Но опять-таки я как-то на это не обращал внимания: мало ли, ну устал, выпил, может, он еще и до этого выпил. Но потом мы с Сережей — с отцом Сергием — стали видеть, что что-то здесь не в порядке... И вообще мне Левино настроение стало не нравиться. После какого-то праздника идет и возглашает: «Теперь будем читать Тютчева!» Некогда было — я устал, был загружен работой, — а у него такая богемная обезьяна жила в душе, которая подзуживает: «сядем и будем читать Тютчева». Может быть, конечно, в этом ничего дурного нет, я это приветствую — я сам люблю Тютчева. Но мне не надо, чтобы мне Лев Лебедев читал Тютчева — я сам прочту.

И в скором времени он нас всех погубил. Произошло это следующим образом. У Лебедева на работе был сотрудник[2], садист (по моим наблюдениям), который настолько ненавидел Церковь и веру, что, например, приобретал иконы, чтобы чертить на них гадости, выжигал глаза святым; использовал дароносицу для пепельницы или мусорницы и т. п. Рядом с монастырем был источник, и, когда бабки туда ходили,

---

[1] Л. А. Лебедев. «Как раскрываются загадки и тайны истории». М., 1963.

[2] Александр Иванович Клибанов, много печатавшийся при советской власти «историк». Специализировался на поиске социализма и протестантизма в русской народной религиозности.

он, изображая из себя якобы какого-то представителя власти, подходил к ним, отнимал у них бидоны с водой, в общем, пугал их до смерти. И так далее. Так вот, оказывается, как я потом узнал, наш Лев Лебедев в пьяном виде похвалялся этому своему сотруднику, что он все равно привезет священников и освятит весь музей, потому что это — осквернённая святыня. И тот, видно, был настороже. Я ничего этого не знал.

А за несколько дней до «недоразумения» Лев в мое отсутствие, пьяный, притащил мне куски керамики, которые валялись у них в музее. Мне они были не нужны, но он говорил что-то насчет того, чтобы вделать их в алтарь... Подарил несколько старинных книг. Я посмотрел: на них нет никаких печатей — хотя все было явно музейное. Это все осталось у меня...

И вот, буквально через несколько дней — это было первого июля, на праздник [иконы] Боголюбской Божией Матери — мы решили поехать [в Новый Иерусалим], просто в гости, посмотреть. Я до того никогда там не был. Мы отправились на церковной машине. Ехал со мною Эшлиман со своей женой; Наташа[1] с детьми в это время была на Юге.

Когда мы туда приехали, я сказал Льву Лебедеву (я уже знал, что он алкоголик): «Лева, пока мы находимся здесь — вы не должны пить вообще, ни капли. Всё!»

Пока мы ходили и все осматривали, я начал разговор с его женой, гречанкой по национальности. Она была настроена очень антирелигиозно, а тут я как-то ее сломил, и мы начали первый разговор «похорошему». Но Лев таки успел «сбегать», где-то выдул две бутылки красного вина и уже был хорош. Когда мы стали уходить, он мне положил в чемодан еще какие-то осколки, которые бы нам могли пригодиться для ремонта церкви: мраморный круг с дырочками, который можно использовать как подсвечник, еще что-то... Я с этим чемоданом выхожу — и вдруг вижу (мы были в кабинете Лебедева), как пламенная гречанка бросилась на вошедшего милиционера и выставила его вон. Я выглянул в окно, увидел, что все мечутся по двору, и понял, что надо отступать, немедленно!

Я махнул Эшлиману, и тут раздался шум — это выскочил пьяный Лев Лебедев и нанес несколько оскорблений действием своему коллеге, который, как я узнал впоследствии, вызвал милицию и заявил, что попы приехали что-то там отбирать, — в общем, что-то непотребное творить. Сокрушив начальника и упав на землю, он был тут же водружен мили-

---

[1] Наталия Федоровна Григоренко,
жена о. Александра.

цией на мотоцикл и увезен в соответствующее место. Мы же все быстро сели в автомобиль и отбыли.

Приехав, я посмотрел все эти обломки, которые он мне принес, и ликвидировал их вообще, потому что чувствовал, что сейчас будет какое-то происшествие.

И действительно, ровно через день приехала оперативная группа с визой прокурора на обыск по изъятию ценностей, которые я «похитил» в музее Нового Иерусалима. Вместе с опергруппой находится и этот «антирелигиозник». Он всячески потешается, начинает изучать мою библиотеку, говорит: «О, о, мы-то думали, что это мы так, а на какую мы щуку-то напали!» Так они говорили между собой, а я слышал: «Вот это щука...» У меня лежали разные иностранные журналы, церковные и так далее... «Откуда это у вас?!» — говорит он грозно. — «Это ж наши издают!» — отвечаю я (это как раз был «Stimme»[1] — «Голос православия»).

Я-то более всего боялся того, что там были некоторые вещи[2] нашей старосты, которые она использовала, чтобы мы могли добывать деньги для ремонта храма. Если б нашли — ей несдобровать. В общем, все это шло вот так, напряженно — три сантиметра отделяло его от этого.

Потом ко мне вышел милиционер и сказал: «Слушай, давай три рубля и — в общем, мы как-нибудь все это сделаем». Я, конечно, с радостью его ублаготворил. И милиционер говорит: «Ой, сколько книг, когда ж тут служить можно, тут не служить, все надо читать...» Но те не отставали — вот этот «антирелигиозник» и бывший с ним «гэбэшник». «Гэбэшник» был молодой и говорил: «Знаете, я в этих книгах не понимаю вообще, посмотрел — ну, вроде бы ничего тут нет». Забрали у меня машинописные выписки из «Доктора Живаго» Пастернака, взяли две иконы — сочли, что это музейные. И взяли те старые книги, которые Лебедев мне подарил, и несколько обломков керамики — как вещественное доказательство того, что он украл и мне передал краденое.

Но этот «гэбэшник» не успокоился. «Мы пришлем специалиста осмотреть вашу библиотеку», — сказал он и «запечатал» мне дом. Я остался на террасе, как глупый. А тот «антирелигиозник» — фамилию его я уже забыл[3] — говорит: «Нам надо с вами подискутировать. Я к вам приду, и мы побеседуем». Я говорю: «Если у вас будет ордер — приходите». Он говорит: «Ну зачем вы так, Александр Владимирович, — что вы!..» — «Нет, — говорю, — с вами мы будем разговаривать, только когда у вас будет ордер. А так — арривидерчи. Всё!»

---

[1] См. стр. 83, прим. 1.

[2] Неучтенные свечи.

[3] А. И. Клибанов.

Они ушли, я остался один и пошел дописывать «У врат молчания» — мне осталось всего три странички. Думаю: «Нет, гады! Я все равно добью то, что положено в этот день!» И удалился в свой буддизм… Я находился один, как я уже говорил, — семьи не было. Комната опечатана. Но у меня там кое-что было, что могло быть использовано «врагами» против меня, — какие-то машинописные вещи (сейчас я уже не помню, что именно). Ничего по-настоящему криминального не было, но все-таки я бы не хотел, чтобы они там были… Ну а кроме того — возьмут и не отдадут. (Кстати, они мне и не вернули ни иконы, ни эти выписки — ничего.) Стал я гулять по двору в раздумье. Гулял, гулял. Потом так задумался, что — подошел, дернул дверь и — сорвал эти все печати. «Ну, — думаю, — раз уж я их сорвал, так я должен почистить». Я там «почистил», кое-что унес, а сам думаю: «Ну, что теперь будет?»

Вдруг идет мой брат[1]. Как-то мне стало веселей — мы с ним обдумали это дело. Они сказали, что приедут на другой день. И я решился: пошел к одному административному лицу нашей деревни, с которым я был в большой дружбе, и говорю: «Так и так, такая картина». Он говорит: «Они были у нас, допрашивали, мы сказали о вас самое хорошее, что никакой у вас антисоветчины нет и не было, и вообще они не имеют права оставлять дом опечатанным — они должны были закончить обыск». — «Тогда я сейчас к ним поеду!»

Сели мы в машину, и отправился я в их ГБ — Красноармейское, кажется. Приехали мы туда — и никак не найдем. Я какого-то милиционера спрашиваю: «Где тут ГБ?» Он на меня посмотрел, как на гадюку, — оскорбился, — но все-таки показал. Вошел я в ГБ. Там пусто. Сидит какой-то малый, пишет заявление. Я спрашиваю: «Где тут “эти”?» — «Вон они, зарядкой занимаются». (Смотрю — за окном молодые парни бегают по кругу.) Я говорю: «А вот такой-то мне нужен». — «Уехал куда-то… А я, — говорит, — сижу, пишу заявление, уходить хочу отсюда. Не нравится мне». — «Да что же не нравится?..» Так мы побеседовали, я оттуда ушел и написал перед этим записку, говорю: «Вы тогда ему передайте записку». Написал: «Я ждал вас два дня, приехала моя семья, прошу меня больше не беспокоить!»

А что оказалось? Пока я ездил, он приехал туда — а там замки кругом, я замки на дом повесил. В общем, мы разъехались. А когда я узнал, что они вообще не имели права дом оставлять опечатанным, — они както поотстали.

---

[1] Павел Мень (р. 1938).

Но что значит «поотстали»? Получил я повестку в прокуратуру: решили устроить грандиозный процесс. Самого Руденко — генерального прокурора — на это дело пустили, он начал всем этим командовать. Открываю газету районную, «Ленинский путь» (или как там она называется) — в ней статья: «Фальшивый крест»[1]. В карикатурном виде изображается и без того карикатурный Лебедев, а потом говорится, что он пригласил священников — Эшлимана и Меня, — которые приехали туда с девицами (это жена Эшлимана считалась девицей!) и ограбили музей, и пели «Шумел камыш», и вообще Бог знает что. «Ну, — думаю, — дела. Что теперь будет...» И на допрос.

Допрос длился семь часов и, надо сказать, произвел на меня очень отрадное впечатление, потому что следователь был все-таки из прокуратуры, отнесся хорошо, составил все как надо. Затем пришел другой. А я — вообще ни при чем. Я — ничего не брал. «Откуда, — говорю, — видно, что эти книги музейные?» Потом выяснилось, что при обыске они у меня стащили мою фотографию — тогда уже я стал на них поднимать голос и говорить: «Вы что ж, пришли как представители закона, а какое вы имеете право? Где у вас в акте и в описи отмечено, что вы взяли мою фотографию?» Один следователь говорит другому: «Да отдай ты ему фото!» В общем, такая началась тут перепалка... Фотографию я забрал — очевидно, они хотели использовать ее для фотомонтажа или для публикации в какой-нибудь газете.

В общем, когда я во второй раз прихожу на допрос, мне следователь уже намекает, что можно не беспокоиться. Что оказалось? Хотели раздуть грандиозное кадило, и тут просто Бог спас: передали [«вещдоки»] экспертам высшего класса, и эксперты сказали, что все эти книги и вообще все, что там есть (учитывая, что на них нет никаких опознавательных знаков), — в сумме представляет ценность 10 или 15 рублей. Все эти книги выглядели очень торжественно, в кожаных переплетах, а на самом деле они были пустяковыми.

Тут они как-то сразу пообмякли. Однажды, когда я приходил, — открыл дверь, смотрю: Лебедева допрашивают. Потом устроили обыск

---

[1] Иван Малыгин. «Фальшивый крест», «Ленинское знамя», 1964, 23 июля, № 172. В статье Клибанов ошибочно назван Колобыниным, священники обвинялись в краже из музея свитков Торы, другие обвинения носили примерно такой характер: «Отец Александр (в миру А. В. Мень) и отец Николай (в миру Н. Н. Эшлиман) сажали Лебедева в церковную легковую машину (№ ВП39–01) и, прихватив с собой “святой” сорокаградусной и совсем не святых девиц, катались по дорогам Подмосковья». Статья критиковала и директора музея Д. В. Петкова.

у Эшлимана... Воротили как следует. Но Эшлиман, как говорится, вышел здесь благополучно. Он только этой газетной статьей отделался.

А у меня дело было похуже. Перед этим у меня было еще одно приключение. Приходит некто Лясунов, заведующий охраной памятников, и говорит: «Вот у вас тут сломаны колонны кое-где». В колоннах выбоины были: во время войны, когда шли бои, осколки попадали в белокаменные колонны (а у нас много было этих колонн, вся колокольня по периметру была ими окружена — колонны большие, по 15 метров высоты); мы заделали их известкой, штукатуркой. А он говорит: «Теперь вы должны все это вынуть, достать белый камень и заделать белым камнем». То есть он предложил сделать нечто совершенно невозможное, причем за короткий срок. Я говорю: «Мы же на этом погорим». А потом вижу его выразительное лицо, смотрю и говорю: «Сколько?» Он говорит: «Три» — я ему выкладываю. А его приятель, который с ним приехал, тоже из этого общества охраны, сидит в стороне и читает Достоевского. Я пожал им ручки и отправил.

Оказывается, он объехал восемь или десять церквей, проделал эту операцию, а на одиннадцатой — батя, с которого он заломил больше всех (у него все возрастали аппетиты), сказал, что принесет ему, заметил номера денег и «стукнул» в ОБХСС или куда там следует, на Петровку. И Лясунова взяли с поличным с этими деньгами. Начался процесс. Нас всех стали таскать, и адвокат его говорит, что надо нас всех посадить, поскольку мы давали взятки.

Так что тут все наложилось одно на одно. Что будет дальше — я уже не знаю. Наступает отпуск, и я чувствую, что надо посмотреть мир, пока тебе не дадут смотреть через маленькое окошко. И мы с женой отправились по Волге на пароходе. Я был уже спокоен, потому что «У врат молчания» было закончено, и я уже обдумывал, как мы начнем греков и, самое главное, — где мы их начнем. И тут — приезжаю я, по-моему, в Астрахань или еще в какой-то город — телеграмма от Сережи[1], моего сослужителя: «Приезжал Трушин[2] (это уполномоченный по делам Церкви), срочно выезжай». В общем, пока я ехал по Волге, я в каждом городе находил отчаянные телеграммы: «Приезжай срочно». Оставив Наташу и мешок с книгами, которые я брал с собой, я в Саратове сел на самолет и прилетаю сюда.

---

[1] Свящ. Сергий Хохлов.

[2] Алексей Алексеевич Трушин, в 1960-е гг. уполномоченный по делам религии при исполкоме Мособлсовета.

Литургия в пасхальную ночь 1964 г. В алтаре. За о. Александром стоят Евгений Барабанов, Александр Борисов, Александр Юликов и Александр Ульянов

А тут полный разгром. Приехал Трушин и говорит: «Где он, этот злодей — про которого в газете, который уголовник и так далее?!» — «В отпуске», — отвечает отец Сергий. «Никаких отпусков не полагается!» — ну, в общем, уехал. Я прихожу к нему. Он: «Ну, что с вами делать?» Он работает с сорок пятого года, большой чин в ГБ имеет — не знаю, какой — полковник или кто. Человек не из приятных — хотя, впрочем, я с ним, как говорится, чай не пил. «Что с вами делать?» Я говорю: «Ничего». Он говорит: «Вот, написано: “Шумел камыш” и прочее». — «Знаете, — говорю, — я столько не пью, в чужих домах тем более. “Шумел камыш” я даже текста не знаю». — «Что с вами делать?» — наверное, раз пятьдесят повторил. «Ну, пока не служите, пока не служите». Потом звонят ему. Я чувствую, что звонят из «какого-то» учреждения. «Все отрицает, — говорит, — все отрицает». Я ему сказал, что все это выдумка чистой воды. Он: «А какие-то там девицы?..» — «Знаете, — говорю, — вы же понимаете, как все это пишется...» Понимаете, это шестьдесят четвертый год, Хрущев еще у власти, гонение идет полным ходом — каждый

О. Александр и о. Сергий Хохлов. Пасха . 1964 г.

номер «Науки и религии» выходит с рубрикой «Факты обличают», и там поносят всех и вся, кого попало. Все местные — районные и областные — газеты полны клеветы, инсинуаций и всяких поношений, и каждый ищет вот такого нового факта. «Ну, — думаю, — все». Он говорит: «Ну, не служите пока...»

«Все, — думаю, — рухнуло наше аббатство».

Приезжают ко мне Женя Барабанов[1], Саша Юликов[2] — юноши, которые тогда только что кончили школу, — я им говорю: «Накрыли нас хорошо. Но будем надеяться на милость Божию, что будет дальше, посмотрим».

И действительно, произошло чудо. Я еще не пропустил ни одной службы. И тут съезд уполномоченных. Какие им дали инструкции — кто их знает! Но вызывает меня секретарь епархии и говорит: «Ну что, вас там сняли? Ну, погуляйте месяц-другой, мы вам найдем местечко, не беспокойтесь, все будет в порядке — Трушин хороший человек». Я говорю: «Через три дня Успение, что ж мне, не служить?» — «Ну, позвоните, — говорит, — уполномоченному». Я ему звоню и говорю: «Алексей Алексеич, вы говорили не служить, но я пока в воздухе, а ведь Успение — как же служба пройдет без меня?» Он отвечает: «Ну, послужите на Успение, а потом ищите другой приход». То есть вся схема изменилась.

Я на Успение послужил и после службы, сразу сев на машину, приезжаю в Тарасовку (мне секретарь сказал, что в Тарасовке освобождается место[3]). Приехал туда, посмотрел: церковь грандиозная, все нормально. Хотя, конечно, там все оказалось значительно хуже, но в этот момент мне выбирать было нельзя: либо пан, либо пропал. И на другой же день после Успения (или на третий) я заключил договор. А там, в Алабине, продолжался разгром: сняли старосту, всех разогнали. «Аббатство» было разрушено.

А Лев Лебедев со своей женой периодически появлялся — его отпустили — и спрашивал, что ему делать дальше. Потом он пристроился при архиепископе Питириме[4] и стал писать ему статьи в ЖМП. Но однажды, когда он пришел к Питириму, напившись до совершенного зверства, тот испугался и сказал, чтобы он не приходил больше. И тогда

---

[1] Евгений Викторович Барабанов (р. 1943), искусствовед. В 1970-е гг. участник правозащитного движения.

[2] Александр Михайлович Юликов (р. 1943), художник-авангардист, оформитель книг о. Александра.

[3] Покровская церковь с. Черкизово на р. Клязьме, где о. Александр служил при настоятеле о. Серафиме Голубцове.

[4] Митр. Питирим (Нечаев) (1926–2003), с 1962 по 1994 г. — ответственный редактор «Журнала Московской Патриархии».

он поехал на Волгу к владыке Саратовскому Пимену (Хмелевскому)[1] — сумел его обворожить, как обворожил меня, и тот его рукоположил. Но потом стал опять валяться по разным подворотням, и владыка Пимен его из своей епархии изгнал. Затем поступил в семинарию — его приняли заочно, потом очно (я сейчас уже не помню точно). Сначала он был фанатичный приверженец официальной иерархии, о. Николая и о. Глеба он поносил; а теперь впал, наоборот, в оппозицию и старообрядствование. Недавно я встретил его в Лавре с длиннющими волосами, длинной жидкой бороденкой и с огромной скуфьей — он шествовал, как протопоп Аввакум, рядом с дьяконом Хайбулиным[2] (тоже оригинальный человек) и говорил мне о том, что все негодяи. Когда я подошел под благословение к Никодиму [Ротову], он сказал, что Никодим антихрист и вообще... Потом Рожков вдруг сказал мне со странной ухмылкой, что теперь Лев Лебедев духовник его жены, которая уже шестой раз лежала в психиатрической больнице. Я диву дался. Пришел, смотрю: лежит все тот же пьяненький Лева, который открывает один глаз, — и все воскресло в моей памяти... Не знаю, что с ним будет происходить, сейчас он очень интересуется ролью масонов и сионистов в губительных последствиях... и так далее. [...]

Перехожу я в Тарасовку — а тут мне приходит вызов на Петровку. То есть на Петровку вызывают несчастную старосту нашу — потому что ведь она же должна была — якобы — давать эти деньги, взятку. Я знаю, что она там вообще погибнет, понимаю, что с ней будет, — так что я решил все это принять на себя и отправился на Петровку, 38. Это было менее приятно, конечно, чем тот допрос. Вертели-вертели — в общем, мы все едва не угодили за решетку. Процесс длился долго, мы без конца ходили и говорили только одно: что он нас шантажировал, что мы эту взятку дали не просто из любви к искусству, а мы дали ее, потому что у нас не было другого выхода. Тут получилась такая маленькая взаимная услуга: товарищ, который приезжал с Лясуновым, очень боялся, что и его втравят — Лясунов ведь с ним, конечно, делил деньги, но я сказал, что он к этому никакого отношения не имел и что денег он не получал. Тогда, когда его спросили, действительно ли предложенные работы были невыполнимы, он сказал четко, что невыполнимы, — так что это

---

[1] Архиеп. Пимен (Хмелевский) (1923–1993), с 1965 г. архиепископ Саратовский и Волгоградский. Благодаря его усилиям возобновила свою деятельность Саратовская духовная семинария, существующая и по сей день.

[2] Иеродьякон Варсонофий Хайбулин вместе с о. Глебом Якуниным входил в Комитет защиты прав верующих в СССР.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Тарасовке

был шантаж. Лясунову дали восемь лет. Оказалось, что он набрал колоссальную сумму. Прокурор в своей речи рассказал, что Лясунов без конца писал доносы на свою любовницу — продолжая с ней жить! — и это, конечно, «присяжных» окончательно «ухайдакало», и они уже не выдержали. Тяжелое это все было дело — причем это шло одно за другим. Я чувствовал, что тут так просто не обойдется.

Однако отец Николай Эшлиман и другие продолжали обдумывать проблему создания какого-нибудь письма. Мы встретились у меня в Семхозе[1]: приехал Анатолий Эммануилович, отец Дмитрий и они оба — Эшлиман и Глеб. Причем Анатолий Эммануилович привез маленький — страниц на десять — проект письма к Патриарху на тему о том, что все произошедшее незаконно, и вообще сказал, что надо действовать «против». Но мы с отцом Дмитрием Дудко образовали правую фракцию и сказали, что без епископа мы не будем действовать. А Николай и Глеб остались в неопределенности, и тогда я предложил обсудить это дело соборно. Мы решили созвать такой «собор», более расширенный.

---

[1] Семхоз — станция по Ярославской железной дороге (последняя перед Сергиевым Посадом), где с 1964 г. жил о. Александр.

И вот у Эшлимана на даче собирается десять человек для этого обсуждения. Тут надо сделать маленькое отступление. Прихожане собрали Эшлиману деньги, чтобы он купил дачу в Химках и переехал туда совсем. Я сказал тогда жене: «Здесь у нас дружба врозь — кончится». Я знал, что Николай был человек малоподъемный, с трудом куда-либо ездил, я знал, что он там погрязнет и мы с ним уже не сможем больше общаться — я к нему ездить в Химки, конечно, не буду. Так все и произошло. Это очень важный момент в его жизни. В этих «Химках» была заложена масса злого для него. Там, в Химках, мы и собрались для обсуждения этого вопроса.

Всем было предложено высказать свое мнение, и какие-то мнения произносились, но кончилось это собрание тем, что было предложено пригласить кого-нибудь из людей более старших — мы все были моло-

В Московской духовной академии у ректора архиепископа Филарета (Вахромеева)

дые, — в частности, Анатолия Васильевича Ведерникова. Некоторые не соглашались с его кандидатурой, другие были за — но, в общем, решили пригласить и его, и владыку Ермогена.

После этого собора мы пришли к какому выводу? Надо все-таки выработать проект послания — Анатолий Васильевич даже предлагал, чтобы текст до отправления был зачитан лично Патриарху в Елоховском соборе во время службы. Кое-кто выйдет и — «Ваше святейшество!..» — и зачтет. Владыка Ермоген это одобрил. И стали думать, какой же должен быть текст. Тогда я написал текст на три страницы, где было все коротко изложено. Смысл был такой: что реформа 1961 года противоречит не только церковной практике, но и государственным законам, потому что священник теперь не лишенец. Если он не может быть принят в церковную общину, то получается парадокс: он может быть избран членом местного совета, но не может быть избран членом церковного совета. В основном мой документ состоял из вопросов — в большинстве своем риторических: как вообще совместить с церковной практикой нынешнее положение...

Тогда отец Глеб сказал: «Нет, это для них слишком непробойно. Их надо долбить! долбить! так, чтобы до них дошло». — «Ну, — ответил я, — если это вам не нравится, то пишите сами». Я знал, что Глеб никогда ни одной строчки не напишет, а Николай вообще-то пишет, но очень медленно — страшно медленно — сверхмедленно! — и никогда не доводит до конца. Поэтому я был не особенно взволнован. Тем более, что тут произошло очередное ЧП, и мне было не до этого, потому что в это время стали искать роман Солженицына — то ли «В круге первом», то ли «Раковый корпус»[1]. Был у Солженицына приятель, некий Теуш[2] — Царство ему Небесное, он уже умер, — и от него почему-то стало известно, что он передал мне какие-то материалы, связанные с этим романом. Он мне действительно передал свои очерки по поводу Исаича[3]. Я их почитал — это мило было — и отдал почитать Толе Ракузину[4]. И вот, сижу себе в Семхозе и смотрю: идет у меня по участку целая вереница мужиков в пиджаках и галстуках. Я спускаюсь вниз — они так вежливо говорят: «Мы из Комитета государственной безопасности. Есть ли оружие?» — «Нет, конечно, нет!» — «Антисоветская литература?» — «Нет,

---

[1] Искали роман «В круге первом», повесть «Раковый корпус» была окончена лишь в 1967 г.

[2] Вениамин Львович Теуш, автор книги «О духовной истории еврейского народа». М., 1998.

[3] Исаич, «Костя» — разговорные «псевдонимы», употребляемые для конспирации о. Александром и его окружением.

[4] Анатолий Ракузин, художник, в настоящее время живет в Париже.

ничего не держим, прошу...» Восемь часов они ковырялись у меня тут и потом говорят: «Давайте в церковь поедем». Я говорю: «Я часть из вас тут оставляю — вы продолжайте это дело, я вам доверяю, вы официальные люди; найти у меня вы ничего не найдете из того, что вы ищете». Они сказали: «Мы ищем Солженицына, роман». — «Я его, — говорю, — в глаза не видал никогда. Ищите, а я поеду с другими в церковь».

Приехали мы в Тарасовку, пришлось мне открывать сторожку. Но они вели себя корректно и даже сказали: «Чтобы вам не делать неприятно, мы остановимся вдали и придем пешком — вы можете назвать нас кем угодно». Поэтому мне пришлось плести какую-то ерунду, что вот, пришли что-то посмотреть. Пришлось их пустить всюду, даже попросились в алтарь. Я говорю: «Ну, кто крещеный?» — «Вот, один». — «Пойдемте, я вас провожу». А у меня в алтаре был ящик, где я держал свои рукописи и книги. Я говорю: «Вот, пожалуйста». Он говорит: «Это богословие меня не интересует». Тогда еще богословие их не интересовало... Они искали целенаправленно Исаича[1].

Поехали обратно — как-то я с ними разговорился, и даже посмеялись мы, и вообще — ехали непринужденно. Я говорю: «А что вы пристали к старику-то, он уже на ладан дышит — если он писал что-то такое про лагеря, так теперь все пишут про лагеря...» Да, а тут произошел забавный эпизод. Мне один человек дал стихотворение дурацкое — против Хрущева — как раз Хрущева сняли: «Тут вдруг Брежнев говорит: а тебе народ простит? Светлым ленинским идеям...» — и так далее, в таком вот духе. А они раз — бумажку у меня прямо из кармана рясы, — я еще даже сам не прочел, думаю: «Что там такое написано?..» Они сразу переглянулись, и все — в эту бумагу. Я думаю: «Ну, сейчас...» Они: «Александр Владимирович, что же вы такие вещи держите?» А я говорю: «А что тут такого? Конечно, с точки зрения поэтической это слабо, но идейно там все выдержано». Они: «Вот, Брежнев» — увидели имя! «Смотрите, что он тут говорит? — Указываю. — Он говорит то, что надо! Нескладно написано, но от души!» Все! Замолкли, поняли, что дело тут, конечно, не склеилось.

Один очень был вредный — и так копался, и так копался — ну ничего... Ковырялись они там, ковырялись — Наташа говорит им: «В помойке поищите!» Он говорит: «Вы не иронизируйте, это все для вас может плохо кончиться». Мы вернулись — тут они уже, вижу, опали, поняли, что — нет... А я говорю: «Нет, я ничего не знаю — не видел, не

---

[1] Обыски состоялись 13 сентября 1965 г.

слышал...» Ничего они не взяли. Один, правда, нашел у меня дневничок. У меня не было никогда привычки писать дневник, и вот однажды бес меня попутал написать что-то такое, незаконченное. Но он тоже оказался вежливым: взял его — я вижу, он читает его с большими глазами, — потом спрятал и не взял.

Они уехали с совершенно пустыми руками. Причем, когда уезжали, сказали: «А ведь мы могли бы посмотреть и нижний этаж, но видите, какие мы гуманные — не смотрели». А у меня там лежало! Накануне — это было тринадцатое число сентября — были мои именины, приехали все, и мне Женька Барабанов говорит: «Людей берут, вообще стало тревожно». Я думаю: «А, от греха...» Собрал какую-то там ерунду всякую, целый ворох, и на террасе спрятал, внизу. Накануне! Собственно, ничего не произошло, а просто атмосфера такая была. И вот, они как раз не смотрели. Я говорю: «Да нет, ничего нет... Теперь даже приятно, что вы побывали, потому что, во-первых, я теперь уборочку сделаю, а во-вторых, я теперь знаю, что у меня ж наверняка ничего антисоветского нет — у меня вот ваш документ, что вы тут все смотрели».

На фоне этих бесконечных приключений мне было уже не особенно до того, чтобы сочинять еще какое-нибудь письмо. И тут как раз пришло сообщение от Анатолия Васильевича Ведерникова (по непонятным причинам я не мог с ним встретиться): что это дело надо сейчас прекратить, что письмо сейчас писать не надо. Они обсудили это с кем-то, по-моему, со Шпиллером[1], и решили, что сейчас это будет несвоевременно. Это при Хрущеве имело смысл. Хрущева сняли, начались какие-то перемены, и сейчас, наоборот, речь идет о том, чтобы завоевать хоть какую-то минимальную стабильность.

То же самое решил владыка Ермоген. Глеб Якунин с ним встретился и потом рассказывал: «Я поговорил с ним сухо и вообще...» — понес он его, короче. И они с Эшлиманом все равно начали писать. У меня не было никакого страха за дело, потому что они оба служили, и Дудко служил, и каждый из нас делал свое дело, все мы общались, встречались, а эта «улита» — она могла ползти до сих пор, вот как мы с вами сидим здесь, пятнадцать-семнадцать лет спустя, — они бы и до сих пор его писали. Но тут произошло «роковое стечение обстоятельств и пересечение судеб», началась уже какая-то «достоевщина»: к составлению письма подключился Феликс Карелин[2].

---

[1] Прот. Всеволод Шпиллер (1902–1984), репатриант, в то время настоятель Николо-Кузнецкой церкви в Москве.

[2] Феликс Карелин (1929–1992). О нем см. далее в рассказе о. Александра.

Феликс был удивительным человеком, безумно темпераментным, страстным, могущим красиво складывать — как в народе говорят, «по книжке говорить» — много часов; человек со схематическим строем ума, который мог бы принести много пользы и для Церкви, и для дела, если бы не его безудержная натура. Он впервые появился еще в 1958 году, после того как вышел из тюрьмы по окончании срока (не реабилитированный), женился на актрисе, которая получила распределение в Иркутск, и отправился с нею туда, работать в театр. Там он узнал обо мне — я в это время жил в Иркутске, — пытался меня найти. По рассказам он составил превратное представление, воображал, что я какой-то визионер или мечтательно настроенный человек. В конце концов, Глеб его разыскал и привел его ко мне, уже на приход. Карелин отвел меня в отдельную комнатку и сразу стал рассказывать, как он сидел в одиночке, как там — тоскуя, разумеется, в этом малоприятном месте, — он начертил на стене почему-то шестиконечную звезду и стал над ней размышлять, медитировать, и оттуда у него возникли целые системы мироздания, системы искупления — в общем, всякое такое. Я на него смотрел с такой скорбью — как смотрят на умалишенных, — что он стал быстро все это дело смекать и уже больше мне всей этой «крутистики» не говорил.

Но Глеб был безумно им прельщен, и в Москве проходила целая волна восторгов вокруг Феликса. Он устраивал такие рассказы — толкования книги Апокалипсиса и Даниила, все ходили в полном упоении, а через месяц его почему-то выгоняли из дома. Так происходило и у Анатолия Васильевича Ведерникова, и у многих других. То есть он сначала производил исключительно хорошее впечатление, а потом — столь же исключительно отвратительное. У него была идея рукоположиться. Он объехал много городов, поскольку в Москве он жить не мог, он не был реабилитирован. Долго жил в Ташкенте… Все архиереи встречали его с распростертыми объятиями, но потом прогоняли.

Однажды Феликс привел одного парня, по имени Лева (Натансон, кажется, была его фамилия), который с ним сидел, — этот Лева якобы хочет креститься. Ну, добро! — я с этим Левой познакомился, и в другой раз, когда он приехал ко мне один, мы с ним пошли гулять в лес, недалеко от храма, — он мне рассказывал историю своей жизни. И тогда он мне рассказал о Феликсе удивительную вещь: что Феликс был штатным провокатором, заслан был в так называемую «группу Кузьмы» — компанию молодежи, которая после войны собиралась, чтобы поговорить на

Глеб Якунин, Николай Эшлиман и Феликс Карелин. 1962 г.

религиозно-философские темы — в основном они все были богоискатели. Во главе их стоял парень Кузьма, который сейчас уже умер. Один из них был Илья Шмаин[1], ныне уехавший в Израиль. Феликс Карелин (сын известного чекиста, который был расстрелян) попал в армию только в конце войны и там был взят в СМЕРШ[2]. Для того чтобы искупить грехи своего отца, он должен был работать в качестве агента. Его заслали в эту «группу Кузьмы». Но как человек очень страстный, темпераментный, он, конечно, не годился ни для какого СМЕРШа, он быстро увлекся религиозно-философскими идеями, которые ребята там изучали. (Надо учесть, что в послевоенный период ни книг, ничего не было, а всё так, сами придумывали.) У него там произошло какое-то религиозное обращение — и он ребятам рассказал, что он попал к ним просто по заданию «партии и правительства». Были объятия, слезы и так далее, но потом посадили всех — и ребят посадили, и его тоже.

В лагере в то время — это были те лагеря, которые описаны в «Моих воспоминаниях»[3], — он прошел довольно большую школу. Он рассказывал мне о длительных подробных беседах с католическими прелатами, с бывшими эсэсовцами, с еврейскими и латышскими националистами, с профессорами русской литературы. Как человек очень способный и быстро схватывающий, он многое усвоил и был, я бы даже сказал, довольно образованным. По возрасту он лет на шесть меня старше — примерно 1929 года рождения. Одно время он там возглавлял чуть ли не полуфашистскую организацию, заявлял, что он немец — у него действительно мать наполовину немка, остальное в нем еврейское. А потом он там пережил уже обращение в христианство, в православие, и был крещен. Крестил его карловацкий, кажется (не помню точно), священник.

Но до крещения с ним произошла довольно неприятная история. Он без конца читал какие-то лекции, о чем-то говорил, без конца делился своими идеями. Это делать он умел, в лагере поднаторел. Но многие считали его провокатором. И когда там нашли подлинного

---

[1] Свящ. Илья Шмаин (1929–2004), рукоположен в священники митр. Антонием (Блюмом). После возвращения из эмиграции служил в храме апп. Петра и Павла у Яузских ворот.

[2] СМЕРШ (сокр. от «Смерть шпионам»), организация военной контрразведки в 1943–1946 гг., подчинявшаяся лично И. В. Сталину. Занималась разоблачением вражеских агентов, осуществляла проверку благонадежности советских военнослужащих, бежавших из плена, вышедших из окружения и оказавшихся на оккупированной немецкими войсками территории.

[3] Имеется в виду книга Екатерины Олицкой «Мои воспоминания». «Посев», 1971.

провокатора, то было постановлено, что убить его должен Феликс — потому что тогда он докажет, что он сам не стукач. И убить он должен ножом. Это ужасно, потому что убить человека ножом неспециалисту довольно трудно, топором гораздо легче. И вот — он должен был убить его ножом. Это был очень жесткий приговор, и у Феликса, как рассказывал Натансон, выхода не было: либо он порешит этого человека, либо его порешат. Он убил этого провокатора — ему дали второй срок. Мало того, потом он образовал какую-то группу — группа была раскрыта. Как уверяет Натансон (я этого ничего не знаю), Феликс давал какие-то показания... В общем, Натансон изображал его в виде некоего Ставрогина или еще кого-то в этом роде, который всех их совращал — молодежь зеленую — и всех их губил; он представил Карелина как человека страшного, демонического, виновного тысячу и один раз.

Теперь у меня сразу возникла проблема: если Феликс пришел ко мне как провокатор, зачем он мне привел потом этого Левку Натансона, который все это рассказал? Очевидно, здесь была полная искренность. Или он думал, что Левка не проговорится? На каком основании — ведь он его даже не предупреждал? И через некоторое время я Феликсу прямо сказал: «Лева рассказывал о вашем таком... богатом прошлом...» Он сказал: «Ну, вы сами понимаете, что я не мог вам всего этого рассказать сразу, потому что, подумайте, — я бы пришел и сказал: я бывший стукач и убийца». Тут мне крыть было нечем. Действительно, он был прав с ног до головы: если бы человек пришел и так отрекомендовался, то, при всем моем «либерализме», я бы его, конечно, как-то принял, — но с величайшим трудом, признаться. Мне бы это стоило больших усилий, и мне было бы трудно погасить в себе шевелящиеся сомнения. Так что здесь он меня убедил. И, в общем, я в конце концов так и думал — что это было искренне.

Впоследствии я о Карелине много слышал от людей, сидевших с ним в лагере. Рассказывали о его пророчествах: он там высчитывал по книге Даниила конец света. Все это получалось у него довольно талантливо, и для людей малоосведомленных это было потрясающе. Я помню, как ко мне приехал один из бывших студентов, с которыми я учился, и просил, чтобы Феликс при мне рассказал всю эту историю. Друг мой был поражен — у него прямо рот открылся. Я-то, признаться, ни во что это не верил, потому что я знал, что книга Даниила — это совсем другое, и Апокалипсис — это совсем другое, и вся эта библейская алхимия, которая им преподносилась, была мне нипочем. Но Глеб

был просто в стопроцентном восторге; некоторые дамы записывали за ним. Но как-то потом это все не получилось. Эшлиман его терпеть не мог, признаться.

И вот когда роль Феликса оказалась роковой: когда Глеб и Николай Эшлиман задумали писать письмо, но ни один, ни другой не «тянули», они попросили Феликса. Вот кто был этот человек[1].

Когда они принесли письмо владыке Таллинскому Алексию[2], который был управделами, по их свидетельству, глаза его потеплели, когда он принимал от них этот документ. Почему-то им казалось, что письмо произведет какое-то благоприятное впечатление, хотя и подозревали, что будут репрессии. Я думал, что их запретят немедленно по прочтении этого документа, и высказал им такое предположение. В день подачи встретил я Карелина, и он сказал мне торжественно: «Началось!» Я был мрачен и сказал ему, что очень жалко, что такие два человека выпадают из наших рядов, — на что он сказал, как Каиафа: «Что стоят два человека в сравнении с великим делом!» Письмо было подано в официальном порядке. Второе письмо — более удачное, на мой взгляд, — было отправлено правительству[3].

Какое это произвело впечатление в высших церковных кругах, — я сказать не могу. Старенький Патриарх [Алексий I] реагировал противоречиво. Сначала он сказал: «Вот, все-таки нашлись порядочные люди!» А один видный церковный деятель, в то время находившийся в заграничной командировке, прочтя эту публикацию, сказал: «Ну теперь стоит

---

[1] В фонозаписи воспоминаний следует пропуск и, видимо, значительный: не сохранилось ничего о сочинении письма. Однако из контекста видно, что о. Александр считал Карелина его фактическим автором. Об истории письма 1965 г. сам Карелин писал в самиздатском журнале («Рубикон перейден», «Слово», 1988, № 1): «Священник Глеб Якунин “Открытое письмо” не писал. Он торопился подписать бумагу, наскоро состряпанную А. Э. Левитиным. С этим и пришел к о. Николаю. Однако, когда о. Николай прочел левитинский “документ”, он категорически заявил: “Эту цидульку я подписывать не буду”. После этого началась серьезная и продолжительная работа над составлением “Открытого письма”. В этой работе мне пришлось принять самое активное участие. Однако мое участие сводилось в основном к работе литературной. Что же касается духа “Открытого письма”, то он почти всецело определялся личностью о. Николая».

[2] Ныне Патриарх Алексий II (Ридигер). Письмо было подано 15 декабря 1965 г.

[3] В виде заявлений на имя Председателя Президиума ВС СССР Н. В. Подгорного, Председателя Совмина СССР А. П. Косыгина, генпрокурора СССР Р. А. Руденко.

жить!» Но, с другой стороны, Патриарх сказал: «Они хотят поссорить меня с властями». Однако он не поинтересовался ими. Познакомиться: что это за священники, — вызвать даже их к себе для разговора, — это ни одному архиерею в голову не пришло. И Эшлиман с Якуниным продолжали жить и действовать. А документ читался где-то в верхах, печатался за границей, передавался по Би-Би-Си, и так прошло три месяца.

Вскоре после подачи этого документа Карелин вместе с отцами явился к Анатолию Васильевичу Ведерникову домой читать это письмо. Дело в том, что они все время с упоением читали его вслух своим друзьям. Не будучи людьми, привыкшими к собственной письменной продукции, они были очень довольны не самим фактом, а формой. Надеюсь, меня слушатели простят за некоторую комичность изображения ситуации — ведь здесь назревали трагедии, но комичность заключалась в том, что они читали все время вслух — а там семьдесят страниц на машинке. Я, для упражнения в терпении, присутствовал и слушал это без конца, и уже знал письмо наизусть.

Самая забавная история была, когда мы с отцом Сергием Желудковым пришли к отцу Николаю Эшлиману, и он стал опять зачитывать вслух весь текст, как будто Желудков неграмотный. А тот сидел и не слушал его — как отец Сергий впоследствии мне признался, он в это время решал другую задачу: подписывать или не подписывать — он вообразил, что ему сейчас предложат этот документ подписать. И так он пропустил все мимо ушей, находясь во внутреннем борении под удавьим взглядом сенбернара, который там сидел... Эти чтения, конечно, были невероятны.

Потом устроили такое же у Анатолия Васильевича. Я думаю, что Анатолий Васильевич был несколько оскорблен, что ему вслух читают документ такой длинноты, и к концу чтения я почувствовал, что все уже накалились до предела. Я знал, что сейчас будет взрыв. Но было поздно, мне надо было ехать за город домой, я сказал всем: «Аррividерчи» — и уехал. Как мне рассказывали, потом, когда кончилось это чтение, позеленевшие слушатели вскочили — и там началось побоище. Карелину говорили: «Что вы тут написали, гордыня!» — а он кричал: «Федор Студит тоже так говорил!»[1] И так далее. Было бурное препирательство — малоизящное и, в общем, совершенно бессмысленное.

---

[1] Преп. Феодор Студит (759–826) выступал против высших иерархов Византийской церкви, опираясь только на поддержку Римских пап.

В среде рядового духовенства это вызвало большой отклик. Я в то время учился на заочном. Приезжали священники из самых разных краев страны — многие слышали об этом по радио, собирали для них деньги и вообще были страшно вдохновлены их действием. Отношение изменилось лишь потом, когда выяснилась их диссидентская позиция. (Я тогда уже употреблял это слово, хотя в политике оно еще не присутствовало: я употреблял его на более законном основании, потому что диссиденты — это церковные раскольники, оппозиционеры церковные, а вовсе не политические.) Я им говорил, что диссидентская позиция не поведет, куда нужно. Но пока они все-таки еще считали меня «своим» и на торжественные молебны в честь месяца или еще какого-то юбилея этого дела меня приглашали. Но, конечно, Феликс там был заводилой. Это были бесконечные пророчества, без конца говорили, что вот-вот поднимется все православие и что патриарх Кирилл Болгарский[1] на каком-то званом обеде сказал нашему Куроедову[2]: «Что-то у вас непорядки, раз такие письма пишут». Впрочем, этим все и кончилось. Приходили к ним сочувственные письма из-за границы от отдельных частных лиц, присылали им деньги, помогали. Но, бесспорно, позиция ими была занята крайняя. Никакой поддержки на самом деле потом не оказалось. Все схлынуло и погасло.

Наступил решительный момент. Я думал, что очень важно было им сохраниться. Я их умолял сделать все, чтобы сохранить себя на приходах. Таким образом, письмо письмом — они войдут в историю, они совершили акт своей гражданской и церковной честности, — но они продолжали служить Церкви. Однако диссидентство начинало в них играть. Тут причины были разные. Феликс Карелин был просто экстремист, его несло. Фантастический человек. А Глеб — человек искренний и горячий. Что касается Николая Николаевича, то он — человек безапелляционный, и, заняв какую-то позицию, он всегда говорил: «Вот так, так, так», — авторитарный был человек и признать какую-то свою ошибку он не мог (в тот момент его это страшно подвело). Это я сейчас говорю не в осуждение — дело все давно минувших дней, — просто так, для истории.

Вызвал их Пимен — нынешний Патриарх — и предложил им написать объяснительную записку с тремя пунктами. Первый пункт, если не ошибаюсь, — не изменили ли они своих взглядов; второй пункт — что

---

[1] Патриарх Кирилл Болгарский (Константинов) (1901–1971).

[2] Куроедов Владимир Алексеевич — председатель Совета по делам РПЦ при Совмине СССР.

они собираются дальше делать, и третий пункт — не собираются ли они извиниться перед епископатом за нанесенное оскорбление. Вместо того, чтобы сесть и написать вежливое письмо: что мы никого не собирались оскорблять, что мы написали это с церковных позиций и с гражданских, и что, в общем, это скорее наше вопрошание, нежели обличение (хотя текст был очень обличительный, там было чуть ли не полторы страницы, или целая страница, цитат из пророка Иезекииля; хотя начиналось: «Нижайшие сыновья Святейшего Патриарха, пишем», — а потом они ему сообщили, что пишется в Писании и так далее). Но они не стали этого писать, а пошли к Феликсу, который им, я полагаю, надиктовал резкий ответ (или вдохновил на него): что взгляды наши не переменились, что все у нас точно. Получилось даже как-то обвинительно.

На другой день они были запрещены — временно, на какой-то срок. Они ответили обличением Патриархии — что их незаконно запретили. И тогда уже не лично Патриаршим, а синодальным постановлением — весь Синод собрался — их запретили. Причем члены Синода, которые подписались, — я потом выяснял, мои друзья спрашивали, — никогда их не видели, ни отца Николая Эшлимана, ни Глеба Якунина, и вообще в этом деле не разобрались и даже как-то, по-моему, им не интересовались. Один из этих архиереев (по-моему, ныне покойный) ехал с моим другом в машине, когда ему кто-то сказал: «Что ж вы подписали, погубили двоих ребят — они все-таки молодые были, горячие, надо было с ними как-то поговорить». — «Да, да, — ответил он, — да мы-то их не знали». В общем, никто, кроме Пимена, даже в глаза их не видел. Пимен, когда вызвал Эшлимана впервые, первое, что ему сказал: «Так-то вы меня отблагодарили, Николай Николаевич!» — потому что он очень многое сделал для его рукоположения, буквально протащил его в Москву — всеми правдами и неправдами. А тот сказал: «Я вам лично ничего плохого сделать не хотел, но я должен был засвидетельствовать...» На что Пимен сказал словами, смысл которых я могу передать приблизительно как «плетью обуха не перешибешь» — что тут сделаешь — и так далее... Так они и расстались.

Когда прошло уже длительное время, я вижу, что западная пропаганда о них забывает, церковные круги здесь постепенно от них отходят, в общем — не получилось ничего. Мне было очень жалко, что они потеряны для Церкви... Поэтому я на свой страх и риск пошел к митрополиту Никодиму, зная, что это единственный человек, который способен вести диалог, и сказал ему: «Владыка, я этих людей знаю, это люди

хорошие, выступали честно и искренно. Я считаю, в ваших интересах, как Председателя иностранного отдела, этот инцидент ликвидировать, но думаю, что ликвидировать это иначе как личными контактами невозможно. Политика показывает, что личные контакты делают больше, чем любые взаимные проклятья и тексты. Не согласились бы вы встретиться?» Он говорит: «Я с удовольствием встречусь!» Я говорю: «Ваше преосвященство, я им не сказал, что я к вам пошел, — пошел я к вам на свой страх и риск, потому что если бы я им сказал, то, может быть, они бы начали протестовать, а так я явочным порядком им скажу».

И отправился я с одним священником, своим знакомым, к ним. А там у них, как всегда, было сборище — у них непрерывно было заседание кворума, в который входили Капитанчук[1], Регельсон и другие. Я докладываю: «Отцы, Патриархия в лице митрополита Никодима хотела бы с вами поговорить. Я был там» — и так далее. Они говорят: «Ну зачем ты был! Вообще незачем с ними разговаривать, мы не желаем с этими типами иметь дело и вообще разговаривать с ними». Я говорю: «Вас не убудет, ну пойдите, поговорите — ни разу вы ни с кем не вступили в диалог, нельзя же так... Ну, пускай они злодеи-негодяи, но вы-то тоже люди — пойдите и...» «Нет! Ни за что, ни за что, ляжем костьми и вообще... даже говорить с ними не будем. Это же мразь и мелочь какая-то!»

Я, конечно, оказался в дурацком положении — пришел и говорю: «Владыка, они не хотят. Мое желание было, конечно, — но они не хотят. Ничего не поделаешь...» — «Ну, нет — нет. Я, — говорит, — сам...» Начал мне говорить разные вещи: «Я, — говорит, — хочу быть Патриархом, потому что пока я единственный, кто способен на это дело, а они... напрасно они думают, что они одни идейные, я тоже был... из неверующей семьи, из партийной, и вот я обратился, я пришел в Церковь, но мы же не можем [допустить], чтобы государственные и церковные законы противоречили друг другу?» Я говорю: «Конечно, не можем, да никто этого и не требует вовсе, и вообще речь идет о том, чтобы как раз соблюдались законы — государственные и церковные». В общем, он это пропустил мимо ушей. В основном он говорил, что должно быть полное согласие. Ну я, в общем, не отрицал этого — я и сейчас не отрицаю! Раз уж существует государство, есть у него законы, какие ни есть, — надо с ними считаться, это бесспорно.

---

[1] Капитанчук Виктор, реставратор икон, участник правозащитного движения, секретарь Христианского комитета защиты прав верующих в СССР.

Впоследствии, когда разные официальные лица мне говорили: какие злодеи у вас эти Эшлиман и Якунин, — я им отвечал, что злодеи — те, кто вызвал, спровоцировал их на это письмо. Те лица на местах, те частные персонажи обкомов и еще каких-то учреждений, которые осуществляли эти закрытия... Хрущевские инструкции — они создали ситуацию, которая породила это письмо. Вот кто виновник. Виноваты не те, кто протестует против нарушений, а нарушители.

Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов)

Дальше начался некоторый застой, потому что они в своей группировке начали отрицать нашу Церковь все больше и больше. Патриарха они называли только по фамилии — Симанский, и, на основании теории, что митрополит Сергий был незаконный, они говорили, что и Патриарх Алексий незаконный. Хотя все это совершенно не связано с понятием законности. Незаконность одного Патриарха не влияет на законность другого. Был Собор — и все. Не существует общепризнанных канонов, как избирать Патриарха, значит, никто не может претендовать на законность или на каноничность. Они не признавали Патриарха — ездили все время в Грузинскую церковь, общались с грузинским Патриархом[1], и тот к ним относился очень хорошо, давал им деньги. Ему все равно было, старику, — там же вообще, по-моему, нет законов, ни церковных, ни гражданских. Полный произвол. Им понравилось туда ездить, они без конца ездили в Новый Афон, облюбовали несколько мест и жили там.

И все время у них были радения: то есть разговоры «за сухим или мокрым», воспламеняющие друг друга, когда все приходили в состояние накала: «Вот поднимется, вот начнется». В такой среде быстро

[1] Ефрем II (Сидамонидзе) (1896–1972), предстоятель Грузинской православной церкви.

развиваются апокалиптические веяния, и Карелин, который всегда жил этими апокалиптическими веяниями, тут же во все это вонзался, начинались размышления над книгой Даниила, над Апокалипсисом — то, с чем Феликс уже раньше в Москву явился, — накаленная, нездоровая атмосфера. Я ждал, что вот-вот они просто душевно сорвутся. Тогда я, чтобы как-то занять их и к тому же занять некоторых наших ребят-прихожан, предложил им: «Вы все равно собираетесь, выпиваете. Зачем вся эта говорильня, ведь у нас огромный изъян у всех: все толкуют про богословие, но богословски невежественны ужасно — все, в том числе и вы. Давайте начнем хотя бы изучать богословие». Меня всегда угнетает невежество — всякое. Когда начинают говорить, а сами вообще не знают, о чем идет речь.

Хорошо! Прекрасно! Было встречено бурно. В комнатке около Хамовнического храма собрались все. Были там мои прихожане, ребята, и отцы, и Карелин… Он произнес тут же торжественную речь, от которой меня стошнило: сказал, что открывается «частная духовная академия» и он — «ректор академии». Я еле перенес всю эту ситуацию и больше ни разу не переступил порог этой комнаты, сославшись на занятость. Я просто не мог больше всего этого выносить — душа не принимала.

Мне был представлен на утверждение план их занятий. Так, по названиям, все вроде было похоже на богословие. Стали они изучать, и читать, и прочее. Потом, с каждым разом, я чувствую по своим прихожанам, что они дуреют. Феликс — человек очень способный, талантливый, быстро схватывал все. Он из обрывков того, что читал, строил какое-то свое, очень своеобразное, схематическое, параноическое, апокалиптическое богословие. Там были интересные ходы, но в основном это были синтезы, схемочки — схемочки, цифры одна на другую накладывались. Что-то было в этом тягостное и неприятное. И потом я начинаю слышать от ребят какие-то мракобесные заявления. Я говорю: «Где это вы нахватались такого?» — «А вот, мы там…» — и так далее. Я не буду сейчас называть имен тех, кто там присутствовал, потому что все — хорошие люди и пускай они сами обо всем расскажут.

А дело — все хуже. И тогда я уже начал сопротивляться, я говорил, что все это совершенная чепуха. Потом меня задело следующее: перепечатали какую-то религиозную книгу, я уже не помню, какую, но совершенно невинную, — и вдруг кто-то из мальчиков мне заявляет: «Цензура ее отклонила». Я говорю: «Что это за новости такие? кто там

цензура?» Оказалось, эта «академия» уже породила цензуру: Карелин сказал, что эту книгу — «нельзя». И вообще там с таким смаком стали поговаривать об инквизиции. Все катилось в сторону какого-то патологического фанатизма.

Я больше к ним никогда не ходил. Сам я был целиком занят в новом, очень многолюдном приходе — в это время (в 1964, 1965, 1966 году) у меня получился первый «демографический взрыв». Ввиду того, что у меня не было никакого пристанища, где я мог бы поговорить с человеком, я должен был ходить, гулять, я разговаривал на дорогах, разговаривал на хорах с людьми, и было это страшно тяжелое дело. А народу все прибывало и прибывало, я еще даже барьеров никаких не ставил. Причем появлялись люди разные, нужные и ненужные, хорошие и — странные. Тогда, по-моему, появились Агурский[1], который был приведен какими-то непонятными веяниями, Геннадий Шиманов[2] — он пришел ко мне в сопровождении семи девиц и спрашивал меня, не католик ли я... Сказал, что я человек недоверчивый (я с ним говорил только шутками и ничего не ответил, потому что он произвел на меня странное впечатление).

В это время было очень много интересных встреч. Тогда я впервые познакомился с Марией Вениаминовной Юдиной[3]. Была выставка работ человека, который был мне дорог с детских лет, — Василия Алексеевича Ватагина, скульптора-анималиста, мистика, правда, с немножко теософским уклоном. Выставка его произведений была на Кузнецком

---

[1] Мэлиб (Мелик) Самуилович Агурский (1933–1991). К моменту их встречи — кибернетик; впоследствии диссидент, отказник, историк, политолог, публицист, один из авторов сборника «Из-под глыб». Под его фамилией о. Александр сдал в печать (1965) рассказ «Виноградник Навуфея» в сборник «Вавилонская башня и другие библейские предания» (М., 1990).

[2] Геннадий Михайлович (Генмих) Шиманов (р. 1937), православный публицист, националист и государственник, автор и редактор самиздатских журналов; о. Александра всегда упоминал полемически. К моменту их встречи мировоззрение Шиманова как русского националиста еще не сформировалось.

[3] Мария Вениаминовна Юдина (1899–1970), пианистка, религиозный мыслитель. В юности помимо музыкальных занятий посещала в родном Невеле философский кружок, участником которого был философ и филолог Михаил Бахтин. В 1919 г., именно тогда, когда перед евреями-атеистами открывались большие возможности для продвижения в обществе, она приняла крещение. В круг ее общения входили многие выдающиеся люди, такие, как о. Павел Флоренский, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Владимир Фаворский.

мосту, и я получил пригласительный билет с трогательной надписью: «Отцу Александру иже и скоты милующему, от зверолюбца Ватагина...» На вернисаж я пришел с мамой. Вдруг подходит к нам странная женщина, похожая на композитора Листа в старости (или что-то в этом роде), беззубая, с горящими глазами, огромная голова, белый воротничок пастора и черная хламида. Я посмотрел на нее с полным изумлением. Это оказалась Юдина, знаменитая пианистка. «Мне говорили, что вы хорошо обращаете людей». — Это о нас с мамой. Я ответил, что не очень люблю это слово, что обратить (словно завербовать) никого нельзя. Что это происходит в самом человеке. Мы же можем только помочь.

Поговорили о Ватагине. Мария Вениаминовна его тоже любила. Вскоре она приехала ко мне в церковь. Она с горячей симпатией отнеслась к настоятелю о. Серафиму Голубцову, поскольку он был родным братом нашего с ней покойного духовника о. Николая Голубцова. Но скоро он оттолкнул ее своим резким осуждением письма Эшлимана и Якунина. Мария Вениаминовна была всегда на стороне тех, кто гоним. Однако в храм к нам продолжала ходить, часто причащалась.

Мы с ней подружились. Она была, несмотря на свои причуды, исключительно умна — я уж не говорю о том, что это была женщина огромного музыкального таланта, это не мне судить, но ее игра поражала даже профанов. Она приезжала ко мне в Тарасовку, и мы часами гуляли вокруг церкви. Нередко мы с ней вместе ходили по требам. Странная это была пара: тридцатилетний священник и женщина с палкой, в кедах, в черном балахоне, похожая на старого немецкого музыканта, выходца из какого-то другого века. Характер у нее был порывистый и экзальтированный, но ум ясный и тонкий. Говорить с ней было одно удовольствие, потому что мысль ее была живой, ясной, полной искр. Она все понимала с полуслова, всем интересовалась, была, как говорят, «молода душой». Увы, я забыл, о чем мы говорили, хотя тем было много. Сама она рассказывала о Пастернаке и других своих друзьях.

Ей очень хотелось провести цикл концертов «для Церкви», с пояснениями. Ее представления об официальном церковном мире были довольно наивными. Но я все же поговорил с нашим академическим секретарем о. Алексеем Остаповым, человеком широким, любящим искусство и очень влиятельным. Он с готовностью согласился устроить концерт в Академии. Концерт прошел хорошо, все были в восторге. Она говорила прекрасно, но в ее словах были уколы в адрес атеистов, что и привело к табу на дальнейшие выступления.

Мария Вениаминовна Юдина. Рис. В. Дувидова

С Надеждой Яковлевной Мандельштам в Семхозе

Вскоре ей разрешили устроить вечер в Зале Чайковского. Она прислала билеты о. Алексею, мне и другим из Академии, таким образом, в зале собралось много церковной публики. Мария Вениаминовна позвала меня в уборную и в присутствии женщин, которые перевязывали ее потрескавшиеся пальцы, просила благословить ее...

Было в нашем общении печальное событие. Она познакомилась у меня в церкви с молодым человеком Е. Т. (впоследствии эмигрировав-шим писателем) и очень привязалась к нему. Но потом он взял у нее «Столп» Флоренского и исчез. Она умоляла меня вернуть книгу. Была очень расстроена. Потом все уладилось, но с ним она порвала... Умерла Мария Вениаминовна внезапно. Говорят, что на нее страшно подействовал второй брак ее крестницы Н. С., которая вышла замуж за Солженицына. Она категорически была против (между тем как Н. Я. Мандельштам сказала, что Солженицын «тоже имеет право на счастье»). Отпевали ее в Николо-Кузнецкой.

Я все больше отходил от группы Карелина... Было много интересных и замечательных людей в то время. А сам я был целиком занят писанием книжки «Дионис, Логос, Судьба», а также переделкой книги «Магизм и единобожие». Это занимало у меня все оставшееся время. А по средам у меня собирался народ: чтобы избежать большого наплыва, я сделал среду как бы открытым днем, и ко мне домой приходило по двадцать пять–тридцать человек. Я чувствовал, что гибну, что поговорить уже ни с кем нельзя, и люди приходили какие попало. Правда, было интересно, потому что приходили и многие нужные люди — то есть люди, которым это было нужно. Но иногда приходили праздные совопросники, иногда приходили вообще совершенно посторонние — кто-то приводил... Я с содроганием смотрел, как из-за занавески — у меня кабинета не было, я был в «аппендиксе» — появлялись какие-то личности совершенно неведомо откуда, садились, спрашивали меня Бог знает что (мне было легко ответить на эти вопросы).

Потом, довольно скоро — через пару лет — я не выдержал и это дело пресек. Впоследствии я получил за эти «среды» возмездие: один эмигрант написал статью «Отец Александр Мень», где описал «журфиксы». Журфиксов не было, а просто — чтобы не приходили каждый день, я сказал, что я только один день дома. А потом я просто «поднял все мосты над замком» — и все. Конечно, жизнь была страшно насыщенной, до предела, и, конечно, многие события сейчас из памяти ускользнули...

В это время я познакомился с «Костей» [А. И. Солженицыным]. Дело было так. Мне довелось прочесть рукопись его книги, которая меня очень удовлетворила. Мы с одним священником, отдыхая на острове летом, прочли ее и решили с ним повидаться. Один наш коллега знал его и обещал встречу. Переговоры шли через отца Димитрия Дудко. И вот мы сели в машину и поехали — тот коллега, Дудко и я. Приезжаем. Коллега наш трепещет. Спрашивают: «Кто там?» — а он кричит: «То, что надо, то, что надо!» Тот человек совсем растерялся, но в конце концов нас впустил, и мы потихонечку оклемались, с удивлением и недоверием глядя друг на друга. Потом появился «Костя». Я ожидал по фотографиям увидеть мрачного «объеденного волка», но увидел очень веселого, энергичного, холерического, очень умного норвежского шкипера — такого, с зубами, хохочущего человека, излучающего психическую энергию и ум.

Мне приходилось встречаться с разными писателями — с Дудинцевым и другими; но они не производили впечатления умных людей. Многие из них интереснее были в том, что они писали. А этот был интереснее как человек, сам по себе. Он быстро схватывал, понимал, в нем было что-то мальчишеское, он любил строить какие-то фантастические планы. У него была очаровательная примитивность некоторых суждений, она происходила от того, что он сразу брал какую-то схему и в нее, как топором, врубал... У нас был очень живой разговор, в котором я подметил, что он очень здорово зациклен на своих темах (я это не осуждаю, а приветствую): он мог все равнодушно пропускать мимо ушей, но едва только раздавались слова, бывшие ему как позывные сигналы, — он сразу вставал, сразу оживал. Когда Дудко сказал, что сидел в таком-то лагере, так он сразу поднялся: «Что? Как?» — и тут же в записную книжечку стал записывать.

Впоследствии по Москве ходили слухи, что он был моим прихожанином, чуть ли не духовным сыном, мне даже вчера кто-то так говорил. Это совершенно ложное представление. Дело в том, что, когда я с ним познакомился, он даже христианином не мог называться. (Это был 1966 или 1967 год.) Он был, скорее всего, толстовцем, и христианство для него было некоей этической системой, это можно видеть по некоторой его продукции. Он читал тогда некоторые мои книжки — в частности, «Откуда явилось все это» (тогда она была сделана в виде фотографий, фотокнижки)[1], она ему понравилась; а когда речь шла о «Небе

---

[1] Издана под псевдонимом: А. Павлов. «Откуда явилось все это?». Napoli: Edizioni Dehoniane, 1972.

на земле», то он говорил: «Ну, это невозможно, — это все какие-то крылышки, ангелы...» — видно, все это было от него очень далеко. Мне приходилось с ним говорить о символике, о таких вещах...

Потом у него возникла идея построить храм: он должен был получить деньги за какие-то свои работы и говорил, что завещает построить храм, напишет на меня завещание. Я только посмеивался в усы и говорил, что — какие уж тут храмы, тут старое надо суметь сберечь... А он говорит: «Нет, поедем!» — Ну ладно. Он со своей первой женой приехал ко мне; мы сели в машину и объездили область, выбрали под Звенигородом очень красивое место: вот, здесь будет стоять — «здесь будет город заложен назло надменному соседу»... Меня это очаровало — очаровала такая уверенность в том, что — «будет по воле моей». В общем-то люди, так устремленные к своим целям, всегда достигают их. И когда-нибудь, я думаю, на этом месте будет что-нибудь стоять. Он просто, как пророк, видел все это очень близко, ему казалось, что завтра уже — «с вещами». Мы уже чуть ли не измеряли место.

Я был готов — ну что ж... Он просил найти ему архитектора — я нашел человека, который стал делать ужасные, фантастические вещи[1]. Но я это сделал, чтобы поддержать этого человека морально (потом он стал эмигрантом и очень печально кончил). Проект храма он сделал совершенно шизофренический, какой-то кошмар, — и говорил, суя мне это в нос: «Это гениально, это сердце всего мира, это боль всего мира!» Я чувствовал себя великомучеником и думал, что часть моих грехов мне уже прощена.

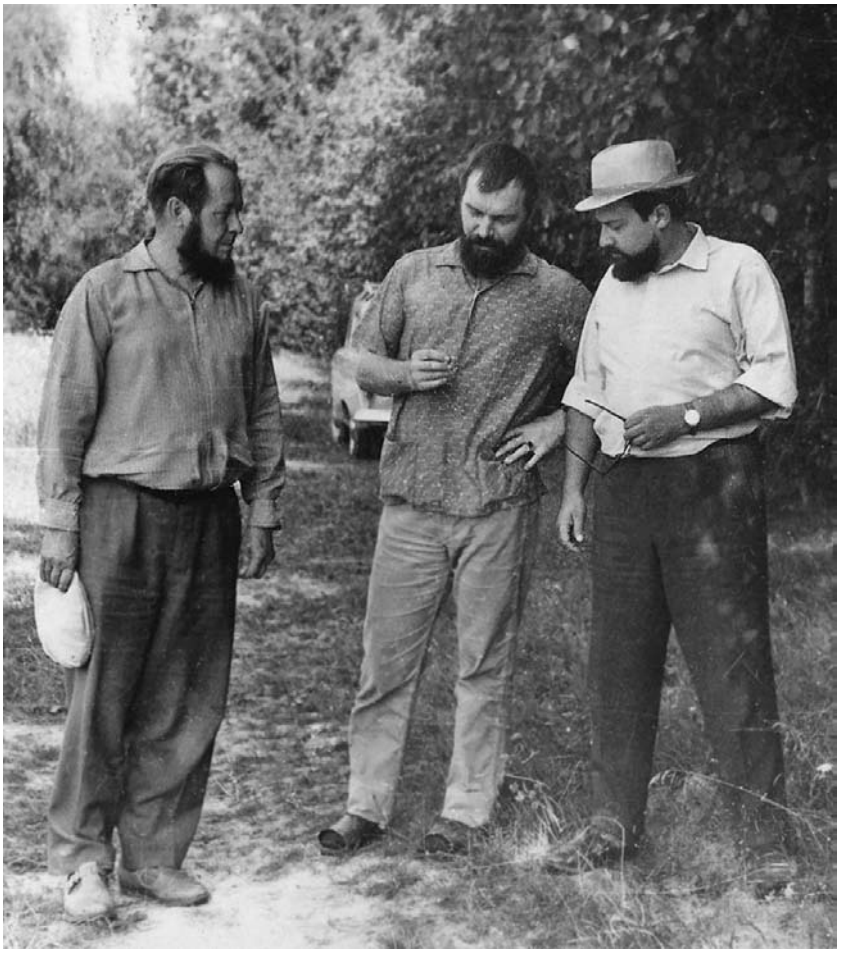
Потом, когда «Костя» совершил свой первый «церковный акт»[2], я ему написал, умоляя его ничего этого не делать. Я говорил ему, что он не разбирается ни в церковной ситуации, ни в чем, и только наделает ляпсусов. У него есть одна особенность, которую он разделяет со многими выдающимися людьми. Там, где он может и знает, он находится на гениальной высоте, — но там, где нет, он сразу «дает петуха». «Петуха давал» и Лев Николаевич — ничего удивительного в этом нет. Но я понимаю бурную натуру, которая не ставит себе таких барьеров, которая и там, где она дает петуха, идет спокойно, не оглядываясь.

Помню период, когда у него была трагедия, когда он боялся, прятался. Держался он, в общем, достаточно мужественно. Помню начало его романа — второго. Очень легко могу понять, как все это

---

[1] Речь идет о художнике Юрии Титове.

[2] Имеется в виду так называемое «Великопостное письмо» А. И. Солженицына патриарху Пимену с критикой Патриархии. См. «Вестник РСХД», 1972, № 103, I.



Александр Исаевич Солженицын, Юрий Титов и о. Александр…

получилось: отчуждение от первой жены; вторая — очень умная, хорошая женщина, которая беззаветно была ему предана. Все это получилось естественно.

Я в это время находился в Тарасовке. «Костя» приезжал иногда к нам в храм. Он тогда был очень мало известен — только в весьма узких кругах. Книги его даже еще не вышли, за ними охотились, как я уже рассказывал, и сам я попал в эту историю (хотя, надо сказать, я их в то время еще не читал и не держал). Я помню один случай, когда мы вышли с ним из храма и пошли по полю. И вот, остановился какой-то человек и стоял — провожал нас взглядом до самого конца. Это не был «агент». Я все время думал: кто этот человек, который, по-видимому, его узнал. Это было очень странно... Кто мог узнать его, человека, фотографии которого еще нигде не печатались в то время, человека, никому не известного. Он тогда сильно изменился, отпустил бороду — вряд ли могли его узнать. (Причем этот человек находился от нас на большом расстоянии, метров четыреста.) Пока мы не проделали всего пути от церкви до ворот, он стоял и смотрел на нас. А может, он смотрел на меня — тоже не исключено, я ведь был в рясе...

Как раз в это время снимали фильмы со мной — о спорте (который потом «зарезали») и о любви.

Известный режиссер Калик[1], который теперь уехал, снимал фильм, он назывался «Любить». Там, в промежутках между сценами, шли диалоги, снятые прямо на улицах и в домах: что думают о любви разные люди. Были засняты молодые люди на танцплощадке, журналисты за водкой, профессора, студенты, рабочие у станка. И Калику пришло в голову снять священника. Бригада-«ух» явилась ко мне в церковь (это было как раз в то время, когда мы встречались с «Костей»), и говорят: «Так и так, мы снимаем; но мы сделаем исключение: мы всех снимаем скрытой камерой, а вы будете видеть камеру, магнитофон и будете говорить». «Конечно, — сказал я, — с удовольствием вам скажу все, что нужно, но, разумеется, не надейтесь, что эти кадры пройдут». А сам подумал: «Пускай орлы послушают что-нибудь». Так и договорились.

Они пришли через несколько дней, провели эти бесконечные провода, опутали ими весь наш огромный храм, раскокали там лампу. Сорок пять минут я им докладывал и отвечал на их вопросы. Они уже, конечно, про любовь забыли и спрашивали обо всем на свете. Я это

---

[1] Михаил Калик. Фильм «Любить» (Молдова-фильм, 1968).

знал и воспользовался — и не зря, потому что все это было отснято и много раз пускалось на студии Горького крупным планом.

Я потом был приглашен на студию Горького и посмотрел: мне было интересно, как это у меня получалось, я заметил все дефекты речи. Куски были врезаны в фильм, все было нормально. А потом Калику сказали: «У тебя поп получился лучше всех, и поэтому надо его вырезать». Впрочем, фильм этот так до широкого экрана, по-моему, и не дошел, но его пускали узким экраном. Этот фильм, в частности, показывали на работе у моего брата. Калик сам выступал перед началом и сказал: «В Москве есть семь священников-бунтарей (где-то он набрал это священное число, какая-то чушь), я взял одного из них (почему я бунтарь, тоже непонятно) — и вот, он, в частности, тут говорит».

Спрашивали меня не только о любви. Я сказал: «Никаких вопросов заранее, все сразу, с ходу, чтобы не было ничего надуманного, придуманного мною, а прямо так». В частности, они меня спрашивали: «Почему сейчас упадок нравов?» Я говорю: «А вы считаете, что раньше было лучше? Я до революции не жил, поэтому не знаю. Но если вы считаете, что раньше было лучше, то я вам отвечу: если это так, то, с моей точки зрения, это духовный упадок» — и дальше объяснил, в чем он заключается. Вообще, они мне задавали всякие вопросы, и даже провокационные, но видно, что без всякого злого умысла, а просто им очень хотелось узнать. Я на все это отвечал.

Фильм «зарезали».

Когда это дело лопнуло, другие стали снимать про спорт. Это был цветной фильм, широкоэкранный. Они тоже приехали ко мне, и я, уже в другой позиции — во весь рост на фоне храма, — говорил о спорте. Мне сказали, что я там получился еще удачнее, и поэтому убрали все — совсем[1]. Это даже и не вошло в фильм — было сожжено, наверное...

В этот период я усиленно учил иврит, усиленно переводил куски из Пророков, усиленно готовился к писанию книги о пророках и параллельно занимался всякими другими вещами, которых было много. С 1968 года мои книги впервые стали печатать[2]. Правда, в 1967 году вышла книга Франциска Сальского. В двух словах, история была такова. В 1955 году в Сибири я нашел книжку 1818 года Франциска де Саль.

---

[1] Элем Климов снимал о. Александра для кинофильма «Спорт, спорт, спорт». Запись оказалась размагниченной.

[2] Первая книга А. Меня «Сын Человеческий» вышла в Брюсселе в 1968 г.

У храма в Тарасовке

Со съемочной группой фильма «Любить» у храма в Тарасовке (справа от о. Александра сидит Инесса Туманян, сохранившая фильм от уничтожения

Она мне очень понравилась, я решил обязательно сделать ее достоянием читающей публики. Вернувшись в Москву, я нашел французский подлинник, моя тетка сделала перевод. Мы его пустили среди людей, и он впоследствии дошел до брюссельского издательства «Жизнь с Богом», где книга и вышла с предисловием одного из наших московских людей[1]. А в 1968 году я впервые держал в руках книжку «Сын Человеческий» — не веря своим глазам и ушам. Она шла анонимно, псевдоним «Андрей Боголюбов» издатели в Брюсселе придумали сами. И как раз в это самое время у меня наступают два кризисных момента. Момент номер один — это доносы, которые на меня пишет настоятель, доносы чудовищные по своей убойной силе. А второе — полный кризис в группе Эшлимана, Феликса и других.

В общем, я чувствовал, что разрыв неизбежен — разрыв с людьми, которые просто уводят наших ребят куда-то в сторону. Случилось это на Рождество 1965 или 1966 года, когда мы были приглашены к ним. Там присутствовали Регельсон, Капитанчук, они нас принимали с торжественностью, спрашивали, как нравится убранство — они навешали всяких символов, все это была детская дурацкая игра. И потом за столом Феликс произнес проповедь — именно проповедь — на моральную тему, причем почему-то это совпало с его собственными жизненными ситуациями совершенно противоположными, так что все это выглядело не только искусственно, но и фальшиво. На всех надели картонные короны, и у меня была такая мысль: сидят люди околпаченные. Я, разумеется, отказался, но на бедного моего друга, который со мною был, — тоже духовное лицо — все-таки умудрились напялить это дело. Я потом просто ушел оттуда.

Через несколько дней у нас с Регельсоном произошел такой разговор: «Мы в разных церквах», — сказал он. Я ответил, что Церковь только одна и что вообще Феликс их губит, что его подослал либо ГБ, либо сатана — только я до сих пор не могу решить, конкретно кто. Ну, Регельсон, конечно, совсем разъярился. А тут еще одна женщина сказала, что она якобы видела Карелина в тех местах, где не следует видеть, — в какой-то приемной на Лубянке или что-то в этом роде... Это был миф, как потом оказалось. Я это и воспринял как миф, но сказал об этом, что такие вещи «ходят», потому что это — либо прямо сатана, либо сатана через руки врагов. Иначе не могло быть — такая дикая, абсурдная ситуация создавалась.

---

[1] Авторство предисловия не удалось выяснить.

Тогда Феликс явился ко мне, чтобы выяснять отношения, и мы ночью, после всенощной, ходили вокруг храма, а я его поддразнивал: вокруг нас кругами бегала собака, и я ему говорил, что это Мефистофель, который некогда пуделем ходил вокруг Фауста, — Феликс быстро, лихорадочно крестился и оглядывался по сторонам. Я ему сказал, что он принес нам огромное зло, что он частично разрушил наш приход, что он замутил голову нашим ребятам. А он сказал, что я не доверяю ему, что он ходил ко мне на исповедь, а теперь я все это предал, потому что я ему перестал доверять. Я промолчал, я не хотел ему говорить, что человек, который работал агентом в течение ряда лет, человек, который был убийцей и провокатором, не может претендовать на прозрачность стеклышка. Разумеется, у нас были основания всегда подозревать его в чем-то.

Хотя вообще я никогда не подозревал его в неискренности. И впоследствии я полностью убедился, что все подозрения относительно его нечестности были напрасными — он был совершенно честен. Я вам сейчас расскажу, при каких обстоятельствах я в этом убедился.

Где-то в 60-х годах у нас с ним происходит полный разрыв. Я поставил ребят перед выбором: либо вы с ним, либо вы в нашем приходе. С ним остаются двое: Капитанчук и Лев Регельсон; все остальные примыкают к нашему приходу — в общем, от Карелина отходят. Естественно, с ним остаются Глеб и Николай Эшлиман, хотя с ними я продолжаю поддерживать отношения, но они все реже ко мне приезжают, и отношения у нас становятся все более и более холодными. Году в шестьдесят седьмом или шестьдесят восьмом, кажется, на каком-то торжестве, мы разговариваем с Николаем, и он говорит: «Феликс — человек Божий, посланный свыше», — он говорит вот такие слова. А через три месяца он приехал ко мне и сказал: «Это сатана, и вообще я с ним порвал».

Что же там произошло? Там произошло следующее. Группа, состоявшая из Николая, Глеба, Феликса, Капитанчука, Льва Регельсона и еще кого-то — я уже не помню, — без конца заседала у Николая в саду, в домике. Обсуждали, горячились, выпивали, мечтали… Жили мифами, жили, совершенно, полностью оторвавшись от действительности. Отсюда как раз и происходили все промахи в связи с письмом. Оперировали вымышленными ситуациями, слушали западное радио, которое еще больше подогревало фантастические картины: что все православие поднимется, все перевернется, раскол, и так далее… […] Именно в то время

Рождество 1968 г. Слева направо в нижнем ряду: Павел Мень, Евгений Барабанов, о. Александр, Елена Иващенко (кузина о. Александра), в верхнем ряду: Наталия и Илья Вьюевы, Наталия Барабанова, Вера Яковлева, Марина Бессонова, Михаил Меерсон-Аксенов

я пытался вывести их на переговоры с Патриархией в лице Никодима, но ничего не удалось, как я уже говорил, — отчуждение было полное. Я был полностью занят работой, и приходской, и литературной. [...]

Вдруг — где-то в дороге — на них сошло озарение, что скоро приближается конец света и что в этом году будут те знамения, которые описаны в Апокалипсисе: будут землетрясения и так далее. Они собрали массу людей и стали их уговаривать. Лев Регельсон ходил по домам знакомых и всем упорно говорил, что скоро будет конец света или, по крайней мере, Москва погибнет. Я-то не придал этому значения и уехал себе на озеро Селигер. А в это время наши тут сходили с ума — он подействовал на многих. Только Шпиллер успел их уберечь. На эту провокацию поддались три священника и двадцать мирян. Один священник, который туда поехал, бросил без всякого объяснения свой приход, его сняли со службы.

Все кинулись из Москвы, продавая свое имущество, и уехали на Новый Афон. Вокруг Нового Афона был создан миф, что это место

святое и там нет нечестивых… Ждали грандиозных событий, которые подвигнут к крещению массы. Они взяли с собой мешочки с крестиками, чтобы крестить толпы паникующих людей — хотя чего стоит такое, со страхом, крещение.

Когда я вернулся в Москву, то с ужасом узнал, что тут было такое смятение в наших рядах.

Были тяжелые переживания у всех этих людей, но — ничего не состоялось. Я впоследствии Глебу говорил: «Ты не видишь, что все это было иллюзорно?» Но он так упорствовал — как-то ему хотелось в это верить. Так что он не отказался, а просто постепенно терял к этому интерес.

Потом они говорили, что не указывали точного времени, хотя мне передавали, что указывали — не только приблизительное время, но и число. (Сейчас это продолжается: некто Зайцев продолжает терроризировать людей по той же модели и многих людей побуждает креститься из страха, что приближаются грозные события, кто не будет крещен — погибнет. Причем, и кто будет крещен не в евангельском духе, а чисто механически — только отметиться, что ты был крещен, — это уже тебе что-то гарантирует.)

После этого Эшлиман сказал мне, что все его представления о Феликсе как о Божьем человеке никуда не годятся.

Николай полностью от этого отошел. Но катастрофа была для него слишком великой, он просто не мог этого пережить. Я пытался его как-то поддержать, но с ним начались какие-то удивительные трансформации. Он душевно настолько изменился, что стал совершенно другим человеком. Я никогда в жизни не встречался с подобного рода метаморфозой личности. Весь слой его духовности — очень значительный, насыщенный мистицизмом — смыло начисто, и обнаружился изначальный слой, весьма поверхностный, и мы с ним, будучи перед этим довольно близкими, по-настоящему близкими друзьями — оказались людьми совершенно чужими, которые не только не понимали друг друга, но которым не о чем было говорить друг с другом.

Я сейчас вспомнил момент, когда я это понял. Я приехал через год на этот самый Афон — по следам робинзонов — разобраться, что к чему. И его туда пригласил. Он поехал раньше, встретил нас радостный. Я думаю: «Может быть, мы сейчас найдем путь к возвращению…» Но он только непрерывно пил. Кавказ, сухое вино… Он сидел, начинал о чем-то рассуждать… Без конца был на людях…

Мы сидели на берегу; он молчал — я понял, что мы разделены непроходимой бездной.

У него были депрессии, самые настоящие, тяжелые депрессии, которые он разгонял, только выпив. По некоторым признакам врачи, к которым я его после этого устраивал, предполагали, что у него какая-то интоксикация туберкулезного типа, которая поражает и нервную систему; но это была только гипотеза. В больницу он попадал неоднократно.

Но Николай не был той открытой русской душой, которая способна покаяться! Он человек аристократичный, ему было страшно, мучительно, ему не хотелось встречаться ни со мной, ни с кем-то еще из своих церковных друзей — ему не позволял этого его характер. Он мог быть только «на коне». И это было самое тяжелое крушение человеческой судьбы, которое я когда-либо видел в жизни.

Я его звал, я ему писал неоднократно. Когда я узнал, что он странствует где-то — нашел себе другую семью и ушел из дома — я ему написал: «Может быть, это тебя останавливает? Так твои личные дела ничего не могут изменить в наших отношениях». Но — нет!

Потом, спустя много лет, на проводах Анатолия Эммануиловича Краснова, мы встретились. Я его сильно обругал: «Что ж ты так!» Он сказал: «Я обязательно, обязательно к тебе приеду». Сколько уж лет, как Краснов уехал...

Иногда до меня доходят слухи, что он в больнице... Ему неприятно и тяжело видеть своих церковных друзей, церковные темы сами по себе его коробят. Необычайной одаренности пастырь получил здесь непоправимый удар, который сшиб его с ног совершенно. Я считаю, что в этом в значительной степени повинен Феликс, который создал им эту истерическую атмосферу, а Николай был склонен к такой экзальтации. Я знал, что он не выдержит. Нельзя было ежедневно жить в ожидании конца света, ждать знамений и знаков.

Феликс остался рядом с Капитанчуком и Регельсоном, затем по очереди с ними со всеми разругался, остался один и сейчас, как мне известно, примкнул к неославянофилам, и теперь он — истинно русский человек. Он иногда появляется в церкви Ильи Обыденного. Отпустил длинную седую бороду. Регельсон, которого он от себя отставил, приехал ко мне в церковь. Я ему не стал напоминать наш разговор о том, что мы в разных церквах находимся, я ему сказал, что храм наш — открыт. Конечно, я не хотел, чтобы он возвращался в наш приход,

поэтому я не дал ему никаких намеков в этом направлении. Не хотел — почему? Потому что я видел, что это бесполезно; бесполезно было с самого начала, когда я только крестил его, — потому что он сразу стал мудрить свое, пошел со своими идеями. А это плохо. Человек не успел дослушать, не успел дочитать, как уже что-то «выдал». Так ничему никогда не научишься. Безнадежно…

Что касается Глеба, то он, конечно, впал в некую такую грусть после всего этого, но его спасла все-таки более крепкая натура, а потом он ввязался в диссидентство, потом принял руководство группой по защите прав верующих. В общем, если сказать честно, эта деятельность из всех видов деятельности, пожалуй, самая подходящая и родная душе отца Глеба. Мы с ним продолжаем изредка встречаться, по-прежнему любим друг друга и по-прежнему следим за судьбой друг друга, хотя внешне наши пути разошлись.

Из всей этой истории, из попытки создать некую церковную оппозицию можно сделать несколько выводов. Вывод номер один заключается вот в чем. Оппозиция возможна, только когда есть на что опираться. Во-вторых, для нее должны быть условия. Здесь же все было иллюзорно. Не было сил, на которые можно было опираться, не было условий. Мне казалось, что надо было непрерывно и терпеливо работать по выработке этих условий — хотя бы внутренних. Слишком тонкой была пленка из активных мирян, активных священников. Тогда активных священников на пальцах можно было пересчитать — десяток был (теперь их стало еще меньше). Надо было увеличить это число и работать на совесть. То есть я вовсе не хочу сказать, что я в принципе был против такого рода деятельности — нет. Но просто я считал, что она преждевременна. Считал, что ничего еще не сделано для того, чтобы уже можно было выступить. И хотя я всегда ценил мужество в людях, но у меня всегда вызывает какую-то тревогу курица, которая кудахчет, но снесла еще только одно маленькое яичко. На самом деле — рано, рано… Для истории каких-нибудь десять-пятнадцать лет — это ничтожно. После того как в течение десятилетий церковная жизнь была разрушена и сломлена, после того как в течение столетий в нее вносились различные очень искажающие ее вещи, — для того чтобы возродить ее, нужна была совместная, сотрудническая, упорная и терпеливая спокойная работа на местах, работа в приходах, работа с людьми — христианский труд.

Если уж обязательно нужно было выступить с каким-то заявлением, то надо было выступать при Хрущеве — после Хрущева это было уже не нужно. Если включаться в борьбу, то здесь скорее должны были действовать какие-то «подставные лица». В каком смысле «подставные»? Не «фиктивные». Это лица, которые ни на что другое не годились бы. Если бы письмо подписал не священник Эшлиман (фамилия эта мало украсила письмо), а некто Иванов, который бы просто соглашался с содержанием письма и дал бы свою подпись (все равно ведь не Эшлиман писал этот текст, а больше Феликс), то такие люди и несли бы за это ответственность — их бы не посадили за это письмо, но они имели бы за это какие-то неприятности. Пускай бы даже это были священники... Но такой человек, как Эшлиман, который столько мог бы сделать для Церкви, — был выбит из седла. И я все это воспринимал как сатанинскую акцию, которая разрушила начинающееся дело.

А после этого, пожалуй, мне уже трудно рассказывать о событиях, потому что внешних событий-то на самом деле не было. Глеб продолжал трудиться, Николай — «выпал», а я перешел в Новую Деревню[1]. Как я уже говорил, в Тарасовке на меня был написан большой донос, но Патриарх Пимен — тогда он еще был только нашим митрополитом[2] — согласился меня перевести. Я написал, что донос этот — клевета чистой воды, и попросил меня оттуда перевести «ввиду сложившихся небратских отношений с настоятелем»[3]. А в объяснительной записке я написал, что никогда ничего не делал дурного настоятелю и не знаю, что его побудило это написать. Он же в своем доносе писал, что ко мне никаких претензий по службе не имеет и что все очень хорошо — только бы я не делал других вещей: ни с кем бы не разговаривал и так далее — не читал бы книг, не давал бы книг...

Кстати сказать, с этим настоятелем была очень интересная история — это было просто замечательно. Его дети совершенно отошли от Церкви, от веры (взрослые были ребята) — и вот однажды Великим постом он уговорил их все-таки прийти поисповедоваться. Ну, я взял ребят, а потом и племянника, стал их понемножку «обрабатывать». Они начали ходить в церковь, относиться с уважением к профессии отца —

---

[1] Новая Деревня — пригород г. Пушкино Московской обл., где в Сретенском храме о. Александр прослужил до дня своей гибели.

[2] Т.е. митрополитом Крутицким и Коломенским, управляющим приходами Московской области.

[3] Речь идет об о. Серафиме Голубцове.

В Новой Деревне...

у них произошла некоторая короткая перемена. Естественно, давал им книжки... Так отец так испугался, что запретил им общаться со мной и все вернул на свои оси.

Когда в церкви узнали, что я перехожу, народ написал петицию Пимену, что они этого не хотят, так что ему пришлось прислать телеграмму на приход, что он меня не переводит. Все успокоились. Я был в очень тяжелом состоянии, потому что мне было очень трудно служить с настоятелем за одним престолом, мы с ним даже не разговаривали одно время — так до Прощеного воскресенья тянули. В общем, неприятно это было. Почти целый год мне пришлось с ним служить после этой истории.

А потом отец Григорий[1] захотел меня сюда, в Новую Деревню. Он специально приехал в Семхоз, «выудил» меня. Я-то на самом деле мечтал перейти сюда. Дело в том, что он периодически болел, и меня из Тарасовки, по соседству, приглашали сюда служить, так что я вместо него служил неоднократно. Познакомился-то я с ним еще раньше, когда мы с ним служили у владыки Киприана[2] — на его именины всегда приезжали архимандрит Ювеналий[3], отец Сергий Хохлов, отец Григорий и аз, недостойный. Теперь Ювеналий — митрополит Крутицкий, отец Григорий умер, а Киприан и ныне там. И отец Григорий захотел, чтобы я к нему перешел — потому что его священник страдал «некоторой слабостью», и у нас просто состоялся обмен. Причем я никому не сказал, сделал это тайно, и мой настоятель страшно расстроился: он не хотел, чтобы я уходил, и был недоволен этим. Он просто хотел пресечь все мои недозволенные действия, а в остальном я его устраивал на сто процентов. Но его вызвали в епархиальное управление, мы там встретились, и я сказал ему: «До свиданья». — «Как, что?!» — «Все, уже указ есть».

Перешел я в Новую Деревню и уже целиком занялся работой: перестал бывать всюду, перестал ездить в Москву, стали гаснуть и обрываться все связи. Многие уехали[4] — тут началась так называемая «алия». Уехал Меерсон[5]. Я не хотел, чтобы он уезжал, но у него сложилась такая личная ситуация, что он уехал. Уехал Глазов[6], уехали многие. А были

---

[1] Прот. Григорий Крыжановский (1890–1977), до 1929 г. жил в Чехословакии, с 1950 г. в Албании, в 1962 г. вернулся в Россию.

[2] Архиеп. Киприан (Зернов) (1911–1987), в 1961 г. хиротонисан во епископа Подольского, в 1964 г. стал архиепископом Берлинским и Среднеевропейским, но вскоре был отозван в Россию и до своей кончины оставался настоятелем храма Всех скорбящих радость на Большой Ордынке в Москве.

[3] Митр. Ювеналий (Поярков) (р. 1935), с 1972 г. митрополит Крутицкий и Коломенский.

[4] Речь идет об еврейской эмиграции, которую использовали некоторые диссиденты, желавшие эмигрировать на Запад, некоторым из них власти указывали этот путь, угрожая отправить на «восток», т. е. уголовным преследованием.

[5] Прот. Михаил Меерсон-Аксенов. В настоящее время настоятель храма Христа Спасителя в Американской православной автокефальной церкви в Нью-Йорке .

[6] Юрий Яковлевич Глазов (1929–1998) — индолог, тамиловед, правозащитник. В 1972 г. эмигрировал, преподавал в университетах США и Канады; в своих воспоминаниях («В краю отцов». М., 1998) неоднократно упоминает о. Александра.

хорошие дни, когда собирались все у Гриши[1]. Турчин[2] (который тоже уехал), он показывал свой кукольный спектакль с какой-то подоплекой… Мы с Померанцем рассуждали о метафизике, триединстве по отношению к разным мистическим системам… Все это ушло в прошлое: ночные путешествия по Беляеву-Богородскому[3], по Ленинскому проспекту, и апостольские рейды по Москве, в которых меня иногда сопровождал Желудков — он очень хорошо это все помнит. Все это ушло в прошлое, потому что я понял, что это ничего особенно не дает, кроме усталости, а людей, которых нужно, Бог сам пошлет — тем более, что людей становилось все больше.

С местными властями обычно жил мирно. Временами до меня доходили сведения, что за мной следят. Но прямых столкновений не было. Было два обыска по случайным поводам. Одиозным стал обыск лишь после письма священников Н. Эшлимана и Г. Якунина. Существовал миф, что я автор письма. Потом прибавились и западные публикации. Но в них не было ничего политического. Я вообще считал политику вещью преходящей, а работать хотел в сфере непреходящего. Бывали статьи против меня (идеологические в «Науке и религии»), иногда имя мое мелькало в период гонений, но и все.

На вопрос архиепископа Киприана (Зернова), в целом хорошо ко мне относившегося, не диссидент ли я, — ответил: «Нет. Считаю себя полезным человеком общества, которое, как и всякое другое, нуждается в духовных и нравственных устоях». Среди людей, меня мало знавших, ходили обо мне легенды: оккультист, сионист, католик, модернист, агент властей.

Пожалуй, на этом мы можем и закончить, потому что с того времени ничего не изменилось.

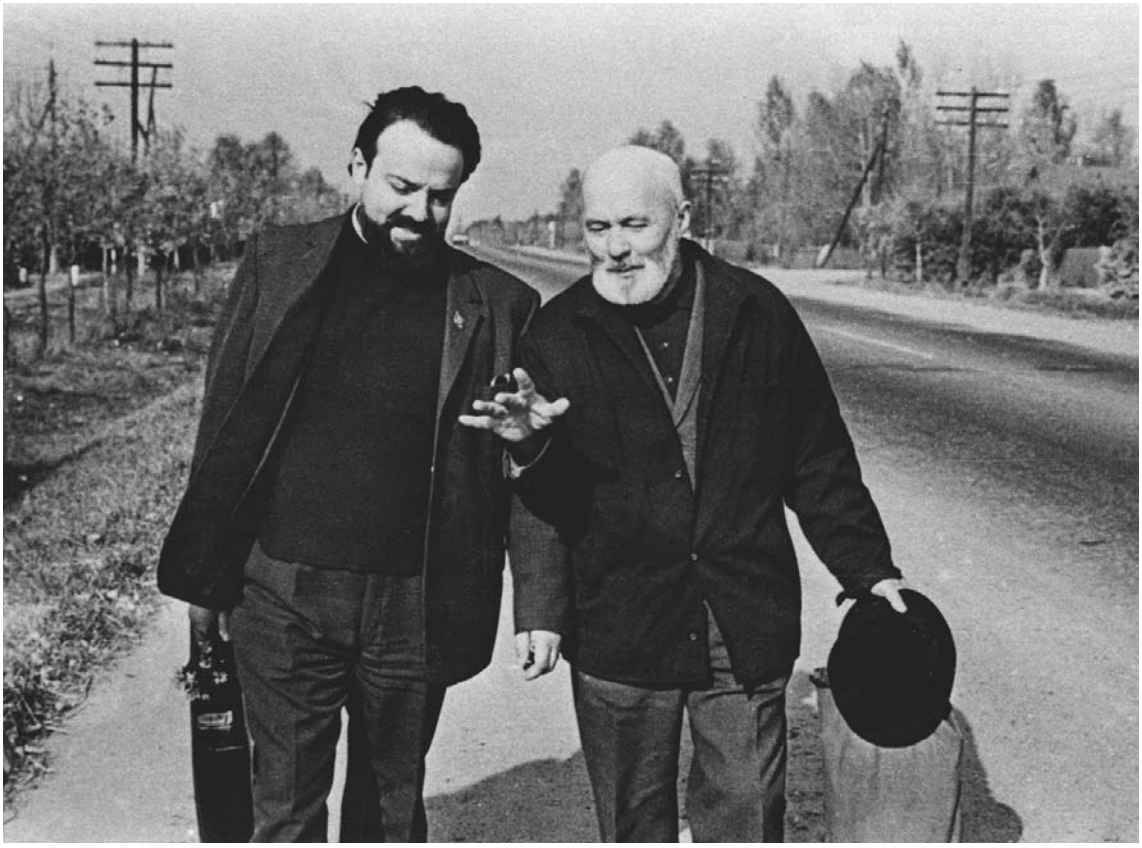
---

[1] Григорий Соломонович Померанц (р. 1918), философ-эссеист, культуролог, критик, мемуарист и литератор. Участник войны, был дважды ранен, награжден. В 1949 г. арестован и осужден за «антисоветскую агитацию», в 1953 г. освобожден по амнистии, в 1956 г. реабилитирован. Автор многих книг. В частности, в книге «Великие религии мира» в создании главы «Сущий» принимал участие о. Александр.

[2] Валентин Федорович Турчин (р. 1931), математик, философ, публицист; работал в Институте прикладной математики АН СССР. В 1966 г. под его редакцией вышла книга «Физики шутят». В 1974 г. Турчин был избран председателем советской секции правозащитной организации «Международная амнистия». В 1977 г. эмигрировал в США.

[3] В Беляеве-Богородском жили Ю. Глазов, М. Агурский.

С протоиереем Григорием Крыжановским в Сретенском храме Новой Деревни. 1976 г.



С о. Сергием Желудковым. 1976 г.

О людях, встречах...

Об отце Сергии Желудкове

В 58-м году (значит, это было тридцать лет тому назад, я еще был начинающий служитель Церкви) мне попалась книжка, самиздатская, которая называлась «Литургические заметки» — такое необязательное, полуакадемичное название. Я стал читать — и был поражен! Блестящий стиль, свежая мысль, смелый подход к проблемам, с которыми я в алтаре уже столкнулся давно, ибо с 50-го года уже находился в алтаре и невольно думал об этих церковных проблемах. И вдруг я нахожу человека, который говорит об этом смело и как он это говорит! И там стояло: «С. Желудков». Кто бы это был? — я понятия не имел об этом человеке, у нас в Москве о нем никто не слышал. Я понимал, что это выдающийся стилист, человек яркой мысли! Откуда он взялся?..

В этом же году я поехал в Ленинград и в Ленинградской духовной семинарии увидел на стенде фотографии выпускников; среди них была фотография человека, священника, какого-то кавказского типа, с черной, иссиня-черной бородой, лысоватого, с глубокими такими глазами. И я подумал: вот, оказывается, какой этот Желудков.

Вернувшись, я подошел к нашему старику священнику, с которым служил, образованному в достаточной степени, и дал ему прочесть «Литургические заметки». Он прочел и сказал: «Ну да, это все интересно, но ведь что люди скажут? — отцы жили, как раньше, и спасались, и нам ничего менять не надо». Вот так.

А Желудков между тем поднимал трудные и спорные вопросы нашей церковной практики. Чувствовалось, что он прошел через все это, чувствовалось, что он этим переболел; и о многом писал — тактично, но с глубокой иронией (некоторые страницы нельзя было читать без улыбки). У него был лесковский дар подмечать забавное в нашем, так сказать, ведомстве.

Разумеется, многие его предложения по реформе богослужения выглядели утопичными, несвоевременными. Я знаю, что покойный Патриарх Алексий, когда прочел этот текст, написал на нем резолюцию: предложить этому священнику прекратить заниматься несвоевременной пропагандой. И понять Патриарха было возможно, потому что в этот период шла, как я уже сказал, массированная атака на существующую структуру церковную. О каких реформах можно говорить, когда сегодня ломается один храм, завтра закрывается другой; когда даже в центре столицы, на Преображенской площади, без всяких на то серьезных оснований был взорван храм (это там, где сейчас метро). Действующий храм!

Это было хрущевское время, когда храмы закрывались быстро, стремительно, рассудку вопреки... Происходили трагические события — это были не 20-е годы, не время безумств, а время пробуждения общества, время, когда тирания была разоблачена; и началась так называемая оттепель, начался процесс общего отрезвления и оздоровления.

И вот на фоне этих замечательных процессов, в силу какого-то исторического парадокса, начался поход против культуры. Не все из вас (здесь много молодых) помнят это. Скандал в Манеже, бесконечная травля художников, церковных деятелей, писателей в прессе; тогда же была травля Пастернака — все это было как бы в одной обойме. И естественно, что богословская мысль в это время, казалось, замерла, потому что нам объявили, что через... двадцать лет, то есть очень скоро, все будет кончено, наступит коммунизм, будет уничтожено все религиозное, что осталось в России и в других частях нашего отечества.

Тем не менее тогда продолжалась жизнь — скрытая, подобно вот тем речушкам, которые у нас загнаны под асфальт и текут под Москвой где-то в глубине, в трубах, — продолжалась интенсивная философская, религиозная и общественная жизнь и мысль. Это было чудо! Удивительное явление, которое внушает теперь, можно сказать, при ретроспективном взгляде, и уважение, и изумление! Это лучшая иллюстрация словам Евангелия «свет во тьме светит». Действительно, неожиданно пришедшая тьма, казалось, подсекла те небольшие и хрупкие ростки, которые были!

И, повторяю, это было не в какие-то дикие сталинские времена, а уже после оттепели, после XX съезда.

Несколько лет спустя, может быть, году в 61-м, я однажды вечером сидел в домике при церкви, в сторожке, вдруг постучался человек:

небольшого роста, в шляпе, с короткой седой бородой, с очень знакомым, как мне показалось, лицом. Знаете, бывают такие лица, как родные, как будто ты их тысячу раз видел.

Он приподнял свою шляпу и коротко сказал: «Здрасте, я — Желудков». И мы сразу почувствовали с ним какую-то близость. И я вам скажу по своему опыту (за многие годы общения с десятками, сотнями, а может быть и больше, людей): этот человек своим общением давал удивительно много! Разговор с ним обогащал! Это была совершенно неповторимая личность. Потому что он пробуждал в собеседнике то, что в том еще дремало. Мне он всегда напоминал Сократа; не только своей, так сказать, внешностью, но его способностью стимулировать мысль другого человека, его способностью быть открытым к другому. Это редчайший дар... — как доброта, веселая ирония, смелость суждений.

Удивительный был человек. И вот с тех пор мы с ним стали систематически видеться. Он прошел довольно сложный, зигзагообразный жизненный путь. Родившись 80 лет назад, он кем только не был. И бухгалтером работал, и архитектурой занимался под руководством известного московского зодчего Жолтовского, и работал где-то при лагере вольнонаемным, наблюдая лагерную жизнь; между прочим, у него были возражения по отношению к Солженицыну: он считал, что тот отразил только черные стороны, а Желудков мне рассказывал о многих светлых сторонах жизни там. Странно, но он умел видеть нечто такое...

Пытаясь получить духовное образование, церковное, он поступил перед войной (или в начале войны, сейчас я уже, к сожалению, не помню) в духовную семинарию, «обновленческую». Был у нас раскол такой — обновленческий, который начался в 20-е годы и был закончен после войны. Желудков поступил в такую обновленческую семинарию. Если не ошибаюсь, она была в церкви, по-моему, на улице Энгельса, там, где стоит такой большой храм, в районе Бауманской. Он ее не кончил, потому что она, кажется, сама распалась. Но в нем постоянно жило стремление найти современную форму выражения для христианского благовестия. Он считал себя не отвлеченным богословом, и таковым не был, а богословом, который хочет быть для всех! У него было такое любимое выражение: «христианство для всех», или «мужское христианство» — тоже его выражение.

Почему «мужское», что это за название? Желудков имел в виду христианство, которое не было бы чрезмерно эмоциональным, как бы сентиментальным, которое, может быть, ближе поэтической женской

душе. А он хотел найти такой четкий, рациональный аспект Евангелия, который был бы доступен здравомыслящим, рядовым современным людям; не утонченным интеллектуалам, а рядовым, мыслящим по-мужски людям. Задача, конечно, была непростая, и он искал ее решение экспериментальным путем.

Прежде чем сказать вам о том, как Желудков это делал, немножко еще его биографии. После окончания Ленинградской семинарии он начинает служить. Но это было такое время, когда никакой эксперимент, никакое вылезание из траншеи не проходило безнаказанно. Его снимали с одного места, бросали на другое. За год, по-моему, он сменил восемь мест. Без конца его гоняли — то настоятель, то уполномоченный. Это был вечный странник! И все кончилось парадоксальным образом. По крайней мере, так он мне рассказывал, и я это просто говорю с его слов.

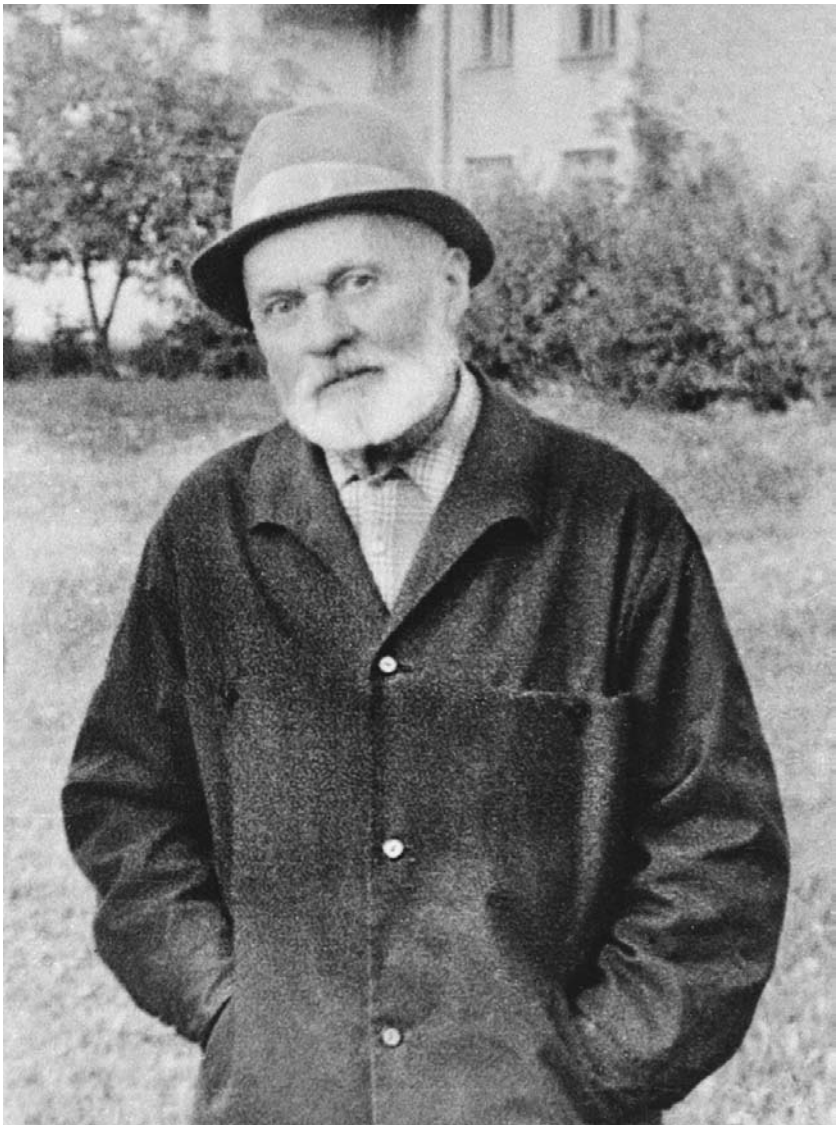
Вы все знаете, что сейчас у нас к лику святых Русской Православной Церкви причислена блаженная Ксения — праведница, которая с XVIII века почиталась в Петербурге, Петрограде, Ленинграде. Около ее часовни, где она погребена, собирались многие люди, молившиеся ей, и народное почитание этой святой было огромным и в Петербурге, и в Ленинграде — всегда.

Я еще помню эти толпы в начале хрущевского времени, когда я учился в семинарии в Ленинграде. А может быть, раньше даже, нет, это было в 54-м году. В 54-м году, когда огромные толпы шли в эту часовню служить панихиду.

Сейчас блаженная Ксения торжественно провозглашена святой нашей Церкви. О ней была передача по телевидению (некоторые из вас, наверно, видели). Но тогда местные ленинградские власти пытались вообще стереть память о ней из сердец людей.

Часовня ее была закрыта; шла, можно сказать, война, ее поносили в прессе, как личного врага. И вот незадолго до того, как там совсем все разогнали, приходили больные люди молиться на ее могилу. Часовня уже была закрыта, и они просто ходили вокруг нее.

И вот там произошел такой случай (я не был свидетелем, только по рассказам): одна больная женщина, что-то у нее было с ногами, пришла, ее привели родные, и они с пением молитв повели ее вокруг часовни блаженной Ксении; и на третьем круге она вдруг почувствовала резкое облегчение; и когда кончилось это хождение, она вдруг пошла своим ходом.



О. Сергий Желудков

Сопровождающие перепугались, общее было смятение, радость, подогнали такси. Священник, служивший в этой церкви (напротив часовни), смотрел из окна алтаря и плакал в три ручья, но выйти боялся, ибо он прекрасно знал, что если б он вышел и принял участие в этом деле, его бы потом обвинили в том, что он создал фальшивое чудо. И он даже и не вышел (правильно сделал).

Так вот, отец Сергий, человек, в общем, скептический, очень далекий от легковерия и настроенный, я бы даже сказал, рационалистически во многих смыслах, — получил сведения об этом событии из первых рук. И со своей склонностью к эксперименту он решил все это зафиксировать, записать, сделать достоянием общественности.

Отец Сергий собрал людей, которые были свидетелями, заставил их всех написать об этом, расписаться, адреса поставить, то есть все как положено. Когда об этом стало известно уполномоченному и еще в каких-то инстанциях, то, во-первых, стали всех этих людей вылавливать, вызывать, угрожать, заставили их всех снять свои подписи, а Желудков был удален со своего прихода вообще... в пространство. И с тех пор отец Сергий не служил — до самой своей смерти.

Потом времена уже поменялись; возможно, ему можно было служить, но его желание создать нечто новое, свежее, какие-то новые формы! — оно настолько не могло реализоваться в той реальности Пскова, где он жил, что ему не хотелось идти и повторять все то же самое — то, что он подвергал пересмотру и критике.

Конечно, я еще раз скажу вам, что действительно время для реформ было самое неподходящее. И крайность его воззрений тоже была очевидна многим людям. Но все-таки он думал, говорил, писал, ставил вопросы.

Теперь я возвращаюсь к тому, как отец Сергий решил экспериментально создать, так сказать, некую модель «христианства для всех», «мужское христианство», современное. У него было два друга, корреспондента, которые с ним переписывались (большие теоретические письма). Они писали ему о своих сомнениях. Он отвечал им и прислал мне их письма и свой ответ, приглашая меня принять участие в дискуссии. Я этих людей не знал, они писались под литерами «А» и «Б»... Потом еще подключился человек; я был, кажется, «С».

И тут пошло. Профессора Духовной академии, общественные деятели, духовенство, участвовал небезызвестный отец Дмитрий Дудко, профессор нашей Академии Агицкий, известный в то время церков-

ный писатель Краснов-Левитин, человек таких радикальных взглядов, и многие другие.

И отец Сергий, собирая наши письма, аккуратно, на своей машинке, со своим таким аккуратизмом пунктуального человека перепечатывал, делал брошюрки (каждый раз разного цвета) и всем нам посылал по почте. И к 64-му году таких брошюрок у нас накопилось более чем на полторы тысячи машинописных половинчатых страниц. То есть примерно семьсот обычных машинописных страниц мелкой машинописи. Чего там только не было. Какие только вопросы там не поднимались: социальные, философские, нравственные, богословские, литургические! Лично я все время старался уклониться от этого, но каждый раз не выдерживал и все равно включался. Уклониться хотелось, потому что разговор был хаотичный. Мне не нравилось, что люди начинали выяснять конец, не поняв, что происходит в начале; не было никакой последовательности, а следовательно, мы все время вынуждены были кружиться вокруг, без конца возвращаясь куда-то назад, на какие-то азы.

Вы понимаете, что беседы, даже дискуссии, споры без определений уже невозможны; а тут каждый понимал, скажем, под словом «духовность», «соборность» что-то свое, и все кружили и кружили.

Но переписка была уникально интересна! Это уникальный памятник той «траншейной» умственной, религиозной, богословской жизни начала 60-х годов. Она была очень смелой, иногда наивной, потому что сказывались наш провинциализм (недостаток литературы), необдуманность, невыношенность.

Но на основании вот этих ответов, споров, всей этой проблематики, поднятой там, иногда очень заостренной, отец Сергий создал одну из своих первых книг, которая называлась «Почему и я христианин». Надо вам сказать, что перед этим он написал эссе, кажется, о Бультмане.

В то время, когда вторично начали рушить храмы, все делалось по уже давно испытанному сценарию; и нужны были, как это было положено, отреченцы. И вдруг у нас быстро стали возникать какие-то церковные деятели, которые годами служили, что-то изучали, где-то преподавали и которые с подозрительной скоростью обнаруживали противоречия в Библии и объявляли в газетах, что отныне они уже больше ничего общего с Церковью не имеют. Одним из таких людей был покойный профессор Осипов в Ленинградской академии (сейчас мы знаем, что его шантажировали, ему угрожали, он был сломлен, это была личная драма).

Но Желудков ответил. Ответил одному из этих бедных, несчастных людей, которым надо, безусловно, сострадать. Он ответил небольшим эссе. Это был блеск! Как это было написано! С душой, без оскорблений, умно, лаконично! Мне очень жалко, что это эссе пропало, я не могу нигде его найти.

К сожалению, вообще все наследие отца Сергия где-то растеряно, рассеяно, и собрать его полностью пока не представляется возможным; да и не нашелся еще человек, который бы занялся этим. Его близкие, друзья, которые бы могли этим заниматься, — одни умерли, другие уехали из отечества, третьи заняты своими делами и про него и думать не хотят. Короче, у него есть литературное и эпистолярное наследие. И когда-нибудь, когда придут наши дети, когда они будут пытаться восстановить по крохам его биографию и составить хотя бы список его трудов, они будут очень сильно мучаться и ругать нас за наше пренебрежение и легкомыслие.

И вот тогда он написал эту книжку — «Почему и я христианин». Он написал ее в ответ брошюркам, которые назывались «Почему мы порвали с религией», «Почему мы ...» и так далее. А он написал «Почему и я христианин». Но чудесна была эта маленькая буква «и». Он не говорил: «Почему я христианин? Я — Желудков, христианин!», но «Почему и я тоже, я — один из многих». Книга небольшая, была потом издана в ФРГ, сейчас многие пытаются как-то раздобыть ее, но, естественно, тираж мал и она вышла давно, я думаю, без его ведома[1]. И в этой книге отец Сергий пытался создать свою модель.

Скажу вам откровенно, что я не разделяю всех его воззрений. Но что меня поразило? Еще в 63-м году Желудков в одном из своих писем ко мне приводил с восторгом эпизод из жизни пастора Дитриха Бонхёффера.

Дитрих Бонхёффер был повешен за несколько недель до того, как союзники освободили Германию и пал нацизм. Он был участником заговора Канариса, был одним из самых активных антинацистских деятелей и влиятельнейшим богословом XX столетия. Это был совсем молодой человек, которому сорока еще не было. И он предпочел, вместо того чтобы ехать в Америку, читать там лекции по богословию, остаться и бороться — не только идейно, но бороться против нацизма практически! Так что он был осужден не невинно; его повесили как поли-

---

[1] «Почему и я христианин». «Посев», 1973.
Сейчас книга переиздана: СПб., 1996.

С о. Сергием Желудковым. 1976 г.

тического противника режима, как человека, который способствовал политическому заговору Канариса.

Когда Бонхёффер сидел в тюрьме, в нацистских условиях (он был привилегированным заключенным), он писал своим родным письма, и они составили целую книгу, которая произвела огромное впечатление на западный мир и на богословов в частности. Он говорил: я попал впервые в компанию людей, которые совершенно далеки от моей веры, — там были коммунисты, там были вообще люди, чуждые ему. И он писал: «Я искал новый язык, новые слова, чтобы сказать им о главном — о евангельском, о вечном. Я тогда понял, что наш старый церковный язык годится только для нас, для узкого употребления, а для мира он недостаточен, мир вступил в другую культурную полосу».

Бонхёффер считал, что мир стал совершеннолетним, и поэтому он может обходиться без священного. Я думаю, что он заблуждался. Потому что нельзя называть таким наш мир, который сходит с ума от политических мифов, — ведь он писал это во время разгула гитлеризма, вскоре после сталинизма, — ничего созревшего нет в нашем мире. Но все-таки Бонхёффер был прав — в мире изменился культурный фон, язык надо искать другой.

Так вот, отец Сергий Желудков не читал книг и писем Бонхёффера. Он лишь услышал о нем, о его конце, о последнем мгновении, когда крикнули: «Дитрих Бонхёффер!», и он сказал своим друзьям: «Я знаю, что это конец, но для меня это только начало». И эта фигура заворожила Желудкова.

Между тем отец Сергий был в чем-то полным аналогом Бонхёффера, русским Бонхёффером, не знавшим еще, что писал и о чем думал его немецкий собрат. У нас Бонхёффер не переведен, его даже в самиздате не было. Сейчас кое-что уже есть, но тогда ничего этого не было[1]. И я был поражен, как ему все это открылось (они были почти ровесники, Бонхёффер был старше Желудкова на четыре или на три года).

Вот такую задачу, которую немецкий теолог пытался решить, сидя в тюрьме и поставив ее перед богословами, — эту задачу поставил перед собой и Желудков как бы автономно, независимо от него. И это, конечно, было очень интересно, и задача труднейшая — найти новый культурный язык для вечного. Но он ее не решил, потому что усилиями одного человека такие вещи не делаются; и к тому же он был очень изолирован. Сидя в своем Пскове, он был отрезан и от литературы, и от общения, он дышал, только приезжая в Ленинград или в Москву. Но это были налеты.

Его дискуссии после выхода этой книги продолжались, он без конца обменивался с людьми письмами, искал и искал все новые формы. Мне он говорил потом, что «если бы я написал это сейчас, спустя много лет, я бы написал по-другому». Он сильно левел. Ему казалось, что можно найти совершенно рациональные, совершенно простые, понятные каждому слова, для того чтобы выразить общую евангельскую истину.

Я, правда, с ним всегда спорил. Я ему говорил так: либо надо просто верить так, как деревенская женщина, либо, если ты хочешь рационально познать, тогда не изображай простачка, а тогда уж надо поковырять и подумать, и не бояться умственных трудов. А ему хотелось совместить и то, и другое: чтобы была вроде разумная вера, но чтобы разум находился на цыплячьем, элементарном уровне. Конечно, я понимал мотивы, потому что он хотел найти язык для среднего человека. И это была трудная, может быть, в каком-то смысле безнадежная задача. Но она была благородная, и я понимал нравственную глубину, сердечную глубину его устремлений.

---

[1] В настоящее время изданы следующие работы Дитриха Бонхёффера: «Сопротивление и покорность. Письма из тюремной камеры». — В журн. «Вопросы философии», 1989, № 10,11; «Хождение вслед». М., РГГУ, 2002; «Жить вместе». М., 2002.

Его отзывчивость душевным движениям людей была огромна. Как он ценил каждого — это было просто поразительно.

В последние годы жизни он все больше и больше сближался с нашей социальной оппозицией, с движениями, которые называют демократическими и прочими, и появилась у него еще одна интересная книга, родившаяся в крайне своеобразных условиях.

Был у нас в свое время такой физик Кронид Любарский, который занимался политической оппозицией. Любарский был атеист, законченный и убежденный. Когда он сидел в тюрьме, Желудков написал ему туда письмо (Любарский был и в лагере, и в тюрьме долгое время; то ли они были знакомы до этого, то ли нет, я не помню), и из этой переписки создалась целая книга.

Часть писем не была пропущена цензурой, часть дошла, Любарский отвечал, ряд людей были вовлечены, я даже нехотя написал два письма, потому что мне казалось, что это неуважительно — к человеку приставать с диалогом, когда он считает себя законченным атеистом и диалог ему никакой не нужен. Но, по-видимому, Любарского все-таки это как-то там развлекло, и книжка получилась очень занятная, острая. Она была впоследствии издана на Западе[1].

Потом отец Сергий неоднократно возвращался к этой модели, к этой манере решать проблемы через письма. Конечно, я тогда полностью отказался от участия, потому что это превращалось в говорильню по той же причине: что не было выяснено главное и где-то вокруг кружились.

Но Желудков вступил в Amnesty International, выступал от лица Церкви, не служа в Церкви. У него было трудное своеобразное положение. Власти смотрели на него сквозь пальцы, и он жил в своем Пскове, выступая, подписывая разные заявления социально-политического характера, которые он считал справедливыми и нужными, всегда боролся за правду, всегда был в первых рядах людей, ищущих справедливости.

Так случилось, что он умер недалеко от Елоховского собора. И привезли его отпевать туда, и там было некоторое смятение, но, в конце концов — в соборе служил его друг, бывший художник, потом священник, — собралось еще несколько клириков, и его отпели по иерейскому чину.

---

[1] С. Желудков, К. Любарский. «Христианство и атеизм». Брюссель, «Жизнь с Богом», 1982. В книгу вошли и письма о. Александра под псевдонимом«Корреспондент З.» (стр. 56–63, 169–173).

Много лет отец Сергий не служил, что, конечно, сказывалось на его душевной жизни. Священнику небезопасно долго находиться без евхаристии, без выполнения своего служения. И поэтому последние годы жизни у него были окрашены некоторой меланхоличностью, грустью. Он не надеялся на то, что какое-то возрождение будет. Но в то же время он очень многим людям помог сдвинуться, помог осознать себя. В спорах с церковными людьми он пробуждал свободную мысль. Я еще раз повторяю: с ним можно было не соглашаться, но его диалог был живым, современным, искренним, талантливым.

Несмотря на свои реформаторские тенденции в богослужении, он очень любил церковную культуру, музыку и пение. Многих наших прихожан и друзей он учил церковному пению. Будучи сторонником богослужения на русском языке, он прекрасно владел славянским и знал его красоту.

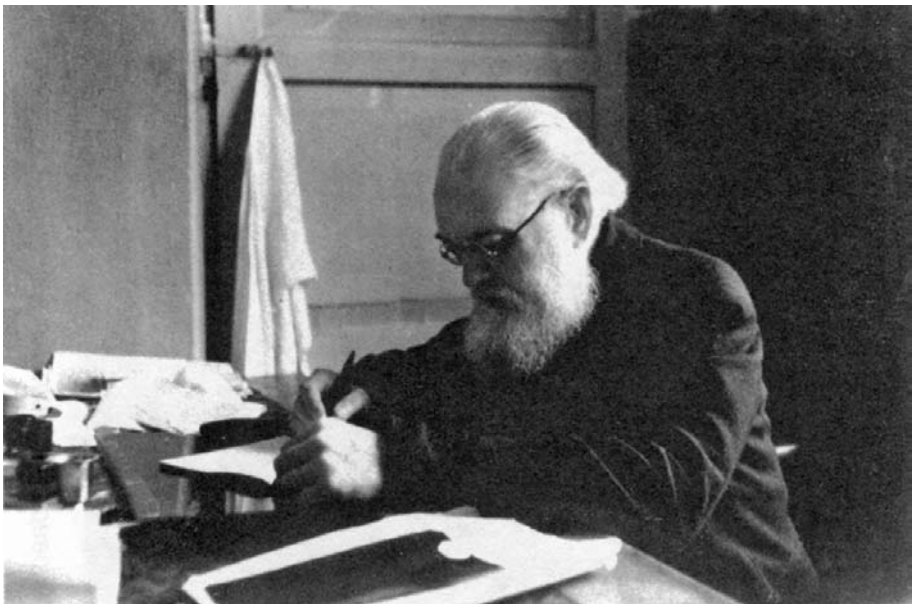
Это личность, которая могла оказать большое влияние на наше общество. И так случилось (это очень жаль), что влияние это было весьма ограниченным, что оно осталось в основном в каких-то кулуарах, узких кругах. У нас не так много таких ярких личностей. Мы должны их помнить. Как говорил один прекрасный литературовед о своем герое: «Мы ему уже не нужны, но он нам нужен». Так вот, такие люди, как Желудков, нужны нам.

Из выступления на вечере памяти
о. Сергия Желудкова
5 марта 1989 г.

Об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком)

Человек, о котором пойдет речь, [...] не погиб в лагере, но прошел через все круги ада; он не был оппозиционером, однако почти на всей его биографии лежала печать изгойства. Врач, писавший научные труды в тюремной камере, он не только дождался их публикации, но и получил за них при Сталине Сталинскую премию. При этом он одновременно был и хирургом, и священнослужителем Русской Православной Церкви, архиепископом...

Я помню его уже слепым, за десять лет до его смерти в 1961 году. Помню его письма к моей матери, которые ему уже приходилось диктовать секретарше. Вокруг него складывались самые фантастические



Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). 1942 г.

легенды. И неудивительно. Он поистине казался каким-то чудом природы, клубком противоречий.

Его держали в Симферополе, подальше от столицы. Не доверяли. Из сотен проповедей архиепископа напечатаны были лишь немногие. Не была издана и его главная богословская работа «О духе, душе и теле» (она увидела свет в Брюсселе через 17 лет после смерти ее автора).

Иные люди, разглядывая бюст лауреата Сталинской премии, недоумевали: почему у него длинные волосы и иконка на груди? А когда им объясняли, что это панагия, знак епископского сана, изумлению их не было конца.

Люди уже узнали правду о беззакониях и зверствах, о крахе нравственных устоев, об искажении в человеке образа Божия. Знать и помнить это надо. Однако столь же необходимо говорить и о тех, кто не сдался, кто не потерял себя, кто сохранил сокровища духа в самых тяжких обстоятельствах, кто по-настоящему служил ближним. Они не были сверхчеловеками. У них были и слабости, и ошибки. Они были «людьми среди людей».

Из предисловия к книге М. Поповского
«Жизнь и житие Войно-Ясенецкого,
архиепископа и хирурга»

Об Александре Галиче

Конечно, как и многие, я не раз слышал записи его песен, поразительных, с такой точностью передающих дух и настроение тех лет. Голос Галича казался мне прорывом из глухого молчания. Но молчания многозначительного. Я верил, что под ледяной коркой зимы все еще текут живые струи. Уж если сталинщина не могла полностью иссушить эту реку, то тем более — потом... Галич говорил и пел о том, о чем шептались, что многие уже хорошо знали. Он блестяще владел городским полуинтеллигентским и полублатным жаргоном, воплощаясь то в героев, то в антигероев нашего времени. Мне он казался своего рода мифом, собирательным образом, каким казался в начале 60-х Окуджава, хотя мне было известно, что это вполне реальные люди. Окуджава пел о простом, человеческом, душевном после долгого господства казенных фраз. Галич изобразил в лицах, в целой галерее лиц, портрет нашей трагической эпохи. Поэтому мне показалось странным, почти невероятным, что я мог увидеть его, словно это был оживший символ, который трудно себе представить в виде одного конкретного человека.

Я увидел его сразу, когда он, такой заметный, высокий, появился на пороге церкви. Он пришел с нашим общим знакомым, композитором Николаем Каретниковым[1]. Не помню сейчас (прошло уж больше 15 лет), уславливались ли мы заранее, но я узнал его сразу, хотя фотографий не видел. Узнал не без удивления. Знаете, читатель часто отождествляет писателя с его героями. Так вот, для меня Александр Аркадьевич жил в его персонажах, покалеченных, униженных, протестующих, с их залихватской бравадой и болью. А передо мной был человек почти величественный, красивый, барственный. Оказалось, что записи искажали его густой баритон. Мне он сразу показался близким, напомнил мою родню — высоченных дядек, которые шутя кололи грецкие орехи ладонью. Это был артист — в высоком смысле этого слова. Потом я убедился, что его песни неотделимы от блестящей игры. Как жаль, что осталось мало кинокадров... Текст, магнитозаписи не могут всего передать. И в первом же разговоре я ощутил, что его «изгойство» стало для поэта не маской, не позой, а огромной школой души. Быть может, без этого мы не имели бы Галича — такого, каким он был.

---

[1] Николай Николаевич Каретников (1930–1994), композитор, автор оперы «Мистерия апостола Павла» (1986), на сочинение которой его вдохновил о. Александр (об этом Каретников пишет в своей книге воспоминаний «Готовность к Бытию». М., 1994).

Мы говорили о вере, о смысле жизни, о современной ситуации, о будущем. Меня поражали его меткие иронические суждения, то, как глубоко он понимал многие вещи.

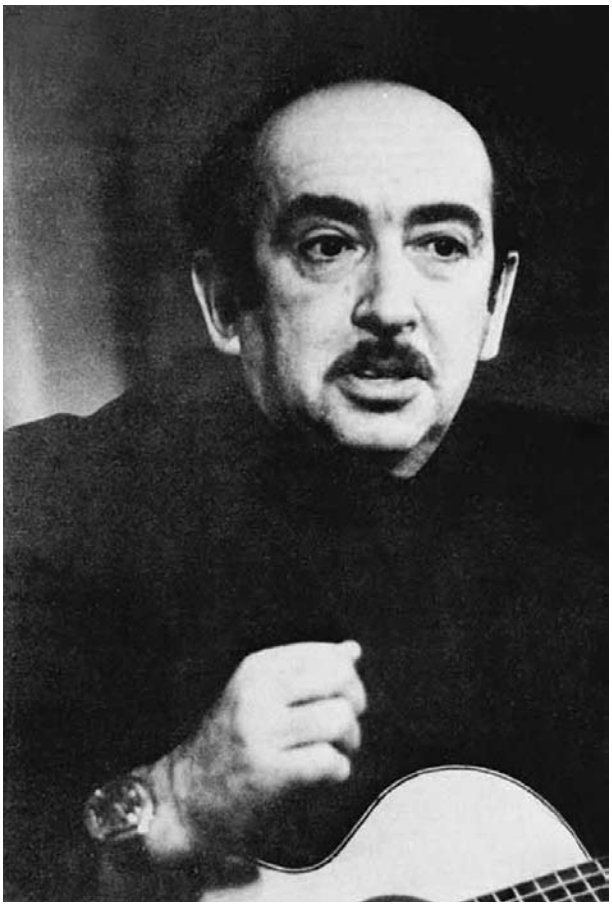
Вообще-то я всегда придерживаюсь правила — не посвящать других во внутреннюю жизнь моих прихожан, даже ставших знаменитыми. Это нечто вроде врачебной тайны. Иначе невозможны искренние, доверительные отношения.

Могу сказать лишь очень немногое. Его вера не была жестом отчаяния, попыткой куда-то спрятаться, к чему-то примкнуть, лишь бы найти тихую пристань. Он много думал. Думал серьезно. Многое пережил. Христианство влекло его. Но была какая-то внутренняя преграда. Его мучил вопрос: не является ли оно для него недоступным, чужим. Однако в какой-то момент преграда исчезла. Он говорил мне, что это произошло, когда он прочел мою книгу о библейских пророках. Она связала в его сознании нечто разделенное. Я был очень рад и думал, что уже одно это оправдывает существование книги.

После совершения таинства мы сидели у меня, и он читал нам с Н. Каретниковым свои стихи. И как-то по-особенному прозвучал его «Псалом» о том, как человек искал «доброго Бога». Нет, вера его была не слепой, не способом убежать от жизни. Она была мудрой и смелой. В нем жило чувство истории, сопричастности с ней, историческая перспектива, которая связывалась для него с христианством. Об этом, о сокровенном, Галич пел и писал мало. Это было прекрасное целомудрие души. Есть вещи, которые нельзя выставлять напоказ. Но в своем пронзительном стихотворении «Когда я вернусь» он не случайно назвал наш маленький храм, «где с куполом синим не властно соперничать небо», своим «единственным домом».

Однажды, когда он прочел нам стихи о том, что надо бояться человека, который «знает, как надо», Каретников спросил его: «А Христос?» Александр Аркадьевич ответил: «Но ведь Он не просто человек...»

Это было тяжкое, мучительное расставание. Он приехал ко мне домой с гитарой. Пел для собравшихся друзей. Голые ветки за окном и пустое пространство напоминали о бесприютности. Мы смеялись и плакали. Никто не мог обвинять в противоречии человека, написавшего «Песнь исхода». Было видно, что его довели до точки. Больше он не мог выдержать. Есть моменты, когда суждено дрогнуть и сильному. При прощании у него он хотел подарить мне на память — как символ — дощечку,



Александр Аркадьевич Галич

с которой легко стираются написанные слова. Горький сувенир времен молчания. Но я отказался взять. «Придет время, еще будем говорить вслух», — сказал ему я. Рассчитывать, правда, было не на что. Но я верил и надеялся. Уже «оттуда» он писал мне в коротенькой записке, что никогда там не привыкнет. Это и неудивительно. Он был плоть от плоти нашей жизни, Москвы, нашего непростого времени, полного глубокого и вечного смысла.

На самом деле это был все-таки волевой акт искания правды. Искания! И он метался, он колебался, он видел, что люди, которые выступали в защиту правды, как бы под знаменами ее, они, в конце концов, были

не такими, что в них сидел тот же самый вирус насилия, вирус тоталитаризма, вирус такого ложного догматизма и приспособления. Но даже те, которые, казалось бы, были бескомпромиссными, они были безобидными для общества лишь потому, что их не пускали к рукояти, а если бы их пустили, то неизвестно, как бы все было. И вот тогда в этих поисках он понял правду как какое-то служение. Ведь ради чего он все это делал? — что, узкая слава в узких кругах? под молодежные аплодисменты? Нет. Он был большой человек, мощный, такому тесно на самом деле в тех пределах, в которых он жил. Он был крупной фигурой, крупным характером, и все равно он все это принес в жертву исканиям правды. Его духовный внутренний, сокровенный путь — это завершение этого поиска. И это было совсем не просто. И этот поиск привел его и к внутреннему пути, и к внешнему изгнанию, поэтому слова Христовы о том, что «блаженны изгнанные правды ради», они справедливо написаны на его гробнице, на его могиле, и на могилах многих других людей, но здесь это особенно звучит. Но я бы хотел подчеркнуть, что это блаженство. Блажен — это значит в высшей степени счастлив. На самом деле полнота раскрытия человеческого «я», его блаженство, заключается совсем не в том, чтобы не иметь препятствий, а в том, чтобы препятствия преодолевать, в том, чтобы быть победителем, несмотря на то, что вокруг бушуют черные бури, и быть изгнанным правды ради — это не несчастье, а величайшая честь. Когда-то было сказано, что у нас высоко ценят поэзию, потому что за стихи расстреливают. Он это чувствовал, и его жизнь поэтому стала цельной, завершенной, несмотря на кажущийся трагический конец. Я не верю ни во что случайное и слепое, потому что в таких событиях всегда есть высший смысл, который открывается только с расстояния.

Блаженный — значит счастливый, и он — человек низвергнутый, непризнанный, осмеянный, изгнанный — тем не менее нес свое счастье внутри. Вот это самое главное.

Из книги «Заклинание добра и зла»
(М., 1992)

Запрестольный образ в алтаре Сретенского храма Новой Деревни

Веду переписку, беседую…

[Из писем Зое Масленниковой]

…Я всегда радуюсь, когда лишний раз остро ощущаю осмысленность, целенаправленность течения жизни, значимость встреч, совпадений, откликов, отзвуков.

Январь 1969 г.

…Сегодня первый раз служил в новом месте. Тарасовка покинута. Теперь я обитатель сверхкрохотного деревянного храма. Местечко очень глухое, но на шоссе.

Чувствую огромное, давно не испытанное облегчение. Как будто жернов с шеи свалился. Спасибо, что Греция[1] Вам нравится. А то я уже почти возненавидел эту гору бумаги, нет сил к ней прикоснуться и мнительность одолевает. Но все это пустяки…

13 февраля 1970 г.

Многоуважаемая Е. Н.!

…Двадцать лет я служу Церкви Христовой своими малыми силами, из них двенадцать у Престола Божия. Я сознаю, что полон слабостей, недостатков, грехов, разумеется, не чужд и ошибкам, но, сколько помню себя, всегда был верен учению Церкви, я вынужден коснуться здесь личной стороны дела.

Вам хорошо знаком тот факт, что в интеллигенции предреволюционного периода необычайно широко распространились неверие, позитивизм и отрицательное отношение к Церкви. Многие верующие культурные люди Вашего поколения пришли ко Христу уже сами, независимо от своих родителей. Мне счастливо удалось миновать эту полосу поисков, так как я был рожден в православии не только формально, но и по существу. Семья наша издавна считала себя живущей под

[1] Речь идет о книге «Дионис, Логос, Судьба».

Мария Витальевна Тепнина

благословением о. Иоанна Кронштадтского. Он вошел в ее жизнь не из книг. Мамина бабушка, которая еще нянчила меня, бывала у о. Иоанна, и он исцелил ее от тяжкой болезни. При этом он отметил ее глубокую веру, хотя знал, что она не была христианкой, а исповедовала иудейскую религию.

Думается, что благословение о. Иоанна не осталось втуне: мать моя с раннего детства прониклась верой во Христа и передала мне ее в те годы, когда вокруг эта вера была гонимой и казалась угасающей, когда многие люди, прежде бывшие церковными, отходили от нее. Это, как Вы знаете, была трагическая эпоха, требовавшая большого мужества и верности. Поколебались многие столпы (вспомните судьбу Дурылина или Лосева!). И мне остается только быть вечно благодарным матери, ее сестре и еще одному близкому нам человеку[1] за то, что в такое время они сохранили светильник веры и раскрыли передо мной Евангелие.

---

[1] Речь идет о В. Я. Василевской и М. В. Тепниной. Мария Витальевна Тепнина (1904–1992), зубной врач. На ее квартире в Рублеве иногда служил о. Владимир Криволуцкий. Арестована в октябре 1946 г., отбыла 5 лет исправительно-трудовых лагерей до июля 1951 г. (с. Долгий мост) и 3 года «вечной» ссылки (с. Покатеево) до сентября 1954 г. в Красноярском крае. После 1960-х гг. и до конца жизни постоянно трудилась в Сретенском храме Новой Деревни.

Наш с матерью крестный, архимандрит Серафим, ученик оптинских старцев и друг о. А. Мечева, в течение многих лет осуществлял старческое руководство над всей нашей семьей, а после его смерти это делали его преемники, люди большой духовной силы, старческой умудренности и просветленности. Мое детство и отрочество прошли в близости с ними и под сенью преподобного Сергия. Там я часто жил у покойной схиигуменьи Марии, которая во многом определила мой жизненный путь и духовное устроение. [...] Я тогда, в сороковые годы, считал (да и сейчас считаю) ее подлинной святой. Она благословила меня (23 года назад) и на церковное служение, и на занятия Священным Писанием. У матери Марии была черта, роднящая ее с оптинскими старцами и которая так дорога мне в них. Эта черта — открытость к людям, их проблемам, их поискам, открытость миру. Именно это и приводило в Оптину лучших представителей русской культуры. Оптина, в сущности, начала после длительного перерыва диалог Церкви с обществом. Это было начинание исключительной важности, хотя со стороны начальства оно встретило недоверие и противодействие. Живое продолжение этого диалога я видел в лице о. Серафима и матери Марии. Поэтому на всю жизнь мне запала мысль о необходимости не прекращать этот диалог, участвуя в нем своими слабыми силами.

Не могу не вспомнить с глубокой благодарностью и тех моих старших друзей «мечевского» направления (ныне здравствующих и умерших)[1], которые с моих отроческих лет помогали мне и направляли духовно и умственно. Со студенческих лет особенное значение имели для меня пример и установки моего духовника о. Николая Г[олубцова], который до самой своей смерти не оставлял меня своим попечением и дал мне еще один высокий образец «открытости» к миру, служения в духе диалога. Под знаком этого диалога проходило и проходит мое служение в Церкви. И теперь, надеюсь, для Вас ясно, что я потому и писал свою книгу на современном языке, потому избрал тот, а не иной метод, что для меня это было составной частью служения и диалога, которые я взял не сам на себя, но имея благословение и живя под руководством.

Январь 1971 г.

---

[1] Имеются в виду священник Борис Васильев, его жена Татьяна Ивановна Куприянова, Николай Евграфович Пестов, Елена Владимировна Апушкина.

[Из письма Александре Орловой-Модель[1]]

Здравствуйте, дорогие!

Спасибо за книги... Я прекрасно перенес отпускное время, находясь в трудах. Летом вообще все легче из-за солнца и тепла. По-прежнему мы молимся за вас в нашем маленьком храме... Я много в этом году трудился по хозяйству (как Робинзон)... Пишу я тоже много: сейчас тема моя — последние века религиозной истории перед Р. Х. Масса интересного и поучительного.

Наташа и дети вас помнят (Миша спрашивает — нет ли в Риме чего-нибудь, связанного с индейцами — это его нынешняя страсть).

Шлю вам любовь и Божие благословение.

Ваш прот. А. Мень
25 мая 1972 г.

...Один день из жизни сельского священника

[Из письма]

...Встал он, болезный, рано утром, в пять, когда еще полумрак среди деревьев, и зашагал по тропке к поезду. А в блаженно пустой электричке дочитывал правило, молился по четкам и изучал кое-что, касающееся «дней древних». А потом дорога к храму, и солнце, восходящее над полями и лесом. А потом полумрак и тишина и исповедь полтора часа: печали, грехи, сомнения, трудности житейские и внутренние. Все может отнять лишь божественный огонь литургии, который расплавляет земную кору. Два-три слова в конце о празднуемой святой (Марии Магдалине), затем требы: панихида, молебны, крестины. Не успел покрестить, как везут покойника. Вокруг гроба вся семья: похожие и разные. Унесли гроб, робко приходит пожилая чета: хотят повенчаться на склоне дней. «Очень хорошо!» — отвечает им и, пропуская неуместные слова (о чадах и прочем), совершает таинство, напоминая им о том, что теперь на них благословение Божие, хотя они и всегда были мужем и женой. Потом чужие заботы, проблемы и пр. А время идет, и уже вторая половина дня.

---

[1] Александра Орлова-Модель (Шурочка, как всегда называл ее о. Александр) — внучка священномученика Иоанна Орлова, знала о. Александра со своего детства и с начала его священнического служения, т. е. с 1960 по 1990 г. Из этих тридцати лет — двенадцать лет личного общения и восемнадцать лет переписки после того, как ее семья эмигрировала в 1972 г. в Западную Европу.

Храм Сретения в Новой Деревне. 1973 г.

Дома в Семхозе

Дорогу обратно по традиции нужно использовать для закупки корма. И блаженное возвращение в сад. Пока еще не холодно, садится бедный кюре за стол и вновь погружается в «дни древние», во времена Хасмонеев и Иродов. А потом — проверять английский у сына, пилить дрова, поглядывая за забор, вдаль, где виднеются золотые купола Лавры. Преподобный всегда с нами. Потом все за стол, а перед сном, если есть что хорошее, смотрят все телевизор или читают. Правда, далеко не всегда бывают дни такие безмятежные. Бывают и черные, бывает и трудно. Но мы же должны благодарить за каждый день, отпущенный нам. Вот я и благодарю, описывая его Вам, благо Вы любите лирику...

Июнь 1973 г.

[Из письма Ю. Н. Рейтлингер]

Начну с того, что сам всегда остро чувствовал духовную связь со святыми и постоянно к ним обращаюсь. Верно, что в их культе нередко проскальзывали элементы язычества, верно, что многие святые — лица легендарные (и даже трансформированные боги), верно и то, что почитание их иногда вредно отражается на благочестии, подменяя обращенность ко Христу, единственному нашему Спасителю. Однако все это уклоны и искажения.

В основе почитания святых лежит наше общее чувство единства Церкви, в ее земных и небесных аспектах. Мы молимся друг за друга, мы знаем силу молитвы у многих людей, искренне любящих Господа. Мы просим у них молиться за нас. Это относится не только к живым, но и к ушедшим. Я не раз ощущал молитву их за меня и мысленно просил их об этом. Но если это естественно по отношению к близким умершим, то почему мы должны забывать великих подвижников, апостолов, мучеников, святителей? Мы читаем об их жизни, читаем написанное ими. Их образы для нас живы. И они действительно живы у Господа, Который не есть Бог мертвых. Когда дух слабеет, когда молитва становится немощной и слабой — как хорошо обратиться не только к Богу, от Которого сознаешь себя таким далеким, но к людям великой веры и силы! Мы можем вступать с ними в живую связь, просить у них молитв и помощи. Ведь они такие же существа, как и мы, и поэтому порой бывает легче найти их в своей молитве. И они реально помогают, реально участвуют в нашей жизни, если мы обращаемся к ним. Лет 25 назад я первый раз побывал в Киево-Печерской лавре, и меня поразила надпись у входа

в пещеры. Там говорилось о молитвенниках подвижниках. «Не забывай их, — писал неведомый автор надписи, — и они тебя не забудут». Это многому меня научило. И в один из труднейших, катастрофических моментов моей жизни 17 лет назад я это пережил с необычайной силой. И их иконы для меня действительно некий знак присутствия святых. Как это происходит, я не берусь, да и не хочу объяснять. Сам по себе внутренний факт важнее всех объяснений. Конечно, когда вместо иконы Христа у нас висит только икона нашего святого — это неправильно. Это уже начало уклона. Святой должен занять место «подле», как на иконостасах, где они все стоят в позе молящихся. Иными словами, мы не им молимся, а молимся вместе с ними и просим их помощи в своем духовном и жизненном пути.

2 сентября 1974 г.

[Из писем Александре Орловой-Модель]

Дорогая Шурочка!

...Не следует полагаться ни на кого. Церковь — это мы. Мы сами. И не ждать чего-то от нее следует, а действовать самому. Ты не думай, будто я не доверяю твоим сведениям. У меня их достаточно. И кризис, вызванный Собором, я сравнительно ясно представляю. Такие ломки не проходят мирно. Но не твоя это забота. Что тебе до «политики Ватикана». Это дело человеческое. Не в этих сферах совершается подлинное в Церкви. Перемены в обрядах — всегда эксперимент, и эксперимент болезненный. Новое поколение все это переварит. Схлынет со временем и волна «левизны». Все это моды, которых в истории было очень много. У нас церковные преобразования вызывали тоже кризисы (начиная с раскола старообрядчества до обновленцев)... Единственное, что мне решительно не нравится, — это отмена постов, о которой я давно знал. Может быть, это и соответствует западному образу жизни, но я этого никак одобрить не могу и тебе советую: живи по нашему православному уставу. Причащение не натощак — обычай ранней Церкви. В I и II веках причащались сразу после трапезы. Но мне кажется, что обычай воздерживаться от пищи до св. трапезы — достоин того, чтобы его сохранить. Впрочем, опять-таки, это их дело. А мы должны держаться своего. Ты знаешь — я экуменист, но это вовсе не означает, что я считаю западные обычаи во всем лучше наших. Кое-чему они могут

Диакон Александр Борисов, Виктор Андреев, Таисия Никиенко, Лев Турчинский, Наталия и о. Александр, Евгений Барабанов и Нонна Борисова в Семхозе. 1973 г.

и у нас поучиться. Пост, кстати — древнейшее установление. Он есть во всех религиях (включая индуизм и ислам) и освящен примером Христа. Можно его сократить, смягчить. Но отменять? Это, я уверен, ошибка, которую исправят. Во всяком случае, я думаю, что католикам не запрещено соблюдать его.

...Только отдавая, ты будешь чувствовать удовлетворение. Есть такие слова Спасителя (их нет в Евангелии, а сохранились в Предании): «Блаженнее давать, нежели брать». И эти твои больные старики, которых ты видела, они — нужны сейчас для того, чтобы люди учились в отношении к ним проявлять терпение, доброту и снисходительность. Хорошо ухаживать за нужным, молодым человеком. А за такими —

Александра Орлова-Модель

каково! Я насмотрелся на это в больницах, особенно в психиатрических. Какие там сестры. Я просто благоговею перед ними. Да, у больных и стариков есть своя миссия в мире!

...Я убежден, что твои чувства и сны тебя не обманывают, что умершие наши, несмотря ни на что, сохраняют с нами связь, и мы можем чем-то друг другу помогать (духовно, конечно). И что характерно: в начале ей [душе] хорошо (как по Моуди), а потом приходит раскаяние, словно нас на первых порах щадят, чтобы мы привыкли к иной форме бытия. Едва ли прав тот священник, который думает, что сразу после смерти человек созерцает Бога. Наверно, нужен еще долгий посмертный путь души. Об этом свидетельствует опыт многих религий и мистиков. Да и логика тоже подсказывает. Думается, что с человека должно сойти, как грязь, все темное. Ну, а если он весь из грязи, то остается только «корешок», который едва ли можно назвать личностью. Наверно, и памяти в нем нет (она же вся зараженная).

197... г.

Интервью на случай ареста

Это интервью, взятое у меня корреспондентом Н., я разрешаю распространять, публиковать и перепечатывать, только если будут получены достоверные сведения о моем аресте. Это требование категорическое и безусловное. Текст прошу хранить так, чтобы он не был доступен никому, кроме владельца.

Прот. Александр Мень

Отец Александр, мне говорили, что ваши работы публиковали только за рубежом. Верно ли это?

Нет. С 1959 года главы из моих двух книг в виде отдельных статей печатались в нашем церковном органе, «Журнале Московской Патриархии». Кроме того, там были опубликованы мои очерки об апостолах и некоторых из отцов Церкви. Первые мои статьи за рубежом были помещены в «Stimme der Orthodoxie» и болгарском «Церковном вестнике». Всего за период с 1959 по 1966 год вышло около 30 моих статей.

А книг?

Поскольку у нас почти не издают книг богословского содержания, мои книги долгое время существовали в рукописном виде. Своего имени на них я не ставил. Поэтому, когда они выходили за границей, издатели снабжали их псевдонимами.

А почему вы предпочитали не ставить своего имени?

Когда книга ходит по рукам, всегда есть вероятность, что ее опубликуют за границей, а появление книг с моим именем вызвало бы нежелательную реакцию и могло быть неправильно истолковано. Для меня важнее, чтобы люди могли читать мои книги, а сенсаций и лишних проблем я не ищу.

Какие книги были вами написаны за последнее время?

Первой книгой, которая получила широкое хождение, был очерк евангельской истории, предназначенный для читателя, не знакомого с Писанием. Эта книга, «Сын Человеческий», была напечатана в Брюсселе в 1968 году издательством «Жизнь с Богом» под псевдонимом А. Боголюбов. Другая книга, посвященная православному богослужению, тоже была рассчитана на начинающего читателя. Она вышла без

имени автора в том же издательстве под названием «Небо на земле» (Брюссель, 1969). С 1960 года я работаю над шеститомной историей религии. Ее цель — дать картину духовного развития дохристианского человечества. Сейчас, когда многие люди захвачены духовными поисками, мне казалось важным показать, как человек прошлого искал Бога. Книга эта называется «В поисках Пути, Истины и Жизни». Первый том, «Истоки религии» (Брюссель, 1970; под псевдонимом Э. Светлов), посвящен вопросу о сущности и происхождении религии. Второй, «Магизм и единобожие» (Брюссель, 1971), излагает историю религии в древнейших цивилизациях. Третий, «У врат молчания», рассматривает китайскую и индийскую религии и философию. Четвертый, «Дионис. Логос. Судьба», посвящен греческой религии и философии. Пятый, «Вестники Царства Божия», повествует о библейских пророках. Сейчас я работаю над шестым томом — «На пороге Нового Завета». Он обнимет последние три века до нашей эры. Той же теме,

Кабинет в доме при Сретенском храме Новой Деревни. 1974 г.

что и шеститомник, посвящена моя кандидатская работа «Элементы монотеизма в дохристианской религии и философии» (1967). Книга «Небо на земле» является первой частью трилогии «Жизнь в Церкви».

Вторая ее часть — «Как читать Библию», а третья — «Практическое руководство к молитве». Кроме этого, я составляю объяснение к Символу веры в виде опыта катехизиса в картинках. Первая часть — «Откуда явилось все это?» (Неаполь, ed. Dehoniane, 1972), вторая — «Свет миру», а третья, еще не законченная, — «Соль земли».

А помимо тех книг, над которыми вы сейчас работаете, у вас есть планы на будущее?

В наше время трудно что-либо планировать, но, если будут даны возможность и силы, я хотел бы написать книгу о проблеме зла. Материал к ней уже собран, и называться книга должна «Хаос и Логос». Еще мне хотелось бы написать книгу о Евангелии и мифе, в основу которой ляжет мой очерк «Миф или действительность?», приложенный к «Сыну Человеческому». О других планах я не буду говорить, ибо не знаю, смогу ли осуществить даже перечисленные замыслы.

Скажите, отец Александр, что является для вас главным: служение священника или литературная работа?

Я это не могу разделить. Все, о чем мне приходится писать, тесно связано с моей деятельностью как священника. В частности, в своих книгах я стараюсь помочь начинающим христианам, пытаясь раскрыть на современном языке основные аспекты евангельского жизнепонимания и учения. Наша дореволюционная литература, к сожалению, не всегда понятна нынешним читателям, а иностранные книги обращены к людям с психологией и опытом иными, нежели наши. Поэтому постоянно существует нужда в новых отечественных книгах. Особенно для тех, кто недавно вступил на путь веры.

А сами вы всегда были верующим или пережили обращение позднее?

Каждый человек должен пережить нечто подобное «обращению». Даже если он с детства был воспитан в вере.

Ваши родители были верующими?

Отец мой всю жизнь чуждался всякой религии. Он был инженером, всецело погруженным в свою работу, и духовные проблемы волновали

его мало. Но мать моя и ее сестра крестились в сознательном возрасте и меня воспитали в православии. Кроме них в своем религиозном становлении я многим обязан духовным детям отцов Мечевых, а также одной монахине из Загорска и своему духовнику о. Николаю Голубцову. Эти люди научили меня, как должен вестись диалог Церкви с миром.

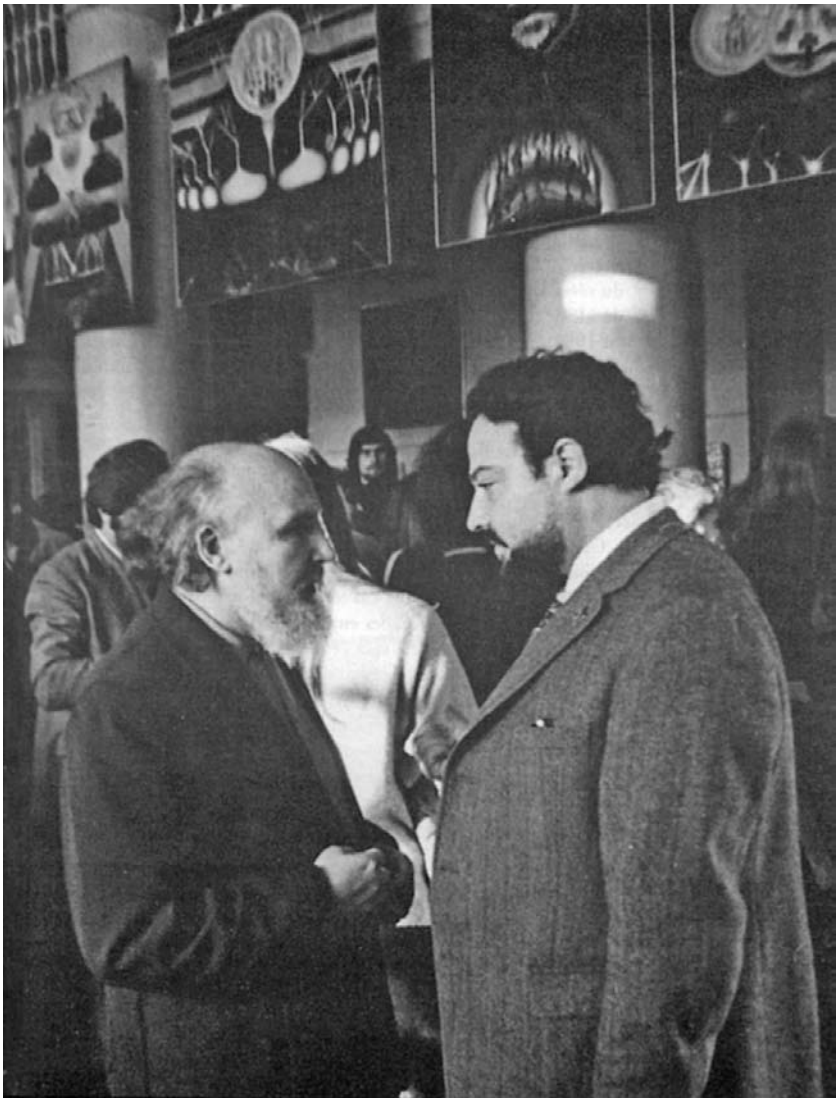
А где прошла большая часть вашей жизни?
Я родился в Москве в 1935 году и там закончил школу. С 1953 по 1955 год я жил и учился близ Москвы, затем — три года в Сибири. С 1964 года я с женой, дочерью и сыном живу под Загорском. С этим городом преподобного Сергия у меня было много связано, начиная с того дня, когда меня там крестили ребенком.

Вы там получили богословское образование?
Да. Я окончил Московскую духовную академию в Загорске, но семинарию — в Ленинграде. Учился я заочно, уже служа на приходе. А до этого, с 1953 по 1958 год, я изучал биологию в Московском пушном институте и Иркутском сельскохозяйственном.

Вы хотели стать биологом?
Я очень люблю эту область науки и решил прежде поступления в семинарию поработать некоторое время в ней. Священник всегда только выигрывает, если проходит путь «светской» жизни до посвящения. Но Бог судил иначе. Из-за моих убеждений меня не допустили до государственных экзаменов. А через месяц я уже был рукоположен (1 июня 1958 года).

Как же вас посвятили без духовного образования?
Я со школьных лет изучал богословие, пел, читал и прислуживал в храме. Так что ко времени рукоположения я уже получил необходимую начальную подготовку. Митр. Николай счел возможным принять меня без экзаменов. Рукоположен дьяконом я был архиепископом Макарием, а в 1960 году иереем — епископом Стефаном.

Давно ли вы стали писать?
Очень давно, почти с первых школьных лет. Первые большие книги, посвященные церковной и библейской истории, я написал, будучи студентом. Теперь я смотрю на них лишь как на «трамплин» для дальнейшей



С о. Дмитрием Дудко на выставке живописи в павильоне «Дом культуры» на ВДНХ. Сентябрь 1975 г.

работы. «Сына Человеческого» я написал в 1958 году, а через год была, как я уже говорил, опубликована моя первая статья. С тех пор я пишу постоянно, используя те урывки времени, которые остаются после приходской работы.

Кто из богословов и писателей оказал на вас наибольшее влияние?
На первом месте я должен назвать Вл. Соловьева. Хотя многие его воззрения я не разделял, но он был моим настоящим учителем. А уже после него я изучал труды представителей русской религиозной философии. Бердяеву, Флоренскому, Булгакову, Франку, Лосскому и другим я очень многим обязан. Из западных авторов в начале моих занятий наибольшее влияние на меня оказали европейские философы докантовского периода, а также Бергсон и Кр. Даусон. Впоследствии, познакомившись с трудами Тейяра де Шардена, я обнаружил в его идеях много для меня близкого. Среди отцов Церкви излюбленными остаются апологеты, Климент Александрийский и Григорий Богослов.

Много ли храмов вам пришлось сменить? Мы слышали, что вас подвергали преследованиям. Верно ли это?
Я служил всего в четырех храмах. (В одном — дьяконом, в трех — священником.) По нынешним временам это не много. Служил я всегда под Москвой. Некоторые неприятности у меня действительно бывали. В частности, нападки в прессе, обыски и слежка. Но прямым преследованиям я до сих пор не подвергался.

А почему? Ведь говорят, что всем активным священникам у вас приходится нелегко.
Я не могу вам ничего определенного ответить. Ведь это не от меня зависело. Но, может быть, здесь сыграло роль то, что я приобрел некоторую известность в заграничных церковных кругах. Кроме того, я старался не выходить в своей деятельности за чисто церковные рамки.

Вы что же, противник демократического движения?
Этот термин слишком туманный. Вообще я, разумеется, уважаю всякую честность и смелость. Но считаю, что мне лично хватает моего непосредственного дела. Кроме того, я убежден, что свобода должна вырастать из духовной глубины человека. Никакие внешние перемены

не дадут ничего радикально нового, если люди не переживут свободу и уважение к чужим мнениям в собственном опыте.

К сожалению, многие из тех, кто называл себя «демократами», по психологии своей были, скорее, диктаторами.

Верите ли вы в будущность православия в России?
Безусловно. Но мне кажется, что мы не должны «плыть по течению», а честно и вдумчиво решать все проблемы, которые ставит перед нами время. Конечно, условия сейчас сложные, но тем не менее трудно отказаться от мысли, что кое-что в нашей церковной практике, канонах и богословии должно быть пересмотрено и углублено. Это не мое только мнение: его разделяют немало епископов, священников и мирян в нашей Церкви.

А как вы расцениваете работы о. С. Желудкова?
Я высоко ценю его стиль, и мне близко его желание критически переосмыслить наше наследие. Но его крайних взглядов я никогда не разделял, как и взглядов церковных консерваторов. Мне думается, что верный путь лежит, как всегда, где-то посередине.

А как вы относитесь к Солженицыну?
Я не политик. Но хочу надеяться, что, когда утихнут страсти, связанные со «злобой дня», его огромная роль будет оценена даже его противниками. Что касается религиозных мотивов в его творчестве, то для меня это — знамение времени. Думаю, это далеко не случайно, что выдающиеся русские писатели нашего столетия, такие, как Солженицын, Пастернак, Булгаков, Максимов и др., обращаются к христианству, к его учению и этике.

Каково должно быть, по вашему мнению, отношение христианства к современности?
Я не сочувствую попыткам создать «секулярное христианство», которые кое-где предпринимаются на Западе. Путь компромисса, связанный с именем еп. Робинсона и других «модернистов», ничего «модерного» не содержит. Все это очень наивно, поверхностно. Просто люди заворожены и оглушены «духом века сего». Это далеко не ново и пройдет, как всякая мода. С другой стороны, я не могу смотреть на Церковь как на реликт прошлого. Христианин в современном мире — в этих словах

Венчание Александра и Наталии Андрюшиных

заключена целая программа. Мы должны быть людьми современными, в хорошем смысле слова, и не страдать ностальгией по прошлому, но при этом оставаться настоящими христианами по духу, взглядам и жизни. Это трудно. Но это — почетная задача, возложенная Богом на нынешние поколения.

Не думаете ли вы, что техническая цивилизация угрожает христианству?

Она угрожает не христианству, а людям вообще. Евангелие же, как и во все века, остается вечным призывом Христа к нам. Церковь основана не людьми. Тот, Кто ее основал, предсказывал наступление трудных дней борьбы. Но Он — Победитель «мира сего», и в этом для нас залог надежды. Камень, на котором стоит Церковь, не может быть сдвинут. То, что Христос поставил перед миром как задачу, не в состоянии осуществить какая-либо одна или несколько цивилизаций. Они проходят чередой, лишь частично реализуя евангельский идеал. Поэтому я думаю, что

история Церкви только начинается. Мы еще дети, несмотря на века, прошедшие со дня Пятидесятницы. Впрочем, что такое для Бога и истории эти 2000 лет?

Я слышал, что вы по происхождению еврей. Не считаете ли вы, что, являясь христианином, вы порвали со своим народом?

Ни в какой мере. Свою принадлежность к народу Божию я воспринимаю как незаслуженный дар, как знак дополнительной ответственности перед Богом. Он призвал Израиль на служение Себе, и его история — Священная история. Она продолжается и поныне. Если большинство моих единоплеменников не приняли христианства, то это лишь очередная глава в драме, совершающейся между Богом и миром. Она началась еще в библейские времена. Совершается она и среди других народов. Ведь многие из них частично отошли от христианства. Я счастлив, что могу своими слабыми силами служить Богу Израилеву и Его Церкви. Для меня Ветхий и Новый Завет неразделимы. Впрочем, это бесспорный тезис в христианском богословии.

Как христианину и просто по натуре мне глубоко чужд любой шовинизм. Я ценю и люблю культуру, в которой вырос и которая так много мне дала, но ни на минуту не забываю о той ответственности и призвании, которые возлагает на меня принадлежность к Израилю.

А как вы в качестве православного относитесь к другим исповеданиям?

Отношение мое сложилось не сразу. Но путем долгих размышлений, контактов и исследований я пришел к убеждению, что Церковь по существу едина и разделили христиан главным образом их ограниченность, узость, грехи. Этот печальный факт стал одной из главных причин кризисов в христианстве. Только на пути братского единения и уважения к многообразным формам церковной жизни можем мы надеяться вновь обрести силу, мир и благословение Божие.

1975 г.

* * *

Как вы относитесь к научной фантастике?

Вообще я все годы очень ее любил, с юных лет. Это такой очень философский вид литературы, дающий простор для размышления, для всего. И в период, когда трудно было что-нибудь найти хорошее, книги

Брэдбери были для нас своего рода отдушиной, а для некоторых даже откровением. Скажем, книги Стругацких, такие как «Улитка на склоне», «Обитаемый остров», были очень смелые, прекрасные, глубокие книги. Но сейчас, по-моему, фантастика переживает кризис.

[Из письма Михаилу Гальперину]

...Что касается театра, то я в вашем возрасте [около двадцати] тоже мало ходил. А куда ходить?

И читал я тогда тоже в основном книги научные и мировоззренческие. Когда разобрался во всем, стал читать беллетристику для развлечения. И сейчас читаю. Я в ней не ищу «проблем», а отдыхаю...

Октябрь 1976 г.

[Из писем Александре Орловой-Модель]

Дорогая Шурочка!

...мама — в плохом состоянии. Болезнь ее заедает. Вообще в этом смысле — год тяжелый: все недуги и смерти.

Сейчас только что вернулся со службы. В саду уже все распустилось. Ждем цветов на яблонях. Копаем землю. Мишка играет в ансамбле. Очень увлечен. Завтра — день победы, кругом концерты. Их [ансамбль] — тоже выступает.

8 мая 1978 г.

...Что написать тебе о нашей жизни? Михаил будет пытаться поступать. Наташа работает теперь инженером в институте. Возвращается на три часа позднее, но пока довольна. Семья Лены живет сейчас с нами. К сожалению, все время идут дожди, и наша чудесная внучка гуляет меньше, чем хотелось бы. Я ее как-нибудь сниму и пришлю. Очень забавная.

* * *

...У нас сейчас золотая осень, которая все время перемежается с дождем и снегом. Сегодня Сергиев день, и мы с Михаилом были в Лавре. Служил митроп. Филарет, было очень много народа (в академической церкви). Всех вспоминал и вас особенно. Отпуск мой кончается на днях. Я один (Наташин отпуск прошел уже) ездил в Грузию, Азербайджан, Армению,

на Украину. Немного освежился, повидал много новых мест и новых людей. По расстояниям это, наверно, больше твоих путешествий (однажды за день на машине дал 600 км среди гор, очень красиво). Михаил учится в институте, живет в Москве. Как я уже тебе писал, мы с Наташей теперь чаще бываем вдвоем...

8 ноября 1978 г.

[Из писем Ю. Н. Рейтлингер]

Дорогая Юлия Николаевна!

Как Вам уже написала, наверное, Е. Я., 15-го на преп. Серафима, умерла мама. Мы давно этого ожидали, но все равно трудно примириться. Впрочем, со смертью примиряться нам и не надо. Она есть вызов и Богу, и человеку. «Плачу и рыдаю...» Накануне она еще ходила, была светла после причастия, а на другой день ей стало хуже. Я читал над ней отходную (по католическому молитвеннику, который оказался под рукой) и не выпускал ее головы до последнего вздоха. Ее жизнь была цельной на редкость, вся отданная Христу. Трудно даже оценить, сколь многим я ей обязан. У нас была общая жизнь, общий дух.

Янв. — фев. 1979 г.

...Спасибо, что Вы присоединились к нашим молитвам об ушедшей маме, хотя у меня такое ощущение, что она теперь должна молиться за нас.

* * *

...Получил выписку из о. С[ергия Булгакова][1]. Постепенно все больше собирается. Многих удивляет мое стремление сохранить и умножить наследие, полученное нами от «отцов» того периода. Но я, вопреки мнению многих, «традиционалист», верю в значение живой связи, преемственности, опыта предшествующих поколений. Без этого мы обречены изобретать велосипеды. Обидно было бы думать, что «то» поколение не оставило нам ничего нужного. Думаю, напротив, оно дало нам слишком много. Я всю свою юность питался из этого источника.

Сентябрь 1979 г.

---

[1] Ю. Н. Рейтлингер пересылала о. Александру переписанные ею письма к ней о. С. Булгакова. См. кн. «Умное небо». М., 2002.

Елена Семеновна Мень. 1977 г. (?)

[Из писем Александре Орловой-Модель]

...Как быстро летит время. Но это совсем не печально. С годами уходят мелочи, иллюзии, неведение, суета. Мы ведь идем не вниз, а вверх. Шире взгляд, глубже понимание, больше опыта. Лучше отличаем главное от пустяков. Знаем подлинную цену настоящему в жизни. Я вот пока не хотел бы возвращать прошлое. За все будем благодарны. Жизнь так интересна, это подарок. И, как говорил Толстой, «незаслуженный дар».

* * *

...Достоинство жизни, ее соответствие с высшим замыслом определяется тем, в какую сторону она идет: теряем ли мы или приобретаем? Внешний человек идет по жизни, все растрачивая (силы, годы, зубы, здоровье). Человек, живущий внутренним, может постоянно обогащаться (опытом, мудростью, духом). То есть есть два пути — вверх и вниз. Время от времени нужно себя об этом спрашивать. Приобретение есть накопление любви и мудрости, которые осуществляются через отдачу. Самое опасное в западной психологии и образе жизни — господство потребления. Оно опустошает. Подлинная глубина и радость в отдаче.

1979 г.

[Ответ на просьбу З. А. Масленниковой написать о своем пути к Богу, о своем духовном опыте]

Ответить на Ваш вопрос и рассказать о том, что называется духовным опытом и путем, мне нелегко, и не потому, что Вы застали меня врасплох, а по той причине, что я всегда избегал говорить о подобных вещах в личном плане. Что-то останавливало. Назовите это замкнутостью, скрытностью или как угодно, но эта черта — свойственная мне во все времена жизни. Кроме того, я обычно остерегаюсь «раскрываться» по трем соображениям. Во-первых, есть нечто, так сказать, духовно-интимное во встрече души с Богом, что не терпит чужого глаза; во-вторых, при злоупотреблении священными словами что-то стирается и теряется (намек всегда сильнее); в-третьих, даже большим мастерам слова редко удается найти соответствующие выражения для невыразимого. Один писатель метко заметил, что куда легче поведать об аде, чем о рае...

Но все же, уступая Вашей просьбе и аргументам, попробую коснуться некоторых аспектов.

Начну с того, что я плохо понимаю резкое деление на «светское» и «религиозное». Для меня это термины в высшей степени условные. Хотя в детстве мне объясняли, что есть «особенные» предметы и темы, но это скорей вытекало из условий жизни среди чуждых по духу людей. Постепенно это деление почти потеряло смысл, поскольку все стало на свой лад «особенным». Любая сторона жизни, любая проблема и переживание оказались непосредственно связанными с Высшим.

Жить так, чтобы «религия» оставалась каким-то изолированным сектором, стало немыслимым. Поэтому я часто говорю, что для меня нет, например, «светской литературы». Всякая хорошая литература — художественная, философская, научная — описывающая природу, общество, познание и человеческие страсти, повествует нам об одном, о «едином на потребу». И вообще нет жизни «самой по себе», которая могла бы быть независимой от веры. С юных лет все для меня вращалось вокруг главного Центра. Отсекать что-либо (кроме греха) кажется

У Сретенского храма. Слева направо: Зоя Афанасьевна Масленикова, Леонид Семенович Цуперфейн, о. Александр, Владимир и Тамара Никифоровы, Леонид Василенко

мне неблагодарностью к Богу, неоправданным ущемлением, обеднением христианства, которое призвано пронизывать жизнь и даровать «жизнь с избытком».

Мне всегда хотелось быть христианином не «при свечах», а при ярком солнечном свете. Меня не привлекала духовность, питающаяся ночным сознанием, имеющая оккультный привкус (хотя и под православной оболочкой). Я всегда ощущал, что «вне» Бога — смерть, рядом с Ним и перед Ним — жизнь. Он говорил со мной всегда и всюду. Собственно, это редко выражалось в каких-то «знамениях», да я и не искал их. Все было знамением: события, встречи, книги, люди. Именно поэтому я мог и любил молиться, где угодно, чувствуя присутствие Божие в самой, казалось бы, неподходящей обстановке. Помню, однажды такое чувство особенно сильно вспыхнуло во мне, когда сидел в саду напротив Большого театра (и таких случаев было много).

Но если уж говорить о каких-то моментах особого подъема, то они связаны с Евхаристией, природой и творчеством. Впрочем, для меня эти три элемента нераздельны. Литургию всегда переживаю космически и как высшее осуществление даров, данных человеку (то есть творчества и благодати).

О природе я упомянул не случайно. Созерцание ее с детства стало моей «теологиа прима». В лес или палеонтологический музей я входил, словно в храм. И до сих пор ветка с листьями или летящая птица значат для меня больше сотни икон.

Тем не менее мне никогда не был свойственен пантеизм как тип религиозной психологии. Бог явственно воспринимался личностно, как Тот, Кто обращен ко мне. Во многом это связано с тем, что первые сознательные уроки веры (в пять лет) я получил, знакомясь с Евангелием. С тех пор я обрел во Христе Бога, ведущего с нами непрерывный диалог.

Хотя я дорожил ровным светом и боялся всякой экзальтации и аффектации, в какой-то момент пришло и то, что можно назвать «обращением». Это было где-то на рубеже детства и юности, когда я очень остро пережил бессмысленность и разрушимость мира. Тогда я исписывал тетрадки мрачнейшими стихами, которые диктовались не пессимизмом характера, а открытием «правды жизни», какой она предстает, если выносят высший Смысл «за скобки». И тогда явился Христос. Явился внутренне, но с той силой, какую не назовешь иначе, чем силой спасения.

Тогда же (это было больше тридцати лет назад) я услышал зов, призывающий на служение, и дал обет верности этому призванию. С тех пор оно определяло все мои интересы, контакты и занятия. Вместе с этим пришло решение стать священником. Это самое большее, что я могу рассказать...

Неисчислимое количество раз я узнавал Руку, ведущую меня. Ее действие проявлялось даже в мелочах. Это напоминало камни мозаики, ложащиеся на заранее приготовленный рисунок. А над всем — если выражаться выспренним языком — светила звезда призвания.

«Храмовое благочестие» вошло в меня органически, лет с 12-ти, но оно никогда не казалось мне всеобъемлющей формой христианства (хотя одно время я бывал в церкви ежедневно, а с 15 лет стал прислуживать в алтаре). Я воспринимал его как часть (притом вспомогательную) того огромного мира, который включает в себя вера.

Как-то в школьные годы одна знакомая, зайдя к нам и увидя меня сидящим за книгой по антропологии, заметила: «Ты все этим занят»; она имела в виду религиозные, богословские темы. Хотя книга была «светской», но эта женщина хорошо меня знала и понимала, «откуда дует ветер»...

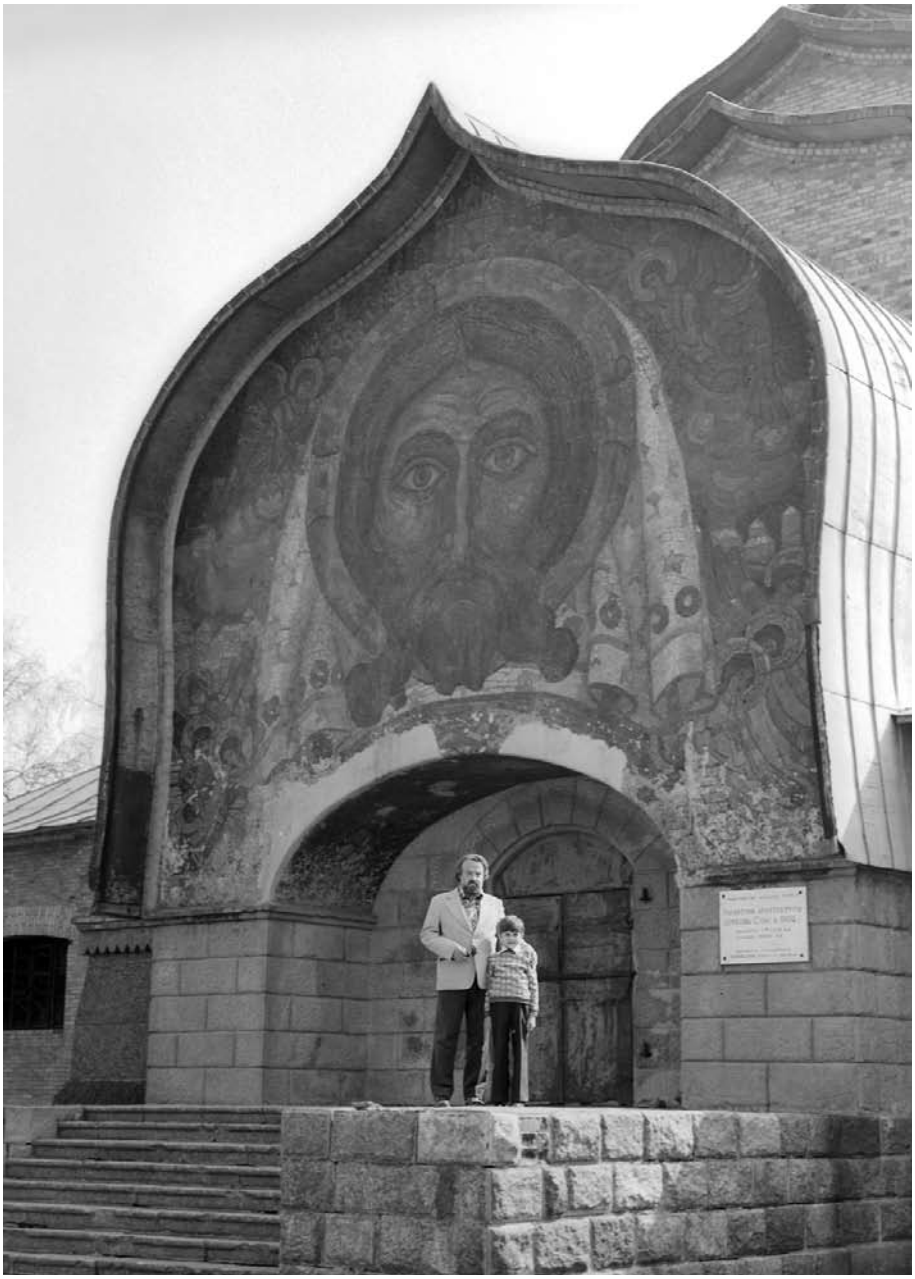
Занятия естествознанием (начавшиеся очень рано) воспринимались мной как приобщение к тайнам Божиим, к реальности Его замыслов. Изучая препараты или наблюдая в микроскоп жизнь инфузорий, я как бы присутствовал при некой мистерии. Это осталось навсегда.

То же было и с историей, интерес к которой пробудило чтение Священного Писания. Мне была дорога каждая черта, которая могла пролить свет на библейские события. Отсюда любовь к Древнему Востоку и Риму, служившим фоном Священной истории.

Не меньше волновала меня и история Церкви, в которой я искал реальных путей и способов осуществления евангельского идеала. Прочтя в детстве «Жития», я понял, что в них много декоративного, легендарного, не связанного с действительностью. Это привело к поиску подлинных источников, который стимулировался чтением неоконченной рукописи о. С. Мансурова[1] (я познакомился с ней году в 50-м, теперь она опубликована в «Богословских трудах»).

---

[1] Свящ. Сергий Мансуров (1890–1929), окончил философское отделение историко-филологического факультета МГУ. В 1926 г. рукоположен в священники. Автор ряда исторических и философских сочинений, в том числе «Иоанн Грозный как деятель западного типа», «Очерки из истории Церкви».



У храма во Фленове. 1980 г.

Еще раз повторю: все вращалось вокруг одного стержня. Я не желал оглядываться назад, поскольку рука уже лежала на плуге. Бог помогал мне явным и неприметным образом. В багаж для будущей работы шло все: занятия искусством, наукой, литературой, общественные дела. Даже трудности и испытания оказывались промыслительными.

Хотя со стороны могло показаться, что молодой человек просто имеет большой диапазон интересов, но на деле они были подчинены единой цели. Некоторые юноши в этом возрасте, живя церковной жизнью, нередко склонны отрясать прах всего «светского». Быть может, и я переболел такой болезнью, но не помню этого. Помню лишь проникнутость идеей «освящения» мира. «Опрощенчество» церковного нигилизма казалось никак не соответствующим широте и свободе Евангелия.

Многие наставники моей юности были связаны с Оптиной пустынью и с «маросейским» приходом отцов Мечевых. В этой традиции больше всего меня привлекала открытость к миру и его проблемам. Настойчивый голос твердил мне, что если люди уходят в себя, не несут свидетельства, глухи к окружающему, — они изменяют христианскому призванию. Я узнал силу молитвы, но узнал также, что сила эта дается для того, чтобы употреблять ее, действуя «в миру».

Принятие сана (в 1958 году) не переживалось мной как переломный момент, а было органическим продолжением пути. Новым стала Литургия...

С теневыми сторонами церковной жизни наших дней я столкнулся рано, но они меня не «соблазняли». Я принимал их как упрек, обращенный ко всем нам. Как побуждение трудиться. Харизмы «обличительства» у меня никогда не было. Однако обывательское, бытовое, обрядовое православие огорчало. Стилизация, елейность, «вещание», полугипнотические приемы иных людей представлялись мне недостойным фарсом или потворством «старушечьей» психологии, желанию укрыться от свободы и ответственности.

Было бы ошибкой думать, что меня миновал соблазн «закрытого», самоуспокоенного христианства, обитающего в «келье под елью», что мои установки целиком продиктованы характером. Напротив, мне не раз приходилось преодолевать себя, повинуясь внутреннему зову.

Мне неоднократно была явлена реальность светлых и темных сил, но при этом я оставался чужд «мистического», или, точнее, оккультного любопытства.

Я слишком хорошо сознаю, что служу только орудием, что все успешное — от Бога. Но, пожалуй, нет для человека большей радости, чем быть инструментом в Его руках, соучастником Его замыслов.

Прот. А. Мень

* * *

В моей жизни все было достаточно обычно. Я был воспитан в семье православной (то есть мать у меня была православной, отец был человек нерелигиозный), и в ранние школьные годы я почувствовал призыв к служению в Церкви. Служить Богу мне хотелось всегда, потому что я чувствовал к Нему благодарность за то, что Он дал мне жизнь и дал столько прекрасного: природу, книги, друзей — все то, что радует человека. И поэтому я хотел быть художником, я занимался этим делом, кстати, потом иконы писал, занимался биологией, историей, и все это считал служением Богу. А служить в Церкви Богу в такой форме я стал благодаря какому-то особому призванию. Это было году в 47-м, я был в храме Иоанна Воина (напротив французского посольства, на Димитрова) и вдруг почувствовал, как голос мне говорит, что, вот, Я жду тебя для этого. Для меня все стало ясно. Поэтому я уже 23 года служу в Церкви. Я еще в школе закончил сам, самообразованием, все эти богословские науки для семинарии, потом кончил биологический институт, просто для удовольствия, чтобы иметь образование в той области, которая меня интересует, потом заочно кончил Духовную академию в Москве. И вот с лета 58-го года я служу под Москвой. Моя жизнь складывается из богослужения, общения с людьми и литературной работы по богословским вопросам. Собственно, вот и все, никаких зигзагов. Конечно, в период застоя у меня были всякие приключения, ну, это ведь они у всех были. А служу я сейчас в церкви в Новой Деревне — это в поселке Пушкино под Москвой, первая большая остановка после Мытищ по Ярославской дороге.

1981г.

* * *

Где вы учились? Протоиерей на церковно-иерархической лестнице — какая это ступень?

Я учился на отделении охотоведения, я занимался крупными копытными: оленями, зубрами и так далее. В частности, в Сибири. Это мое хобби, я зоолог, так сказать, на досуге. Я учился сначала в Пушно-меховом

С Владимиром Файнбергом на берегу Каспийского моря

институте, под Москвой. Во главе его стоял профессор Мантейфель — тот, кто впервые у нас в неволе вырастил и размножил соболя. Но поскольку это были хрущевские годы, то Никита Сергеевич почему-то стремился переводить всех ближе к производству. Это был порочный метод. И, когда я был на 3-м курсе, нас изъяли и как бы по этапу отправили в Иркутск. Но я благодарен Богу за это, потому что я там насмотрелся всего, и это помогло мне сформировать свои многие воззрения. Ну и потом, тайга — это незабываемо.

Протоиерей в церковной иерархической лестнице — это звание, которое носит старший священник. Во времена Николая I по Табели о рангах это соответствовало полковнику. Архиерей (епископ) — соответствовало генералу. Табель о рангах уж вы должны знать.

Мой вопрос не требует конкретного ответа. Я хочу, чтобы вы поделились своими размышлениями о компромиссе.

К счастью, лично я во дни своего детства и юности встречался со столькими бескомпромиссными людьми, что у меня не было такого горь-

кого опыта всеобщего одичания. Я не был никогда ни пионером, ни комсомольцем — никем. Хотя учился в школе и был вполне, так сказать, социально активным человеком... У меня были учителя, наставники, которые «сидели» десятилетиями, выходили, опять попадали в тюрьмы. Я видел людей, которые сохранили в тех нечеловеческих условиях (вам даже трудно их сейчас себе представить) — они сохранили себя. Это было возможно.

[Из писем Александре Орловой-Модель]

Вспоминаю...

...свое первое посещение монахов в нашей Лавре, в дни юности, когда был еще школьником. Помню проходную, через которую посторонним трудно пройти, помню уютные кельи-комнаты вдоль коридора, сверху донизу увешанные иконками и картинками, помню теплую трапезную, где готовили искусные поварихи, и службы — тоже долгие, с блестящими облачениями и митрами, словно елочные игрушки (это было тоже на Рождество). Я тогда уже лелеял мысль служить в церкви, но когда меня монахиня[1] (моя наставница, чудесная женщина) спросила, хочу ли быть монахом, я ответил: ни в коем случае. И вовсе не потому, что я не любил Лавру и ее насельников (которых многих знал), а просто по собственным соображениям. Одно из них: это был мир, вернее мирок, целиком изолированный от жизни, от мирян и «мира», который как бы замкнулся в себе, в своем тепле (хотя, конечно, и там были свои искушения). Мирок этот казался мне, мальчишке, уже тогда — искусственным и далеким от того, что я знал из Евангелия. Но все же и это — православие, один из его ликов, у нас наиболее характерный...

* * *

...Получил твое письмо, уже вернувшись из отпуска, который провел, как обычно, в Крыму. Относительно моего здоровья ты напрасно беспокоишься. Я теперь в полном порядке. Уже в первые дни отпуска последние следы недомоганий улетучились. Помолодел на десять лет, хотя седины прибавилось. Вы вот ездите в отпуск по разным местам, а я так пристрастился к одному и не могу отказаться. Ведь я езжу не «посмотреть», а просто расслабиться у моря и поплавать в свое удовольствие. Для этого Коктебель подходит во всех отношениях.

---

[1] Схиигуменья Мария.

* * *

...был у моря, любовался золотым светом над волнами. Но, чувствуя Божие присутствие в природе, я одновременно очень остро ощутил, что более всего Он пребывает среди нас, среди людей.

Отвечаю на вопросы...

Вот вы книги писали. Первая вышла лет десять или больше назад? Теперь вы заново берете их иногда, может быть, кое-что читаете из них. Вам не кажется, что следовало бы сегодня кое-что уже и... менять?

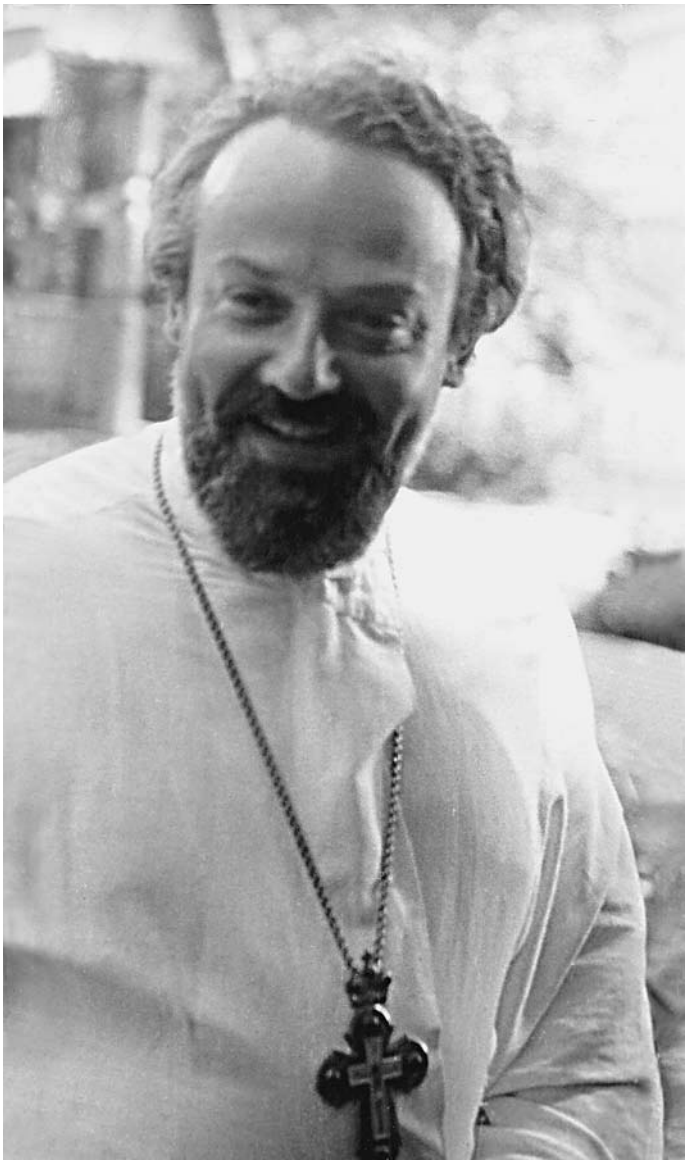
Да, я даже несколько книг переписал заново. Вот «Сын Человеческий» написал заново... мне было всего двадцать лет, когда я ее писал, а сейчас уже к пятидесяти...

Я ничего не скрываю. Я сжег десять тысяч машинописных страниц собственных. Десять тысяч. Сжег. У меня есть такое сжигалище — «геенна» домашняя на улице, я там жгу. Вот написал книгу одну — я ее сжег через месяц после того, как уже написал всю. Сел и начал писать заново. Что касается того, что у меня было, то я не удовлетворен очень многим. Очень многим... И именно из-за этого мне пришлось две книги заново переписать от начала до конца, хотя они уже выходили большим тиражом.

Но вы, видимо, представляете: если в ком-то из малых сих вы поколеблете веру, то всей вашей жизни и писанины не хватит, чтоб рассчитаться за эту душу...

У меня столько людей обратилось под влиянием моих книг, что, может быть, на весах Господь учтет. Но я все-таки могу утверждать, что человек, когда молится и надеется, что через него соблазна не будет, большего ничего не может сделать. В конце концов, мы все слабые грешные люди, и мы просим, чтобы Бог действовал через нас и оградил от соблазна.

Если человек читает вашу книгу — лично вы склонны к чему? Чтобы он поверил, как он и верил — по святым отцам, или чтобы склонился на вашу сторону ?



Во дворе Сретенского храма Новой Деревни. 1982 г.

Видите ли, я над этим долго думал и понял, что пока мы не примем уже давно принятую в богословии — православном, католическом и протестантском — дополнительную научно-критическую методику, мы не разберемся в очень многих вещах в Св. Писании — оно будет закрыто от нас.

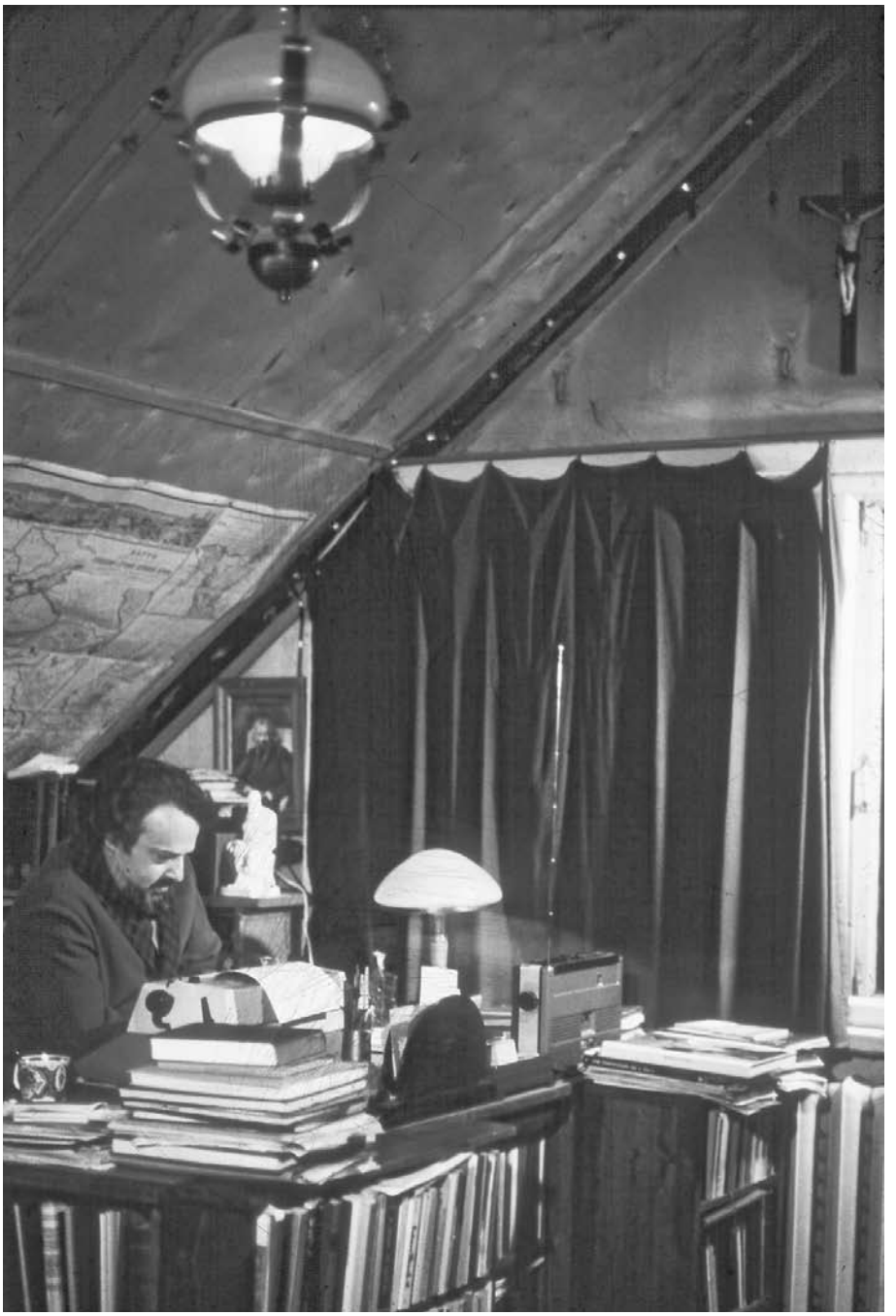
Человек просто верил вот так — простой христианин...

Но для меня же это ложь, понимаете? Для меня лично это — ошибка. Вы говорите — «просто»... Подумайте, человек верил, что Земля имеет форму чемодана! А я установил (не я лично, а тысячи людей), что она круглая. Зачем мне, чтобы человек жил ради веры во лжи? Вера должна не бояться истины. Вера должна смело идти навстречу правде. Если этот человек считает, что правда заключается в том-то, он должен ее отстоять и показать мне, почему [это так]. Я говорю (не от своего лица, а от лица богословов), что мы, библеисты-богословы, на протяжении 150 лет изучая вопрос, пришли к такому-то выводу; если он считает, что вывод другой, — покажи почему. А вера стоит у обоих непреложно. Люди верили, когда они считали, что Земля плоская, когда считали, что Земля круглая, теперь верят, зная, что Земля вращается вокруг Солнца, — это вопросы вторичные. Верить в Бога, в Его Откровение, в Его истинное Писание можно при любом научном подходе, в том числе и к Священному Писанию. И поэтому я бы всегда предпочел, чтобы люди смелей и честней подошли к вопросу и не говорили: «Отцы сказали — я могу теперь дремать на печи, все, больше ничего не надо».

Как вы думаете, у людей, которые читают эти книги ваши, вера укрепляется? Вы говорите, и я не могу в этом сомневаться, — что это множество людей, тысячи...

Но цель моя такая была. Цель моя — укрепить веру в людях, но укрепить не за счет лжи. Понимаете, я не хочу и грамма лжи ради укрепления веры — не нужно, это все фикция. Богу шарманка эта не нужна. Ему нужна только правда. Если я убежден на основании определенных вещей, что это правда, я буду строить на этом, а вся золотая куча, которая была ложью, — не нужна Богу, Его не надо защищать фальшивыми вещами. Он не нуждается в этом...

Судить будет жизнь и Господь. Мне не приходится. Надо сказать, что это я не придумал, мне было дано благословение — не раз. И книги мои были одобрены многими епископами...



Дома в кабинете

Относительно книг... Вы уже вкусили, что означает слава, в той мере, которая не каждому доступна.
Например, меня в КГБ про это спрашивали. Вот и вся слава. Что мне всегда могут припаять за это дело — вот и вся слава.

Я специально этот вопрос поставил. Слава и власть — они неразрывные братья, и, однажды взявшись за это, властный человек едва ли отпустит ее.
Дорогой мой друг, когда пишешь книги, которые не печатают... Меня же последний раз печатали официально в советских — ну, в наших церковных журналах (правда, там много печатали, но давно все это было) — в 50–60-х годах. У меня напечатано около пятидесяти статей в нашем журнале[1] и в православных журналах за рубежом: в болгарских, немецких, итальянских... Славы никакой я не имею. И не только ничего не имею за это — даже книг собственных не имею, чтоб дать вам прочесть.

А за то, что печатают на Западе, там их распространяют, вам они ничего не откладывают, деньги никакие?
Нет, это бездоходное издательство, оно чисто церковно-благотворительное. Они работают для того, чтобы сблизить Церкви, печатают православных: архиепископа Луку напечатали, нашего владыку Вениамина, еще кого-то — и мои книжки...

Значит, такое, как у Солженицына — что печатали, в банке там откладывали ему за это деньги...
Абсолютно нет. Абсолютно. Ни копейки не лежит. Ни в каком банке.

* * *

...Я сторонник перехода на русский язык, но тут я не властен. Потому что я тут не один, и на меня все время охота идет в этом отношении. Каждое слово смотрят — чтобы я не нарушил предание старцев.

* * *

Лично ваше мнение: русский язык за горами где-то или маячит?
Хотел бы, чтобы это дело было. Непросто, даже не верится, что пробьется. У нас был митрополит Никодим в Ленинграде. Он ввел по всему

---

[1] Имеется в виду «Журнал Московской Патриархии».

С Верой Алексеевной Корнеевой

Ленинграду чтение Апостола на русском языке и еще кое-что. Он умер, перетрудившись, — его преемник все это поломал. Опять по-славянски зачирикали.

...Многие архиереи действуют на свой страх и риск. Но противников этого много. Кроме того, тут есть еще одно соображение, которого я не упущу: тексты богослужебные — вещь серьезная.

...для того, чтобы дать какие-то решения, надо серьезно подумать. Скоропалительные реформы — это тоже плохо. И я годами думал над всем: писал и думал, читал и думал, говорил и думал, понимаете? Надо же ведь не так просто, за здорово живешь. Для этого нужно время... И, может быть, я уже буду совсем седой, когда я какие-то еще более ясные решения [найду]... Нужно обдумывать.

Мы, многие люди, ищем таких пастырей, которые бы понимали истинное положение и были готовы к большему, нежели у них есть сегодня. Ведь кто-то должен это взять на себя, кто-то должен стать и во главе.

Но я слишком одиозная персона, так сказать, и так на мне ярлыки всякие висят — каких только нет! Я как чемодан, из-за границы приехавший, вот так — весь обклеен. Это специально на меня всякое вешают, чтобы парализовать мою деятельность. Не могут так — так они вот клеветой…

…я жду просто, когда Господь пошлет день для того, чтобы поднять все это, пробудить.

Но если это при вашей будет жизни и в самое близкое время, на какой стороне окажетесь? Вы уже задумывались?
Я всегда там, где дело Божие.

30 сентября 1982 г.

[Ответы о. Александра на вопросы, на которые
в свое время отвечал Владимир Соловьев.
(Из архива З. А. Масленниковой)]

1. *Главная черта вашего характера?* Устремленность.
2. *Какую цель преследуете в жизни?* Служение делу Божию.
3. *В чем счастье?* В исполнении этого служения.
4. *В чем несчастье?* Не выполнить его.
5. *Самая счастливая минута в вашей жизни?* Их много.
6. *Самая тяжелая минута?* Тоже немало.
7. *Чем вы желали бы быть?* Самим собой, но имеющим больше сил и возможностей.
8. *Где желали бы жить?* Где хочет Бог.
9. *К какому народу принадлежать?* Пока доволен тем, что есть.
10. *Ваше любимое занятие?* То же, что и у Маркса (копаться в книгах).
11. *Ваше любимое удовольствие?* Получить новую хорошую книгу.
12. *Долго ли вы хотели бы жить?* Пока не выполню всех планов.
13. *К какой добродетели вы относитесь с большим уважением?* К широте и терпению.
14. *Ваша главная привычка?* Писать.
15. *К чему вы чувствуете наибольшее сострадание?* К старикам.
16. *К какому пороку относитесь наиболее снисходительно?* Не знаю.

17. *Что вы больше всего цените в мужчине?* Чувство ответственности.
18. *В женщине?* Женственность и чуткость.
19. *Ваше мнение о современной молодежи?* Разное.
20. *О девушках?* Тоже.
21. *Верите ли вы в любовь с первого взгляда?* Да.
22. *Можно ли любить несколько раз в жизни?* Сомневаюсь, но, может быть, да.
23. *Сколько раз вы были влюблены?* Не считал, очень мало.
24. *Ваше мнение о женском вопросе?* Женщинам нужно дать — сокращенный рабочий день с той же зарплатой.
25. *Ваше мнение о браке и супружеской жизни?* Высокое.
26. *Каких лет следует вступать в брак?* Все равно, но лучше раньше.

27. *Что лучше: любить или быть любимой?*
28. *Покоряться или чтобы вам покорялись?*
29. *Вечно подозревать или часто обманываться?*
30. *Желать и не получить или иметь и потерять?*
[На вопросы 27—30 о. Александр не ответил, так же, как и Соловьев.]

31. *Какое историческое событие вызывает ваше наибольшее сочувствие?* Все случаи геноцида.
32. *Ваш любимый писатель?* Трудно сказать.
33. *Поэт?* Пушкин, Данте, не знаю.
34. *Любимый герой?* Не знаю.
35. *Героиня?* Ундина.
36. *Ваше любимое стихотворение?* Кое-что из Пушкина, Волошина, Лонгфелло.
37. *Художник?* Боттичелли.
38. *Картина?* Не знаю.
39. *Композитор?* Не знаю.
40. *Произведение музыкальное?* «Реквиемы» Моцарта и Дворжака, «Чистилище» Листа.
41. *Каково настроение ваше сейчас?* Нормальное.
42. *Ваше любимое изречение?* Суета сует.
43. *Поговорка?* Все там будем.
44. *Всегда ли следует быть откровенным?* Нет.
45. *Самое выдающееся событие вашей жизни?* Их много.

С Владимиром Архиповым и Владимиром Илюшенко. 1983 г.

С Мариной Веховой во дворе Сретенского храма Новой Деревни. 1985 г.

[Из письма Ю. Н. Рейтлингер]

...У нас пока без особых перемен, хотя одна есть: сменили настоятеля[1]. 7 лет было довольно трудно, а под конец — совсем. Но сейчас легче. Я-то сам мог бы терпеть (хотя и порой терял терпенье), но главное: это сказывалось на людях, которые приходят в церковь. Много было у них на этой почве искушений.

Март 1983 г.

[Из письма Александре Орловой-Модель]

Дорогая Шурочка!

Не представляешь, как я был рад твоему письму, где ты рассказала о встрече с о. С[офронием (Сахаровым)][2]. Это действительно замечательный человек. Я читал его работы и восхищен. У нас есть общие знакомые, но лично нам не удалось повидаться, когда он приезжал. В сущности, ты угадала верно. Много есть ценного в западной традиции, но и восток кое-что значит. Для нас духовное все же остается на первом месте, его не заслоняет «светское» посюстороннее. А именно эта буржуазная приверженность к «миру» и делает благочестие многих католиков очень поверхностным. У нас — свои грехи: формализм, обрядоверие, слабое ощущение Евангелия, но нельзя отрицать то, что при всем том религиозность, вера подчас глубже, живее, сердечнее. Это, быть может, связано с более трудной историей восточных народов, м. б. еще с чем-либо. Но факт остается фактом. И мне было отрадно почувствовать твое настроение, когда ты вдохновилась встречей с носителем истинной духовности. Впрочем, я верю, что она есть не только у нас. Дух дышит, где хочет...

---

[1] В марте 1983 г. о. Стефана Середнего перевели в г. Красногорск, а в августе новым настоятелем стал прот. Иоанн Клименко.

[2] Архим. Софроний (Сахаров) (1896–1993) — духовный писатель и иконописец. Книга «Старец Силуан» способствовала канонизации в 1987–1988 гг. его наставника преп. Силуана Афонского. Постригся (1926) на Афоне, с 1947 г. служил во Франции; основатель и первый игумен (с 1958 г.) монастыря св. Иоанна Предтечи в Эссексе (Великобритания).

* * *

...«Зеркало» я смотрел и был от него в восторге. Это очень тонкий, «бергмановский» фильм. Мы учились с ним (Т[арковским]) в школе. Поэтому в фильме мелькает наша улица Серпуховка. И стихи его отца хороши. И вообще он о вечном и глубоком в человеческой жизни.

* * *

...У нас после морозов ранняя весна. Наступил Великий Пост (сегодня суббота первой недели). Я это время очень люблю, и на этот раз тоже было очень отрадно и тихо. Между службами, урывками, занимаюсь. Все идет, как прежде. Да, о. Всеволод[1] умер, ты уже знаешь. Это действительно была эпоха. Очень значительный был человек, как и о. С[ергий] Ж[елудков], который умер вскоре после него. Дети и внуки растут, а старые уходят. Недалеко то время, когда наше поколение будет самым старшим.

1984 г.

Объяснительная записка[2]

В связи с полученной Вашим Высокопреподобием анонимной «Характеристикой» моих взглядов и церковнослужения имею сообщить Вам следующее.

Вот уже несколько лет неизвестное лицо время от времени присылает мне обличительные послания в весьма агрессивном тоне. Подписи автора обычно не стояло. Лишь один раз он назвался Петром Ивановым и дал обратный адрес: Главпочтамт, до востребования.

Как мне стало известно, эти опусы были включены в нелегальные рукописные сборники и журналы. Судя по стилю и характеру обвинений, я нисколько не сомневаюсь, что и данное широковещательное обличение, адресованное к ведущим иерархам Русской Православной Церкви и представителю гражданской власти, исходит от того же человека. Только теперь он уже говорит от лица «верующих Русской

---

[1] Прот. Всеволод Шпиллер (1902–1984).

[2] Эта записка адресована благочинному прот. Зиновию Анисимову, клирику храма в Братовщине. Анонимная «характеристика» с 1998 г. до настоящего времени распространяется как «Открытое письмо митр. Антония (Мельникова)». По стилю и содержанию письмо не могло иметь никакого отношения к уважаемому владыке.

Православной Церкви», хотя странно, что простые верующие располагают такими зарубежными изданиями, как «Посев», и цитируют (с точностью до страницы) эмигрантскую литературу (да и к тому же слово Бог пишут с маленькой буквы). Теперь — по существу вопроса.

I. Анонимный автор изобличает меня в «католицизме» и приводит в доказательство ряд аргументов.

1. Некоторые мои работы были опубликованы (за последние 17 лет) католическим издательством. Но эти работы, когда я их писал, для него не предназначались. Публикация их объясняется тем, что цель этого издательства — «содействие взаимопониманию между католиками и православными» (М. Э. Поснов. История христианской Церкви. Брюссель, 1965, с. 8). Подобная цель не может рассматриваться как вредная для Государства и противоречащая Православию. Русская Православная Церковь постоянно молится «о соединении всех» и уже давно осуществляет сотрудничество и собеседования с римокатоликами (Русская Православная Церковь. М., 1980, с. 170–171). В рамках этого диалога, проходящего во имя мира и взаимопонимания, также в виде акта доброй воли, издательство и печатало не только своих, но и многих православных авторов (еп. Феофана, еп. Игнатия Брянчанинова, архиеп. Луку Войно-Ясенецкого, прот. Никольского, Арсеньева, Поснова; Типикон, православный Акафистник, труд еп. Вениамина Милова и др.). В свете этого я и воспринял публикацию некоторых моих работ, видя в ней элемент одобренного нашей Церковью и полезного для Церкви диалога.

Пока основная моя работа по истории религий не была завершена, я не ставил имени автора (псевдонимы даны не мной, а редакцией). Должен отметить, что книга о богослужении выходила по частям в ЖМП (1960, №№ 1, 7, 8, 9, 11; 1961, №№ 1, 2, 4, 5) и почти полностью в «Голосе православия», 1976, № 7). Мое собственное первоначальное заглавие было: «Православное богослужение, его строй, символика и смысл». Оно было изменено издательством на «Небо на земле» (название, взятое из православного источника — митр. Вениамина Федченко). Не соответствует действительности то, что книга вышла при моем «непосредственном сотрудничестве». Достаточно указать, что фотографий к ней я не прилагаю. Поэтому естественно, что редакция взяла снимки (правда, далеко не всюду) со своих храмов (чем особенно возмущается автор «Характеристики»).

2. Я не вижу ничего преступного в употреблении термина «Восточная Церковь», тем более, что из контекста ясно, что речь идет о Церкви Православной. Аноним считает, что, описывая чинопоследование Литургии, я должен был говорить не о «предстоятеле» вообще, а назвать по имени Святейшего Патриарха. Но я употребил общую формулировку лишь потому, что в книге речь идет о службе в любой из Поместных Православных Церквей.

3. Характеризуя мои работы, аноним пишет: «Все эти книги имеют миссионерскую направленность и прямо или косвенно проповедуют католичество в его униатской форме». Я решительно отклоняю такое обвинение. Во-первых, я никогда не одобрял унии. Во-вторых, автор, видимо, не удосужился даже просмотреть мои книги. Почти все они посвящены вопросам Основного богословия и истории религий. Как же можно проповедовать католичество в трудах по индийской мистике, пророкам, греческой философии или религии Древнего Египта?

4. К изданию униатского молитвенника я не имею ни малейшего отношения и даже не знал о нем, хотя аноним делает из меня чуть ли не его составителя.

5. С полной ответственностью перед Богом и людьми я свидетельствую, что среди людей, которые являются действительными моими прихожанами, не существует «группы лиц, которая исповедует католицизм». Это абсурд. Если бы такие люди и появились, они должны были бы покинуть мой (и любой другой) православный приход. Если же кто из верующих бывает в городах, где есть много инославных храмов, то они посещают их как туристы и как люди, знакомящиеся со службами других конфессий.

6. Я не благословлял, как уверяет мой обличитель, и не мог благословлять переход в инославие, в частности и потому, что я всегда был принципиальным противником решения межконфессиональных проблем путем «личных уний» и прозелитизма.

7. Анонимщик даже уверяет, что я входил в «самочинное общение с католической иерархией». Ни одного инославного иерарха я лично не знаю. Все это чистый вымысел.

Домашние крестины Ани Логвиненко. Слева направо: Наталья Белевцева, Лариса Карпицкая

Слева направо: Ольга Вайнер, Сергей Бессмертный, Анна Дробинская, о. Александр, Светлана Домбровская, Инна Балаховская. 1986 г.

У Сретенского храма Новой Деревни с настоятелем о. Иоанном Клименко и причтом. 1986 г.

8. Мое отношение к диалогу между христианскими исповеданиями ни на йоту не расходится с общепринятым в Православии. Напомню слова, сказанные Святейшим Патриархом Пименом о таком диалоге: «Мы верим и знаем, что встречи эти, которые привлекают внимание чад Римской Католической Церкви и Православных Церквей и вызывают интерес в христианской экумене, представляют собой вклад в развитие между нами братского взаимопонимания, совместного утоления нужд человечества и среди них мира и справедливости между народами, и венца всех христианских подвигов и добродетелей — любви» (Пимен, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания, обращения. М., 1977, с. 307).

На страницах наших церковных изданий и в деятельности наших иерархов и богословов мы постоянно находим верность этим словам, большую широту и братскую веротерпимость. Эта широта проявляется и в совместных молитвах (напр., во время Рождества и Пасхи), в участии нашей Церкви во ВСЦ. Дух мира и взаимопонимания дорог и мне как рядовому священнику. Именно таков мой мнимый «католицизм». Повторяю: то, что я кого-то якобы «благословлял» на отпадение и даже «руководил» им, как заверяет аноним, — чистая ложь и клевета, исходящая от человека, который питается необоснованными слухами и дезинформацией. Недостойным приемом является и намек на мое «влияние» на о. Г. Якунина. Если уж автор «Характеристики» так много обо мне знает, он должен был бы знать, что, хотя я учился и дружил с о. Г. Якуниным лет 30 назад, я не вдохновлял его известной деятельности и не принимал в ней никакого участия.

II. Столь же нелепы обвинения в мой адрес, связанные с иудаизмом. Никогда не имел к нему никакого отношения. И вообще — не подхожу к категории «богоискателя», как с чужих слов называет меня «Характеристика». Я с младенчества воспитан в Православии, с 15 лет нес клиросное послушание, прошел обе наши духовные школы, 27 лет — у Престола.

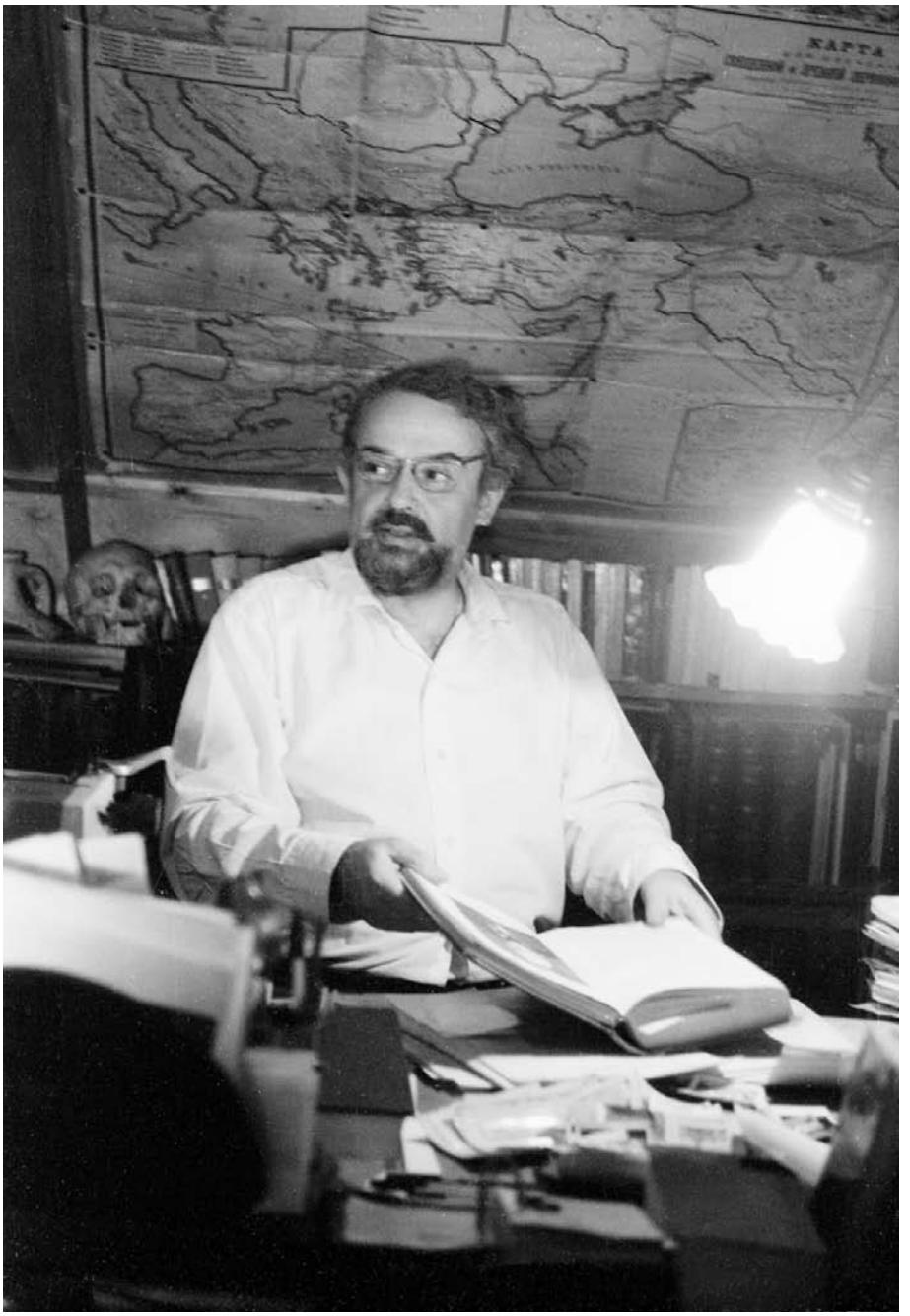
Мне и в голову не приходило посещать зачем-то синагогу, «благословлять» на это кого-либо или вообще тяготеть к отжившему законничеству.

1. Для подкрепления своих изобличений аноним приводит слова, вырванные из контекста моего так называемого «интервью». Происхождение его следующее. Более 10 лет назад неизвестный человек остановил

меня в церковном дворе и просил ответить на несколько вопросов о евреях и христианстве. Не видя в этом ничего предосудительного, я высказал ряд своих частных соображений по частным вопросам, отнюдь не зная, что они будут где-либо напечатаны. Естественно, я говорил с этим человеком, следуя словам св. ап. Павла: «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев [...] для чуждых закона — как чуждый закона — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу — чтобы приобрести чуждых закона» (1 Кор 9. 19–21). В моих ответах аноним усмотрел «неправославие», в частности потому, что я будто бы не признаю Церковь истинным Израилем. Это искажение или намеренное непонимание моей мысли. Я именно говорил о Вселенской Церкви как преемнице Церкви ветхозаветной.

2. Как можно обвинять меня в национализме, когда я прямо сказал, что мне претит любое национальное превозношение. Вместе с ап. Павлом я убежден, что «не все те израильтяне, которые от Израиля» (Рим 9. 6) В своих ответах я имел в виду, что бремя ответственности, которое некогда было возложено Богом на людей Ветхого Завета, лежит и на тех их потомках, которые вошли в Завет Новый. Эти вошедшие и составляют «остаток», о котором говорит апостол (Рим 11. 5). Что же касается неуверовавших иудеев, то я опять-таки не выходил за пределы учения апостола: «В отношении к благовестию, они враги ради вас, а в отношении к избранию, возлюбленные Божии, ибо дары и призвание Божие непреложны» (Рим 11. 28–29).

3. К этому примыкает вопрос о ветхозаветных обрядах, которые лично для меня не имеют никакой притягательности. Но вопрос этот особенно занимает анонима. Толкуя решение Апостольского собора, он утверждает, что Собор вообще «упразднил иудаистские обряды». Однако это противоречит прямому свидетельству Слова Божия. Обряды были упразднены для «обращающихся к Богу из язычников» (Деян. 15. 19). Для христиан из иудеев они были тогда оставлены, и известно, что эти христиане их ревностно соблюдали (так, например, пишет Евсевий об ап. Иакове: Церковная история, II, 23). Далеко не все могли возвыситься до свободы, которую проповедовал ап. Павел, и Церковь в данном случае проявила братское снисхождение. Но понятно, что эта уступка никак не касается членов Русской Православной Церкви (или другой



В кабинете. 1986 г.

поместной церкви), каково бы ни было их происхождение. В этом смысл 65-го и 70-го правил, на которые ссылается аноним. Если же где-то вне Русской Православной Церкви и нашей страны существуют христианские общины, которые вернулись к традициям первенствующей Иерусалимской Церкви времен ап. Иакова (ср. Деян 21. 20), то это их внутреннее дело. Меньше всего я считаю себя компетентным решать подобные, далекие от нашей жизни и Церкви, вопросы и никогда не имел намерения, как пишет аноним, «создать в недрах Православной церкви независимую автокефальную иудео-христианскую общину».

В заключение сошлюсь на совершенно ясное толкование Апостольского собора, данное покойным ректором МДА, прот. А. Горским, в его «Истории Евангельской и Церкви Апостольской» (М., 1902, с. 409–410).

4. Анонимный автор упрекает меня в том, что я поставил вопрос о канонизации муч. Гавриила и Евстретия. Но ведь я не претендовал на его решение. А о том, что они не были формально канонизированы, говорил еще приснопамятный митр. Филарет Московский. Вообще же окончательное решение подобных вопросов принадлежит церковному священноначалию и Соборам.

5. «Характеристика» постоянно извращает смысл моих слов, говоря, например, что я усматривал у всех православных антисемитизм. Я никогда не выдвигал такого несправедливого обвинения. Напротив, я подчеркивал, что лично с ним не сталкивался и что это явление свойственно лишь отдельным лицам и кругам (но не как норма, а как пережиток).

Мой обличитель располагает обо мне «данными», которых я сам не имею, ссылаясь на то, что это ему «известно». Вижу, что в данном случае я, очевидно, стал жертвой злонамеренных наговоров.

Возвращаясь к моим книгам, я должен заметить, что если читать с такой заведомой недоброжелательностью (мягко говоря), то в любой книге можно найти что-то «неправославное», тем более, что мы, в отличие от католиков, свободны от связанности формальным авторитарным органом, на который можно было бы ссылаться. Дух православия — это дух любви и свободы, как прекрасно показал А. С. Хомяков. Но в «Характеристике» вместо этого духа я нахожу дух инквизиции и «охоты на ведьм». Как иначе понять того, кто изображает пятидесяти-

летнего пастыря, тридцать лет отдавшего служению Церкви, чуть ли не ее врагом? Отвергая предъявленные мне обвинения, я, тем не менее, искренно сожалею, если каким-либо неудачным словом или выражением дал повод для подобных эксцессов, и испрашиваю прощения у Высшего Священноначалия и у Вашего Высокопреподобия как благочинного.

Загорск, 14 декабря 1984 г.

[Из писем В. Л. Леви][1]

Я до смешного не рефлектирующий над собой тип... Если ищу подтверждения, то только делового: идет или не идет? Мы рядовые, живущие присягой... Кроме того, от чувства самости успешно оберегают неудачи, ответственность, утомление и опасность. Увы!..

У меня научный склад ума, а наука учит смирению. Ну, сделал то-то и то-то. Ну, одной книгой больше. Что это в сравнении с безмерностью задач? Я всегда ощущаю спиной все происходящее, все масштабы. Может быть, в этом и есть здравый смысл...

...Мне служения вполне хватает... Писанина лишь один из его вариантов... Может, порой и выйдет лучше. Один теолог зарубежный однажды сказал: «о. А. менее интересен, чем его книги». И слава Богу! Тут мы близки. Книга — стрела, пущенная из лука. Ты отдыхай, она за тебя потрудится...

[Из письма Ю. Н. Рейтлингер]

...Окончил статью о Льве Жилле[2]. Спасибо даже за те скупые сведения, что сообщили. Ведь многое теряется безвозвратно. С проблемой о. Сергия [Булгакова] дело для меня обстоит сложнее. Я впервые прочел его книги еще школьником. Он очень на меня повлиял (особенно дореволюционный). Осуждение его софиологии я воспринял как чисто внешний акт, продиктованный не богословием, а политическими и церковнополитическими соображениями (нужно было дискредитировать

---

[1] Владимир Львович Леви (р. 1938) — врач-психиатр, психолог, писатель, художник. Автор воспоминаний об о. Александре.

[2] О. Александр написал статью о французском православном писателе архим. Льве Жилле для Библиологического словаря.

«раскольника», идеолога «евлогианцев» и сам институт. За это ухватились консерваторы, которые видели в о. С[ергии] «интеллигента», «философа», чужого им человека. Всего этого не заметил покойный В. Лосский, который написал очень плохую книгу о нем (сам он потом ее стыдился). Я же отнюдь не отрицаю софиологии. Просто это выходит за пределы моего мышления, за рамки моего скудного опыта. И вообще у о. Сергия была великая любовь к догматическому богословию, а у меня к нему нет вкуса. Одна из причин — вполне элементарная. Я привык знать и помнить, как много тайн в мире природы. Естественно-научная закваска приучила меня к метафизической «скромности». Когда меня допрашивают, например, о Филиокве или о Непорочном зачатии, я спрашиваю: а знаем ли мы, как из белковых молекул образовалась жизнь или как происходит размножение летучих мышей? Нет. Так как же мы дерзаем «анализировать» подобные тайны? Где у нас инструмент для этого? Разум и логика? Но они здесь неприменимы до конца. Откровение? Но оно не говорит ясно об этих тайнах. Таким образом, догматические построения являются чем-то глубоко проблематичным. Я не знаю, на что опереться, когда попадаю в эту область.

Юлия Николаевна Рейтлингер в Ташкенте

Более того, считаю свои знания в этой сфере недостаточными, чтобы судить кого-либо, тем более о. С. [Булгакова]. В сущности я вообще богословием занимаюсь для других. Я просто верю, что истина у Бога, и она превосходит мое понимание, и она прекрасна. Мне лично этого достаточно (это касается, например, загадки зла). Меня нередко обвиняют в рационализме, между тем я от него весьма далек. И на первое место ставлю веру, веру, которая является для нас единоспасающей.

Уверен я, что можно и должно молиться о мире. Ведь такая молитва идет в унисон с желанием и волей большинства людей. К войне же влечет их мертвый механизм слепых сил. Здесь воля человека порабощена обстоятельствами. И все же я верю, что Господь не напрасно создал нас и в конечном счете все обратит к добру, развеяв нашу тьму и грязь, и глупость.

Август 1985 г.

[Из писем Александре Орловой-Модель]

Дорогая Шурочка!

...Что касается меня, то я в относительном порядке. К счастью, мой сад дает мне возможность отдыха. По-прежнему тружусь не покладая рук. Уже нахожусь на середине буквы П[1], хотя материалы далеко не всегда легко достать...

* * *

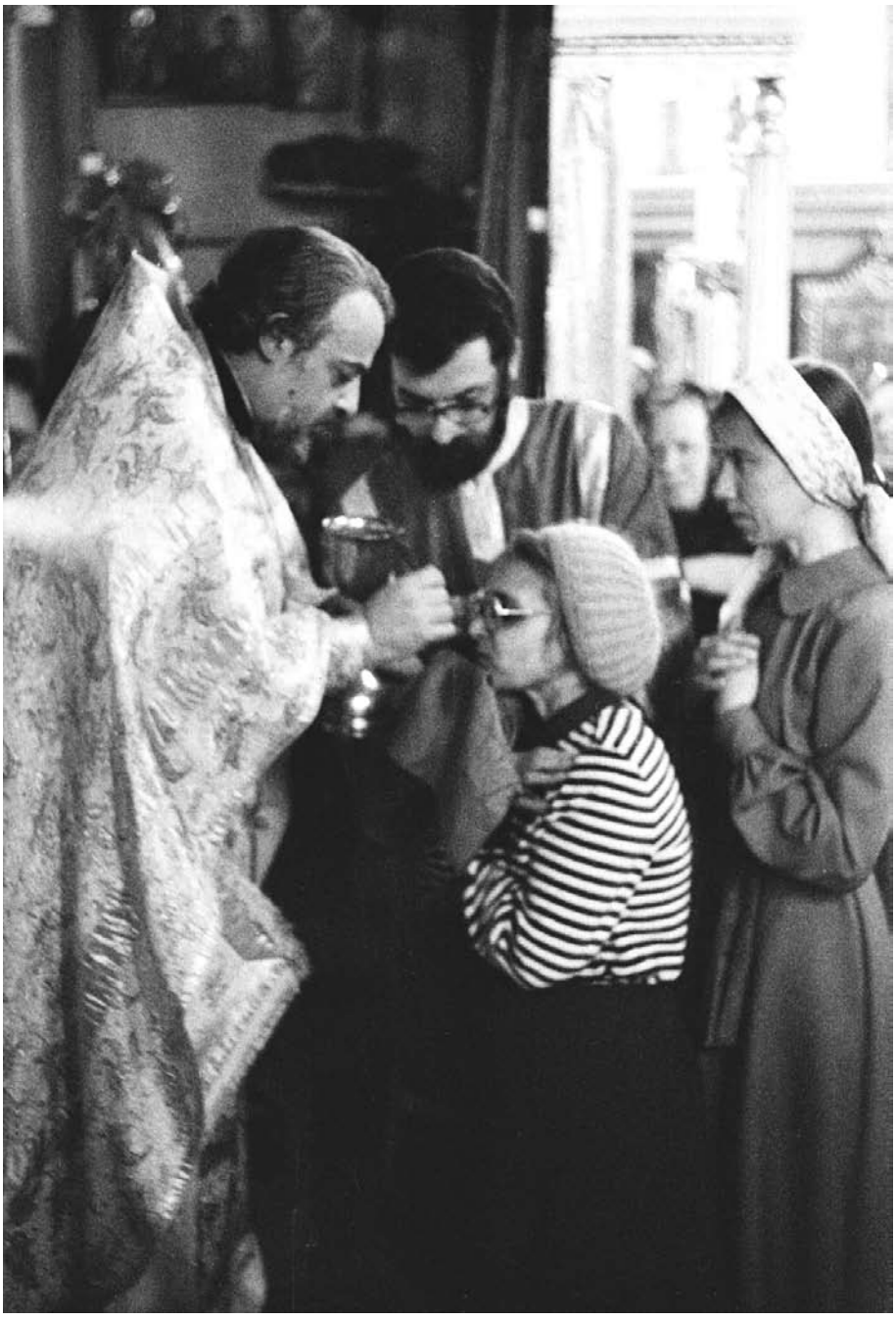
...Стремительно идут годы. Раз проезжая мимо Вашего бывшего дома, вспоминал, как мы там были с о. Сергием [Хохловым]. Я уже писал тебе, что он скончался от диабета (перед смертью я его соборовал). Словом, одни растут, другие старятся и уходят. Младший сын его пошел по его стопам.

У нас лето прекрасное. Дома в саду чудесно. Сейчас у нас в сборе все семьи. Но летом места всем хватает. Я же, как обычно, в те урывки времени, которые остаются от очень напряженной работы, продолжаю свои труды (уже кончаю П, хотя до отпуска, как думал, не кончу, уйду с 1-го сен.). Запомни одно правило: когда мы внутренне предаемся Промыслу, Он действует даже в ничтожных мелочах жизни. Это самое дорогое в жизни.

Август 1986 г.

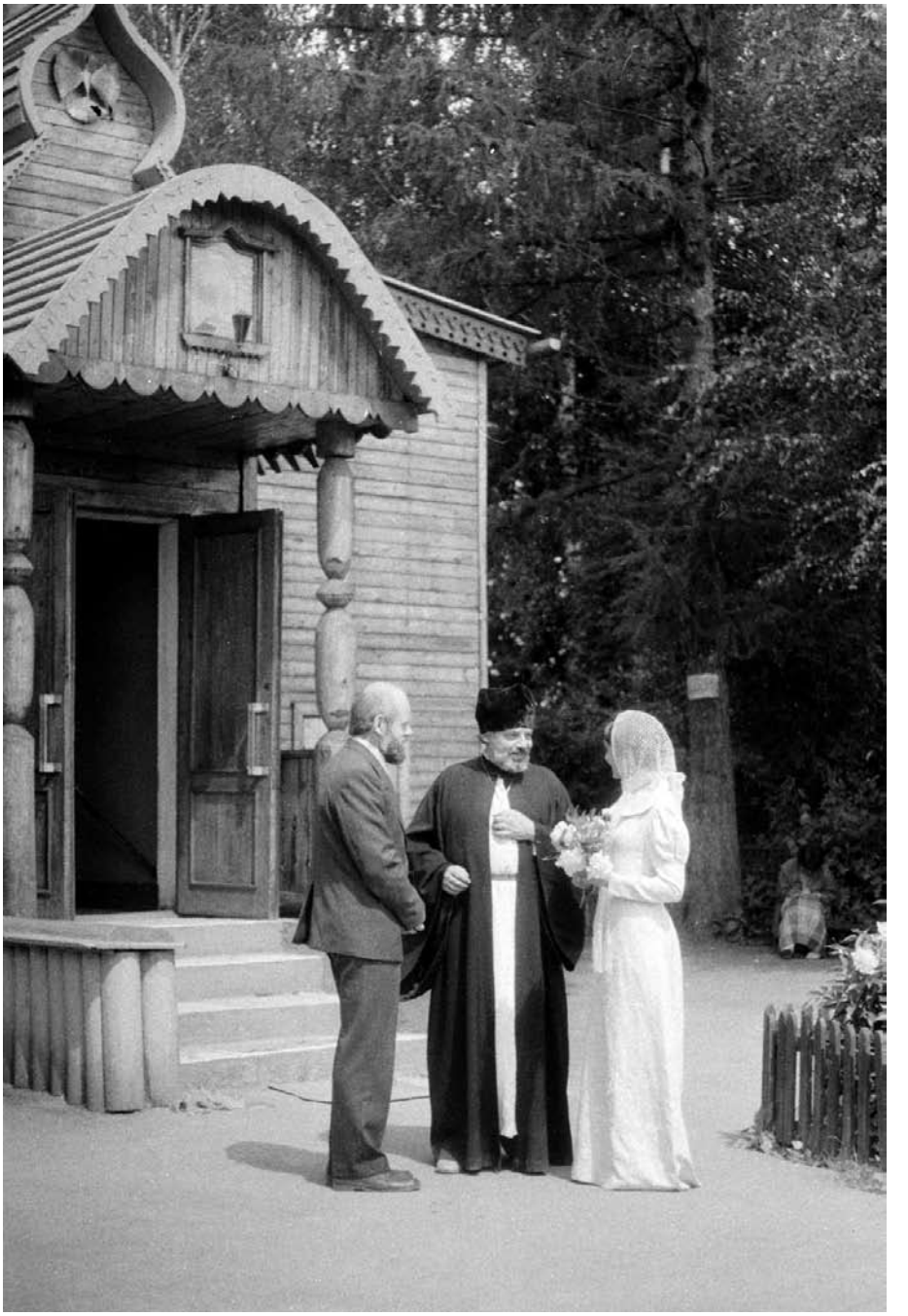
---

[1] Речь идет о работе над Библиологическим словарем.



Причастие в Сретенском храме Новой Деревни (прислуживает Владимир Архипов, у Чаши Софья Рукова, за ней Елена Васильева)

12 июля 1987 г.



Беседа после венчания

Домашняя встреча. Слева направо: Владимир Архипов, Ольга Ерохина, о. Александр, Михаил Завалов, Светлана Долгополова, Сергей Бессарабский, Марина. 1987 г.

[Из писем Р. И. Колесниковой[1]]

...Было у меня на той неделе важное событие, единственное в таком роде за все годы служения. Выступал в школе, говорил со старшеклассниками о духовных ценностях, о христианстве, о культуре. Встретили они меня на удивление хорошо. После беседы два часа не отпускали, задавали разнообразные вопросы, в основном серьезные и содержательные. Идя туда, я, признаюсь, трепетал. Опыта нет. Но все прошло хорошо, по-моему. Так же оценили эту встречу и в газете «Известия», где об этом поместили небольшую статью (потом ее передали по радио). Каково! Пять лет назад ни один самый заядлый оптимист не смог бы предположить такое...

25 августа 1988 г.

---

[1] Раиса Ильинична Колесникова выехала в Канаду на постоянное жительство к своей дочери. Ее переписка цитируется по книге В. И. Илюшенко «Отец Александр Мень: жизнь и смерть во Христе». М., 2000.

...Посылаю Вам вырезку из газеты, как Вы просили. С того времени я еще два раза был в школе. Об этом будет репортаж в итал. журнале «Фамилиа Кристиана» (журналист их там был). Не знаю, сколько еще продлятся такие возможности. Но я бесконечно ценю каждую: и в институтах, и в больницах, и в исследовательских центрах. Ощущение такое, словно все уже готово для Слова. Люди слушают с полной открытостью, хотя бывают и настороженные, особенно из околоцерковных консерваторов. Спасибо, что мой митрополит[1] дает мне благословение на это и поддерживает. В этот месяц должны быть вечера во Дворце культуры, в Бауманском и в Останкинском телецентре. Я, разумеется, каждый раз жду красного света, но это уж не моя забота...

1 декабря 1988 г.

Дорогая Раиса Ильинична!

Мне тоже было очень радостно, что Вы смогли вырваться и побывать на моем вечере. Хотя сейчас лето, отпуска, жара, но все же я это дело не оставляю. Вчера был в одном из академич. городков. Кинотеатр был полон. Была исключительно теплая, вдохновляющая атмосфера. Я не пожалел, что сократил свою поездку в Зап. Берлин и вернулся...

...Сегодня, как и вчера, я чувствую себя только орудием в Божиих руках. Все делается само собой. Я только рад, что что-то могу сделать, но не своими силами, а с нечаянной помощью свыше.

...Во время встреч и вечеров мне часто говорят: мы от вас ждем ответа на насущные вопросы. Как быть? Что делать? Это и отрадно и печально. Ведь мы не можем помочь в мгновение ока. Мы сами во многом пострадали за времена застоя. Однако стараюсь делать, что могу. Сейчас свои лекции, беседы и вечера я умножил до 4–5 в неделю. Сил нет отказываться. А зовут всюду. На днях был в Звездном у космонавтов, а вчера в академгородке. Веду циклы в шести Домах культуры. Разумеется, приходится упрощать многое, т. к. аудитория в большинстве своем мало что знает. Более «грамотные», наверно, этим недовольны. Но они могут обо всем прочесть самостоятельно. Вошел в редколлегию двух журналов. Пишу непрерывно. Многое удается напечатать (парадоксально, что это все светские органы). Я стараюсь не задумываться, а все предоставить воле Божией. Что дается — беру, как из Его рук...

23 июня 1989 г.

---

[1] Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков).

В школе № 64

[Из письма В. Купченко[1]]

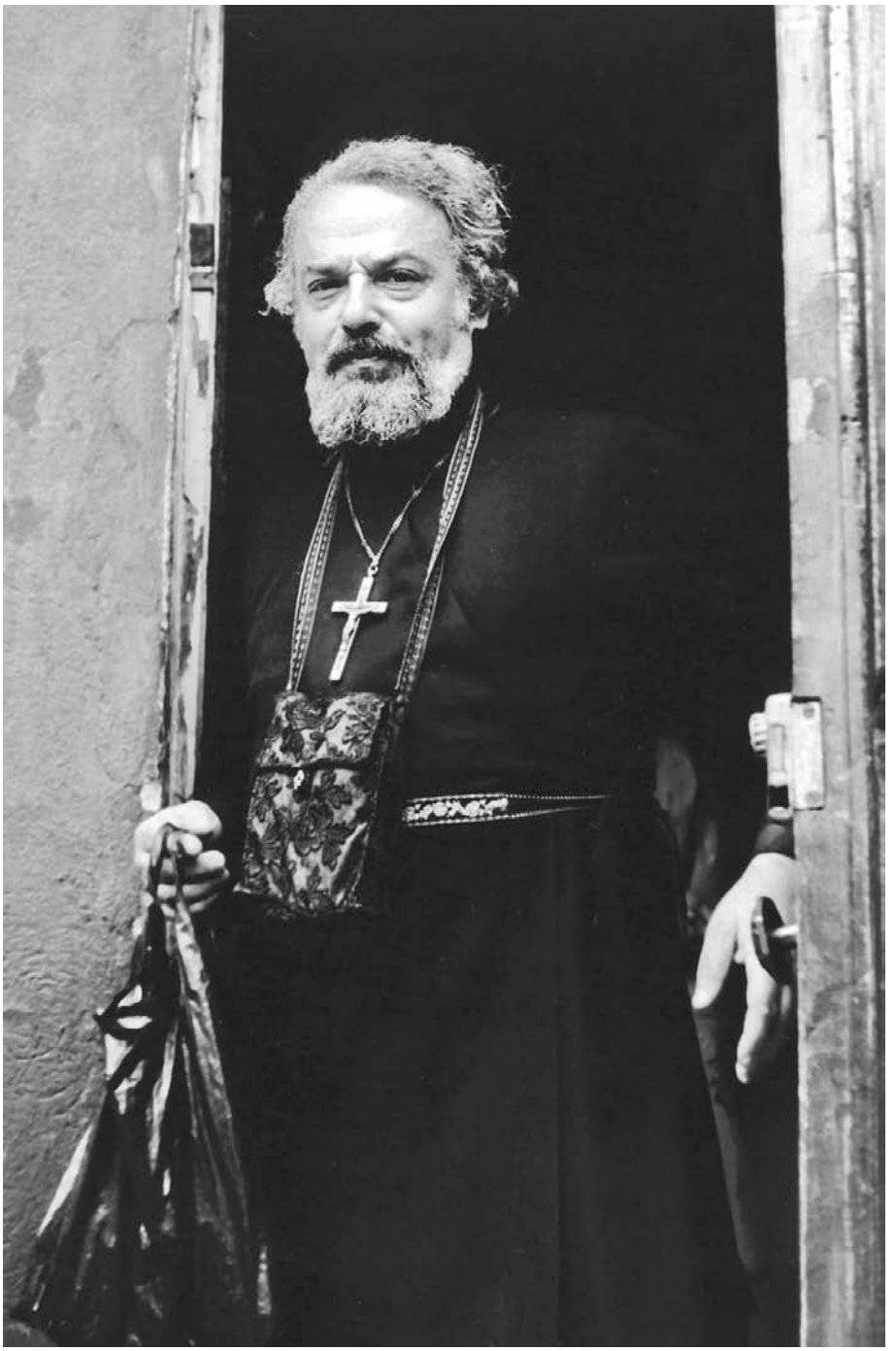
...У меня все по-прежнему. Служу там же. Работаю так же напряженно. Дети выросли. Внучка уже в 6-й перешла. Дочь художница. Сын играет и поет. Растет еще и внук. За период последних застойных лет написал я книгу очень большую, на 2,5 тыс. маш[инописных] стр. Сейчас мне разрешают печататься в широкой прессе (уже было несколько публикаций), выступать по ТВ, радио, читать лекции (раз-два в неделю в разных вузах, школах, ДК и т.д. Уже прочел ок. 70-ти. Народу всегда много. За все слава Богу. [...] Тоже недавно был за рубежом в Польше и Зап. Берлине. Но там не задерживался. Дел здесь много, а жизнь коротка...

29 августа 1989 г.

---

[1] В. П. Купченко (1938–2004), один из исследователей личности и творчества Максимилиана Волошина, был директором Дома-музея Волошина; автор книги «Жизнь Максимилиана Волошина». СПб., 2002, которую в рукописи читал и рецензировал о. Александр.

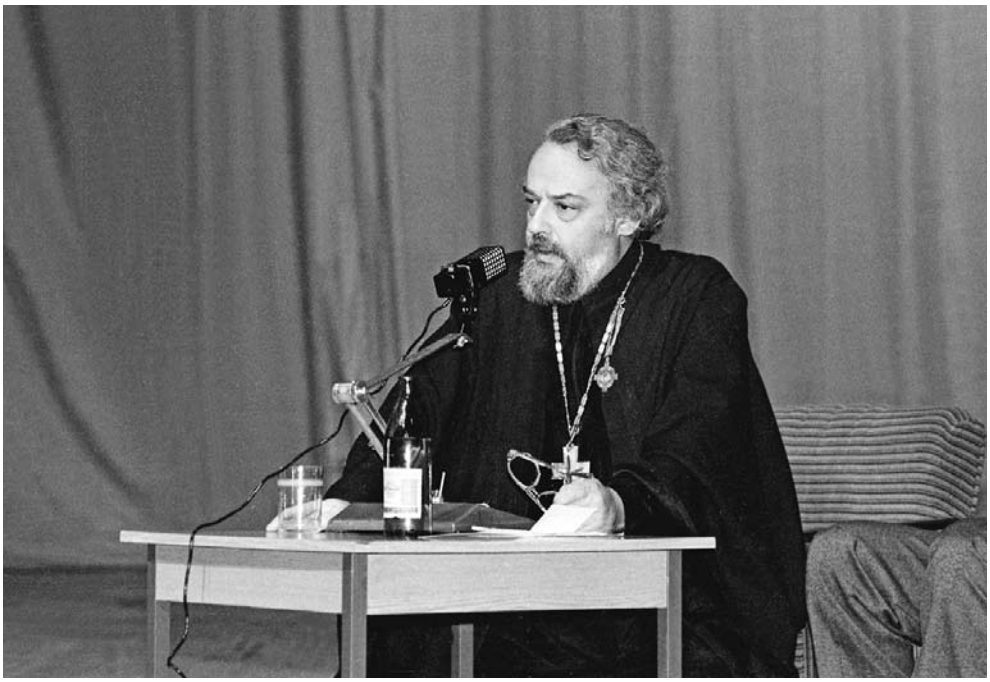
У Сретенского храма Новой Деревни (слева направо: Юрий Беленький, Екатерина Гениева, их дочь Даша, Саша Безносов, о. Александр, Андрей Черняк)



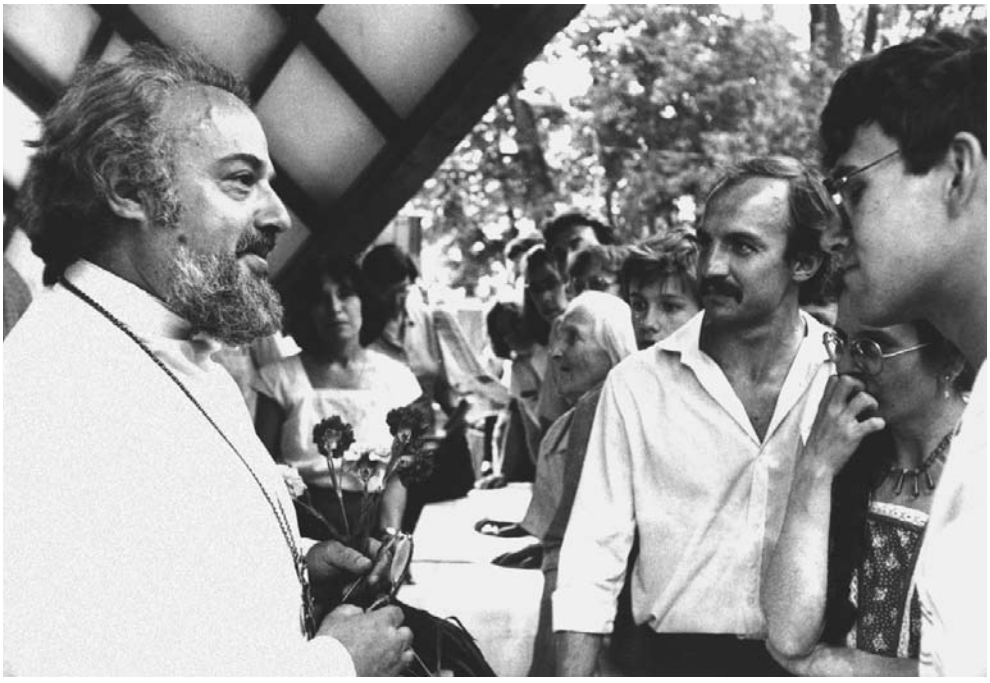
о. Александр выходит из дома при Сретенском храме Новой Деревни на требы

В Институте стали и сплавов. 1988 г.

Центральный дом литераторов. 1989 г.



Лекция «Два понимания христианства». 1989 г.



После выступления в парке им. М. Горького. 1990 г.

* * *

Какое впечатление на вас произвел столь стремительный переход от катакомб к шумному миру телеэкранов?

Что касается моей работы в Церкви, изменения носили скорее количественный, чем качественный характер. Просто, когда я говорю, передо мной уже не тридцать–пятьдесят человек, а сотни и сотни. Но то, что я говорю людям, не изменилось. Естественно, ответственность возросла, но, думаю, если Бог сегодня дает нам «мирской амвон», Он поможет нам и исполнить наш долг.

Тысячи записок с вопросами, которые я получаю во время лекций, свидетельствуют о том, какой большой интерес у людей к нравственным и религиозным вопросам, к духовной жизни, к Церкви. Впрочем, я не единственный представитель Церкви, у которого сегодня есть возможность обращаться к широким слоям светской общественности. Многие епископы, преподаватели религиозных дисциплин пользуются этой возможностью, чтобы возвещать многим людям христианские ценности, отвечая, тем самым, на давно созревшую потребность. Все мы очень рады этой ситуации и благодарим Бога, Который послал новые времена, времена «открытых дверей».

25 ноября 1989 г.

[Из писем Р. И. Колесниковой]

Поздравляю Вас с Праздником Рождества. В честь него мы на днях провели рождественский вечер. И где? В Библиотеке иностр. лит-ры. Пел наш хор, показывали рожд. слайды, раздавали Новые Заветы; вел вечер я, а потом пришел зав. Библ[иотекой] В. В. Иванов, депутат, и сказал теплую речь. Затем Аверинцев читал свои рождеств. стихи. Словом, трудно вообразить. На днях благодаря Маше я был принят в их ин-т преподавать почасовиком библеистику[1].

Я долго не писал Вам, т. к. был в Италии. Музеев не видел. Каждый день выступал с проповедями и лекциями — от Милана до Рима.

---

[1] Маша — Мария Петровна Илюшенко, в то время доцент Московского государственного историко-архивного института, договорилась с руководством о том, что о. Александр будет читать студентам курс по библеистике. Фактически он прочел в этом институте девять лекций по Ветхому Завету (сохранились аудиозаписи только шести последних лекций).

Хотя время мое сейчас очень насыщено, я благодарю за это Бога. Тут нет ничего моего. Я ощущаю себя почти что инструментом. И хочу, чтобы Он говорил через меня. [...]

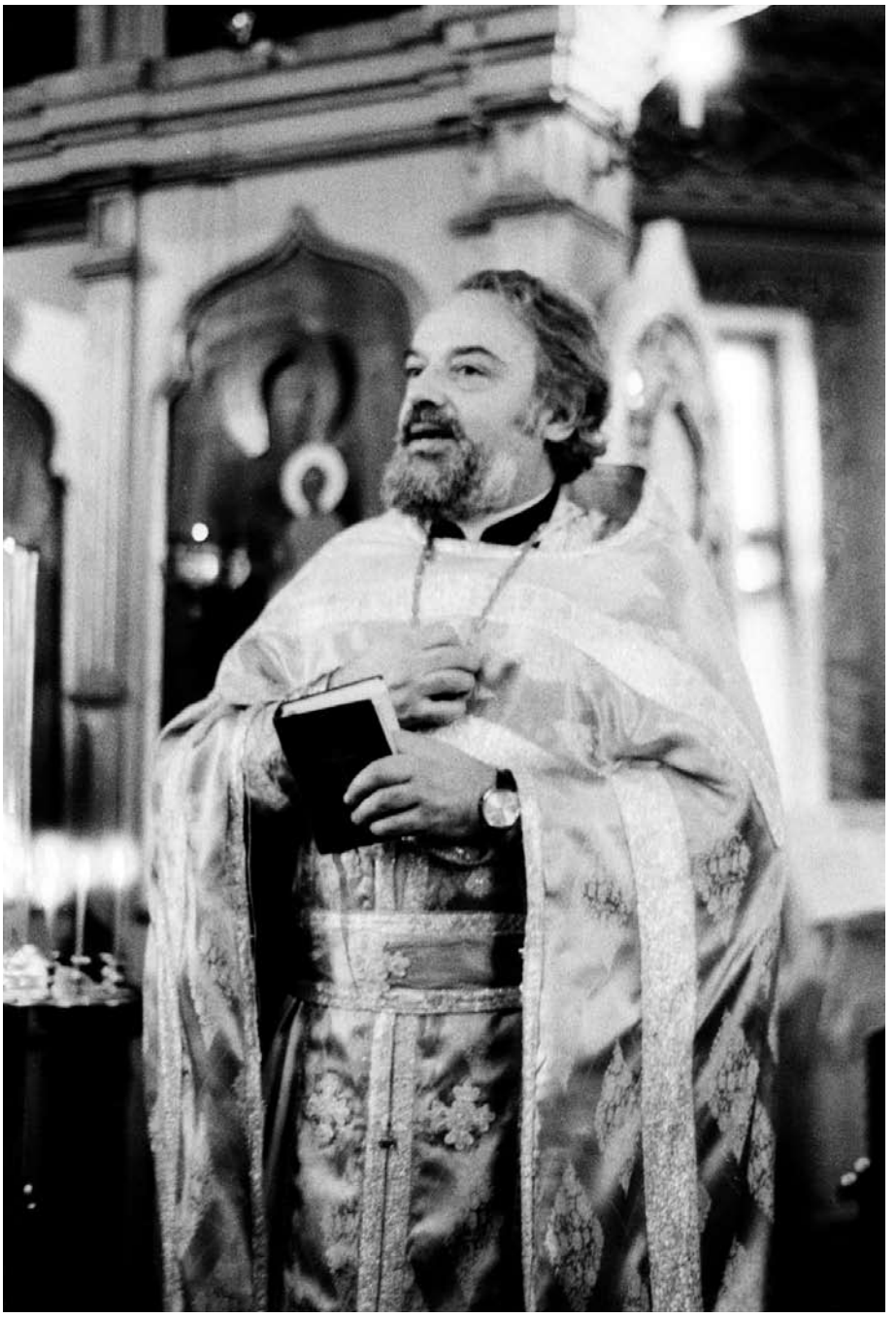
Январь 1990 г.

...Я погружен в свои обычные труды, Вам известные: храм, писание, школа, институты, воскр. школа, больницы, Библейск. об-во, издательск. дела и пр. Теперь меня спокойно публикуют в разных органах — «Огонек», «Наше наследие», «Знание — сила», «Наука и жизнь», «Лат[инская] Америка» и т. д., включая газеты. За все слава Богу. От лекций отдыхаю до 1 сентября. А с сентября сокращу до 10 в месяц. Веду постоянные передачи по радио. Приходят сотни писем, даже из тюрем. Сам не пойму, как успеваю отвечать, хотя бы на часть... Во всем и всегда вижу Промысел Божий. Даже в случайных встречах. «Случайно» удалось побывать в «Жизни с Богом»...

Лето 1990 г.

В палате Республиканской детской клинической больницы

На требы. Новая Деревня. 1989 г.



Проповедь в Сретенском храме Новой Деревни

...уровень жизни катастрофически падает. Прямо не знаешь, за что взяться. Всюду — беда. Организовали вторую группу милосердия, на сей раз уже в Пушкино... Скоро начинаем занятия с детьми в воскресной школе. Страшновато. Опыта нет. Учебников нет. Но в приходской библиотеке кое-что собрали. Если кто сможет, мы за все (присланное на церковь) будем благодарны. Много Евангелий идет для заключенных. Теперь им разрешается получать. Из тюрем мне пишут, что у них начались молитвенные собрания и общение. Все это уголовники. Пишут мне большие письма, порой очень волнующие.

Словом, настало время работы в полную силу. А время ограничено. Ваша помощь и помощь верующих, которых Вы «пробудите», окажется неоценимой.

Я воспринимаю это время как Суд Божий. Теперь мы все узнаем, кто на что способен. Думаю, что сделать что-то можно лишь с помощью свыше. Обычных сил недостаточно...

Конец августа 1990 г.

[Из писем В. Л. Леви]

...Неизвестно, сколько все это продлится. [Имея в виду открывшуюся только в последний год жизни возможность свободно выступать перед широкой аудиторией. — *В. Л.*]

Если я сейчас не сделаю того, что нужно, потом буду жалеть об упущенном времени... Не так просто понять того, кто десятилетиями был посажен на короткую цепь... Времени мало. Мне, например, если проживу, активной жизни — лет 10–15. [В действительности ему на тот момент оставалось прожить только два с половиной месяца. «Если проживу» — вставлено «со спины»...— *В. Л.*]

Это капля. Я работаю, как и работал, при большом противном ветре... А сейчас он (особенно со стороны черносотенцев) явно крепчает. Приходится стоять прочно, расставив ноги, чтобы не сдуло...

...Не тревожься за меня... Я ведь только инструмент, который нужен Ему пока. А там — что Бог даст... Обнимаю тебя...

Лето 1990 г.

С женой Наталией, дочерью Еленой, внучкой Алей

[Из домашней беседы]

С «перестройкой», с началом общего духовного, интеллектуального и социального возрождения люди, формально не входящие в Церковь, начинают открывать нравственные ценности, поднимать ключевые вопросы. И многие оглядываются в сторону христиан.

На христиан смотрят с уважением, восхищением и надеждой, потому что наивно думают, что на протяжении застойного периода и предыдущих десятилетий Церковь была заповедником, где за глухими стенами сохранялось в нетронутом виде то, что было потеряно обществом. Но, как справедливо отметил академик Лихачев в своем интервью к 1000-летию крещения Руси в «Огоньке», Церковь была среди народа, и когда народ переживал кризис, она переживала его вместе с ним, и в ней были те же застойные явления, еще, может, и в большем масштабе.

* * *

Скажите, а со своими детьми вы нашли взаимопонимание? Они люди верующие?

Да. Думаю, что нашел. Я им все объяснял с самого начала. И ситуацию в стране объяснял. Говорил им о правде, о Боге, о жизни. В школе все было другое. Верить или не верить — они сделали свой выбор... Они верующие люди.

Что дала вам семья?

Семья мне дала так много, что сказать об этом трудно. Без семьи себя с трудом представляю. Знаю, что быть моей женой дело трудное. Но, кажется, моя — вполне справляется. Но рецептов дать не могу. Все живут по-своему. Я, в частности, не требую от жены непосильного включения в мои дела. Дай Бог ей тянуть все в целом. А с делами мужчина должен справляться сам. Впрочем, я не делю в домашней жизни вещей на женские и мужские. Это (за некоторым исключением) пережиток иного бытового уклада.

* * *

Говорят, у вас тоже были неприятности [до перестройки].

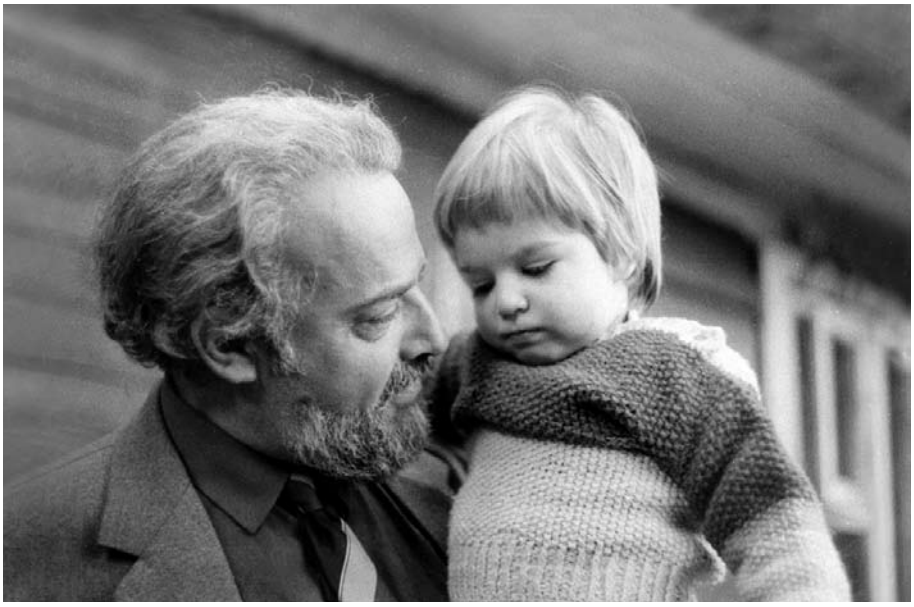
В юности у меня был духовник, отец Петр Шипков. Он пробыл в лагерях и ссылках 30 лет. Потом его реабилитировали. На фоне его мытарств мне даже как-то неловко говорить о том, что было со мной. Скажу так: в трудные годы я научился ценить каждую минуту. Благодарю Бога за то, что имею возможность служить без перерыва четвертый десяток лет.

При всем этом многие считают вас еретиком.

Все это пустые домыслы. Я никогда не защищал учений, которые были бы осуждены Церковью. В православии присутствует дух свободы и допускаются различия в так называемых «теологуменах», богословских мнениях. Но порой люди, которые забывают об этом, выдают неугодные им мысли за ересь. Только и всего.

Судя по вашим публикациям в светских журналах, вы пишете и для верующих людей, и для неверующих...

Для меня все люди — дети Божии. И в неверующих я никогда не верил. Для меня атеист — это верующий, не осознавший свою веру. Потому что Бог живет в душе каждого человека.



С внуком Сашей

И если бы сейчас священникам разрешили идти служить в тюрьмы, вы бы пошли?
Конечно! Там обязательно нашлись бы люди, которым мы нужны...

Отец Александр, могли бы вы год назад представить себе несколько лекций в день, ваш творческий вечер в ЦДЛ, статьи в «Иностранной литературе», «Горизонте»?..
Сейчас я чувствую себя подобным стреле, которую долго держали на натянутой тетиве. Я всегда делал то, что требовал мой долг, но масштабы были ограничены. Апостол Павел говорил: «Горе мне, если не возвещаю Евангелие». Но все мои мечтания сбылись. Кроме одного пока — работы в кино. Совершенно серьезно! Некоторые мои теоретические труды можно экранизировать.

Теоретические богословские труды?
Да. Я хотел бы сделать серию документальных фильмов об основах христианства. Вероятно, для меня было бы идеалом сделать фильм «Библия». И документальный, и художественный...

* * *

Кто из мирян, встреченных на жизненном пути, оказал на вас влияние?
Увы, мало было людей старшего поколения, которые поддерживали меня в моих устремлениях. Скорее наоборот — я ощущал себя в вакууме. Но с благодарностью молитвенно вспоминаю Н. Е. Пестова (экуменизм), Б. А. Васильева (наука и религия), С. И. Фуделя (тонкость мысли, друг нашей семьи), Д. Е. Мелихова[1] (вера в необходимость трудиться и быть христианином в повседневной жизни) и своего учителя В. Н. Скалона[2], специалиста по биологии и историка одновременно. Это был замечательный человек. Я был его студентом, и мы очень дружили. В общем же, большое влияние на меня оказали контакты с «маросейской средой» и с А. В. Ведерниковым (умение служить делу Церкви в сложных условиях).

* * *

Как вы ощущаете на себе благодать священства? Что в вас изменилось после рукоположения?
Я чувствую в себе больше сил, даже физических. До рукоположения я был значительно слабее физически. Это парадокс — я был моложе… на 30 лет. После рукоположения я стал способен выносить нагрузки, в пять раз большие. Кроме того, за каждой литургией я получаю таинственный квант духовной энергии; в общем, я могу чувствовать такую близость Божию, которую раньше не ощущал…

---

[1] Дмитрий Евгеньевич Мелихов (1899–1979), профессор, доктор медицины, директор Невропсихиатрического института им. П.Б. Ганнушкина; автор 170 научных работ, а также незаконченной рукописи «Психиатрия и проблема духовной жизни», адресованной одновременно клирикам и медикам. Опубликована в 1997 г. (В книге очерк «Н. И. Пирогов и вопросы жизни» по ошибке приписан Мелихову; автор очерка – В. Я. Василевская.) Д. Е. Мелихов поддерживал тесную связь с «маросейскими».

[2] Василий Николаевич Скалон (1903–1976) — доктор биологических наук, профессор. По его инициативе в 1947 г. в Иркутском сельскохозяйственном институте было открыто отделение охотоведения, и он стал первым заведующим кафедрой. По свидетельству современников, в своих суждениях иногда бывал резок и категоричен, но вместе с тем они всегда преклонялись перед его прямотой и принципиальностью. Кроме биологии серьезно занимался историей Сибири.
В. Н. Скалон, живой свидетель бесчеловечности советских властей в Сибири во время Гражданской войны и коллективизации, не побоялся поделиться со студентом А. Менем своими воспоминаниями.

Лето 1988 г.

* * *

Кто из святых прошлого и настоящего привлекает вас более других и почему?

С детства любил святителя Дмитрия Ростовского, святого Иустина Мученика (за поиск истины), преподобного Серафима (за все его светлое). Преподобного Сергия считал своим покровителем. Крестили меня близ Лавры. В Загорске, по воле судеб, прошла большая часть моей жизни. Из западных всегда любил Франциска Ассизского, а потом Франциска Сальского. Любил Златоуста (с детства много читал его и о нем). Очень дороги мне были миссионеры-святые, начиная с апостола Павла. Вообще всегда очень чтил святых и чувствовал их близость, молясь им.

* * *

Христианство утверждает, что Церковь едина. Означает ли это, что католики и православные входят в одну Церковь? Входят ли в нее староверы?

С моей точки зрения, входят все. Все христиане истинные входят в христианскую Церковь в широком смысле слова. В более узком — в институциональную Церковь входят православные, католики, армяне. Это очень сложно...

* * *

Как складывается ваш обычный день?

Каждый церковнослужитель приноравливает день к обстоятельствам своей жизни. У меня лично и дни, и даже часы довольно строго расписаны. Когда есть служба, я встаю рано, около пяти. Еду в Новую Деревню — в храм. Там богослужение, исповедь, требы, а затем беседы и общение с прихожанами, которые в этом нуждаются. Потом, если нет вызова к больным, еду по делам. При удобном случае иду до станции пешком вместо прогулки.

Если же выходной — с утра до обеда пишу, а после обеда — хозяйственные дела, письма, редактура, отдых — книги, музыка, телепрограммы.

* * *

Ваш распорядок дня, когда вы дома?

Обычно я сажусь за работу в девять утра, а до этого — все необходимое, включая молитвенное правило и прочее. Пишу до часу, а потом занимаюсь домашними делами (или в саду). В два обедаю. После обеда уборка, просмотр журналов, художественной литературы, отвечаю на

письма (их довольно много: в среднем пять–семь в день). С пяти до шести или позже в саду или в доме. До семи редактура своего и чужого, слайды, сценарии и прочее. В семь ужин. Потом — отдых в виде чтения или ТВ. Ложиться стараюсь не позже десяти-одиннадцати.

Ваш распорядок дня, когда вы служите?
Когда служу, то возвращаюсь по-разному. Обычно после пяти. И тогда расписание идет обычным ходом.

Издавна имею привычку читать Священное Писание и Отцов на сон грядущий. Утром читаю два правила: одно дома, а второе по пути. В праздничные дни, если возможно, во второй половине дня — «размышления» над текстом Священного Писания или на основе духовных книг.

Прежде систематически ездил в Москву и принимал дома людей. Но уже больше десяти лет езжу в Москву мало и дома живу отшельником (из-за обилия народа в церкви).

* * *

Если бы политика по отношению к религии тогда была другой, стали бы вы священнослужителем или предпочли науку?
Мое решение не зависело от политики. Но если бы ситуация была иной, я бы, вероятно, сочетал научную работу с пастырской и богословской, как это делали на Западе Васманн[1], Тейяр де Шарден или Пауэлл[2].

* * *

В чем вы видите причины неудач с наиболее талантливыми духовными детьми?
Вопрос сложный. Думаю, что те люди, которых я так или иначе потерял, поддались искушению тщеславия. Им подсознательно хотелось сделать что-то необыкновенное. Им казалось, что это просто. Словом — обычные человеческие страсти. Я мог бы их подавить в зачатке, приняв метод авторитаризма и патернализма. Но я не могу и не мог этого сделать. Здесь уход в сторону. Подмена веры «отцом». Все должно строиться на свободе. Это тяжелый дар и, конечно, риск.

---

[1] Эрих Васманн (1859–1931), австрийский зоолог-энтомолог, доктор наук и монах ордена иезуитов; в 1906 г. в своих лекциях утверждал, что библейское учение не исключает эволюционного происхождения человеческого тела.

[2] Джон Пауэлл (р. 1926) американский священник, имеет ученые степени по психологии, истории и теологии.

* * *

Я должен отметить, что, работая с людьми преимущественно как пастырь, я не позволял себе заниматься узко научным богословием, ибо считал, что такое богословие допустимо только в тех условиях, в которых найдутся читатели. У нас же люди в основном требуют хлеба, простой пищи, и я работаю в этой «пекарне». После меня, может быть, придут люди, которые будут изготовлять пирожные. Моя задача — делать хлеб.

Интервью испанской журналистке Пилар Бонет для журнала «Панорама»

Что изменилось в Русской Православной Церкви с тех пор, как Горбачев пришел к власти?

Горбачев совершил революцию в сфере отношений между Церковью и государством. Большевистская система была задумана как система абсолютной авторитарной власти. Но абсолютная авторитарность возможна только там, где никакого другого авторитета нет. Поэтому с самого начала было задумано разрушить те институции, которые представляли собой иные авторитеты — духовные. Поэтому режим с самого начала был антирелигиозным, воинствующе антирелигиозным, и он не менялся в этом отношении принципиально в течение всех семидесяти лет. Только Горбачев волевым актом изменил это русло. Это исторический факт. Изменились не просто детали, а изменилась история Церкви в нашей стране.

Какие течения имеются сейчас в Православной Церкви?

Довольно мощным является течение консервативное, которое резко противопоставляет себя Западу, враждебно относится ко всем реформам, идеализирует прошлое, берет из прошлого наиболее жесткие модели, я бы сказал средневековые. Это очень популярная в определенных кругах тенденция. На западном языке это можно назвать «правое», глубоко правое направление.

Вы спросите: почему это так в Церкви? Одна из причин — искусственный отбор, потому что все живые, эспериментирующие

Во дворе Сретенского храма Новой Деревни. На заднем плане Владимир Шишкарев

После праздничного богослужения у входа в Сретенский храм в Новой Деревне. В центре митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков). 15 февраля 1990 г.

силы внутри Церкви беспощадно уничтожались в течение нескольких поколений. Если епископ проявлял дух свободы, независимости, экспериментаторства — его сразу отправляли в провинцию или на покой, то есть на пенсию.

Как в обществе, так и в Церкви.

Да. И поэтому сохранились, выжили и размножились самые правые, самые консервативные. Их любили чиновники, их любил КГБ. Не будем скрывать, что власти нравилась Церковь, выглядевшая как осколок седой старины, как музей.

В 60-х годах среди духовенства были люди свободные, передовые. Их оттеснили. Епископы были консервативны. Сейчас среди епископов есть уже более открытые, а среди рядового духовенства больше консерваторов. Но все-таки тенденция охранительства, то есть консервативная, всюду господствует. Более того, либералы ее побаиваются.

Они живут как в подполье в определенном смысле?
Да. Общий уклон сейчас такой. Это реакция на разрушение национальных ценностей. Раз не устраивают коммунисты — сразу давай монархию, идеализация монархии; раз не устраивает партийный аппарат — давайте восстановим Церковь в том виде, как она была до революции. Хотя забываем, что именно потому, что она была такой, произошла катастрофа. Это никого уже не интересует. Ностальгия по прошлому.

Насколько все это опасно?
Это все очень разочаровывает людей, уставших от идеологического гнета. Они искали среди христиан открытой позиции, а встречают новый вариант закрытого общества.

Вас не смущает, что сейчас Русская Православная Церковь демонстрирует полную неспособность к обновлению? В этом отношении с ней может сравниться только КПСС, не так ли?
Конечно. Тут разница только в том, что Церкви помогает Бог, а партии — нет.

Собрание общества «Культурное возрождение». Рядом с о. Александром Владимир Архипов. На переднем плане Лина Салтыкова, Андрей Черняк, Анатолий Краснов-Левитин, за ним Владимир Поспеловский

Что вы думаете о так называемых карловчанах?
Это Церковь еще более консервативная, чем Русская Православная Церковь, и она монархическая — вот что в ней привлекает. А больше ничего... Вообще, религиозное пробуждение — вещь естественная. У нас, в целом, общество потенциально довольно религиозное. И когда его лишили веры, оно перенесло свою религиозность на политику. Сейчас произошло разочарование в старых богах и снова возвращение к традиции.

Понятно, что коммунизм не любил национального, потому что он хотел нивелировки. Ему нужны были не нации, а граждане. Коммунисты поступили так же, как цари Древней Ассирии. Когда они завоевывали страну, они переселяли оттуда побежденных и ввозили на их место жителей других покоренных областей.

Зачем это делается? Чтобы люди потеряли свое национальное лицо. Чтобы не было очага сопротивления. Чтобы все стали только подданными царя. И как реакция на это, как самозащита какого-то культурного целого национализм вполне понятен, это закономерно. Это не вполне нормальное состояние, это реакционно, но все-таки это реакция законная.

Но это переходное явление или?..
Да. Дело в том, что людям это надоест. Все время заниматься культурным нарциссизмом — это надоедает. Даже самые глубокие патриоты в конце концов уже устают от этого.

И Россия сейчас находится в фазе нарциссизма?
Нет, скорее он только поднимается. Но он вреден, он опасен, потому что заставляет общество идеализировать самое себя. Это очень свойственно и нашим клерикальным кругам. В восторге от себя. Когда мы, верующие, справляли тысячелетие Крещения Руси, не было сказано ни одного слова покаяния, ни одного слова о трагедии Русской Церкви, а были только восторг и самоупоение.

Я понимаю, что каждая культура, каждый народ так или иначе любит свое «я», но сейчас это в таком виде, что мы любим себя, но не любим ничего другого. Даже католики в нашей стране стали националистами. Возьмем грекокатоликов Украины. Казалось бы, они принадлежат к универсальной, интернациональной Церкви, — но выступают как националистическая группировка. Католики-литовцы — тоже нацио-

Занятия воскресной школы в Сретенском храме Новой Деревни. 1990 г.

налисты. После долгого угнетения национальных традиций начался процесс возвращения к ним. Этот процесс надо уважать. И я уважаю, я понимаю, что творчество может быть только национальным, в конкретных формах. Но в то же время необходимо предостерегать от опасности поправения. Понимаете, модель открытости приемлема для тех, кто твердо стоит на своей позиции, кто уверен в ней. Тот, кто не уверен, под кем нетвердая почва, — тот предпочитает закрытую модель, ему так удобнее.

Лет пятнадцать тому назад у меня был один юноша, и он стал посещать иногда баптистов. Я ему говорю: вы же православный, естественно, вы можете там быть, потому что всюду Церковь, всюду Христос, всюду Евангелие. И это посещайте, и свои церкви не забывайте. И когда я ему развил открытую модель, он сказал: ой, как мне неуютно! Кончилось тем, что он стал баптистом.

Этот человек мог быть или баптистом, не признающим православных, или православным, который клянет баптистов. Он должен был иметь маленькую норку. Говорят, царь Петр имел такую болезнь психическую — он боялся больших пространств. Он себе делал маленькие комнатки и прочее. Такая есть болезнь — боязнь пространства.

А куда идти тем, кто ищет левый уклон?
Некуда. Оставаться в рамках Московского Патриархата. Некоторые пытаются уйти в католическую систему. У меня из прихода ушли два-три человека.

А вы сами об этой возможности не думали?
Для меня Церковь едина, поэтому я не считаю это осмысленным.

Консервативное течение в Церкви имеет отражение в военных и политических кругах?
Да, это поддерживают наши нацисты, их много у нас. Вот «Память» — это все нацисты, фашисты, они на этом растут как на дрожжах. А почему антиэкуменизм? Потому что экуменизм требует от человека уважать чужую модель христианства. А у нас вместо этого — ненависть. Слово «католик» почти ругательством стало теперь, как во времена Тараса Бульбы.

Вы видите какие-то конкретные тревожные симптомы в последнее время?
Ну, если называть зарождение русского фашизма не тревожным, то что тогда тревожно? Конечно! И его очень активно поддерживают очень многие церковные деятели. Произошло соединение русского фашизма с русским клерикализмом и ностальгией церковной. Это, конечно, позор для нас, для верующих, потому что общество ожидало найти в нас какую-то поддержку, а поддержка получается для фашистов. Конечно, не все так ориентированы, но это немалый процент. Я не могу сказать какой, я этого не изучал. Но куда ни сунешься, с кем ни поговоришь, — этот монархист, этот антисемит, этот антиэкуменист и так далее. Причем развешиванием ярлыков занимаются люди, которые вчера еще не были такими. Понимаете? Нет, это характерно, веяние эпохи! Эпоха реакции. Когда Горбачев открыл шлюзы, то хлынули и демократия, и реакция. Но реакция всегда более агрессивна.

Пасха. 1990 г.

Я была недавно в Тюмени, там познакомилась с одним священником. Разговаривала с ним — такой нормальный человек, милый, и вдруг в какой-то момент он мне говорит: да, я Москве не доверяю, там полно сионистов... Там Церковь полна евреев...
Сионистофобия — это типично. В семьдесят пятом году, пятнадцать лет тому назад, я давал интервью, которое напечатали в Париже. И там меня спрашивали, есть ли антисемитизм в Церкви. Я говорю: я не сталкивался. В массовом масштабе. Прошло пятнадцать лет — полностью изменилась картина. Я бы уже так не сказал сейчас. Это стало одной из характерных черт, к сожалению.

Вы... еврейского происхождения?
Да.

Мне неловко так спросить...
Ну а что тут такого?

Дело в том, что вы, в вашем положении, просто идеальная мишень для антисемитизма.
Ну, разумеется, разумеется, я это ощущаю. Я служу давно, тридцать с лишним лет, но это — только теперь. В настроениях, в разговорах — в общем, во всем.

Сейчас в консервативных кругах есть идентификация коммунистов и евреев?
Да, но это искусственно, потому что много евреев среди большевиков было лет шестьдесят тому назад. Мое поколение уже этого не помнит. Я помню власть, которая состоит из русских, украинцев и кавказцев. Еврей там был один Каганович.

Тогда проблема заключается в том, что народ не хочет признаться в своем соучастии в том, что произошло в этой стране?
Сделайте сравнительный анализ денацификации в Германии и десталинизации у нас. И вы поймете.

А вы лично — как вы представляете себе вашу работу в этом смысле?
Никак. Я работаю! Есть люди, которые пишут историю, а есть люди, которые в ней живут и действуют. Я принадлежу ко второй категории.

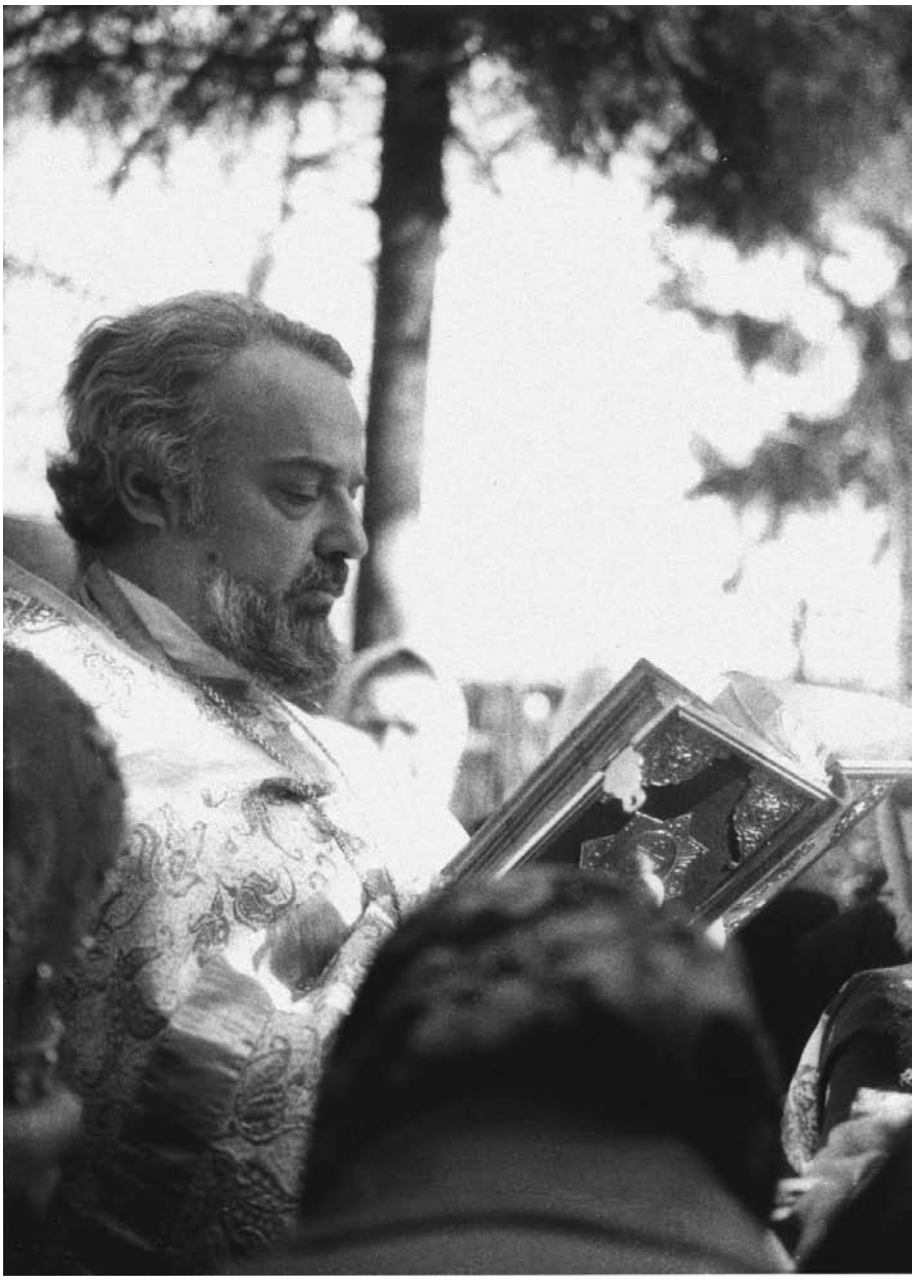
Да, но когда вы проповедуете, у вас есть какие-то мысли...
Вот здесь эти мысли все! *(Показывает на Библию.)*

В Библии...
Конечно. Евангелие — основа жизни.

[Из письма Михаилу Гальперину]

У нас жизнь трудная, но насыщенная работой. Что будет завтра — не знаем. Пока же я делаю что могу: служу, начинаю воскр[есную] школу, институты, радио, ТВ, пресса и пр. Кроме того — больницы и др. Даже с заключенными интенсивно переписываемся. Теперь им разрешают слать лит-ру. В день — около 10 писем... За все это — слава Богу.

Август 1990 г.



Пасха. 1988 г.

Основные жизненные принципы христианства

Вы просите меня изложить мое кредо. Хотя кредо каждого христианина и, разумеется, священника, уже выражено в Символе веры, ваш вопрос вполне законный. Христианство не есть «идеология», отвлеченная доктрина или застывшая система обрядов.

Христианин обретает средоточие своей веры во Христе Иисусе, Им измеряет и оценивает все (Гал 2.20; Откр 1.8);

— воспринимает откровение о внутрибожественной, троичной Тайне как свидетельство о любви Божией и как призыв к единству в любви (Ин 3.16; 17.21; 1 Ин 4.8);

— верит, что приход на землю Богочеловека не был односторонним божественным актом, но призывом к человеку ответить на любовь Божию (Откр 3.20).

Христианин видит в вере не отвлеченное убеждение, а всецелое доверие к Богу, явленному во Христе (Рим 4.3);

— внимает Слову Божию, которое запечатлено в Писании, но остерегается буквально толковать каждую строку Библии, особенно Ветхого Завета (Рим 7.6);

— верит, что один и тот же Бог открылся в обоих Заветах, однако открывался постепенно, в соответствии с уровнем человеческого сознания (Евр 1.1–2);

— не требует ощутимых знамений (Мк 8.11–12), памятуя о том, что творение — чудо (Пс 18.2);

— отказывается объяснить зло в человеке только его несовершенством или «пережитками звериной природы», а верит в реальность метафизического зла (Ин 8.44);

— отвергает попытки найти в Писании или у отцов Церкви естественнонаучные сведения, пригодные для всех времен;

— рассматривает научное исследование Библии и церковной истории как важное средство для уяснения смысла Откровения и реальных обстоятельств Священной истории.

Христианин познает присутствие и действие Христа в Церкви, а также в жизни вообще, даже в самых простых, обыденных ее проявлениях (см. притчи Господни, в частности Мф 6.28–29);
— верит, что Церковь живет и возрастает силой Христовой (Мф 16.18; 28.20);
— верит, что Христос являет Себя в таинствах Церкви, в ее освящении мира, в ее учительстве и делах служения (1 Кор 11.26; Мф 18.19–20; Рим 6.11; Мф. 28.18; Лк.10.16), но знает, что ни одна из этих сторон церковной жизни не является самодостаточной, ибо Христос пришел и как Спаситель, и как Целитель, и как Наставник;
— различает грань, отделяющую Предание (дух веры и учения) от «преданий», среди которых есть немало фольклорных и преходящих наслоений на религиозной жизни (Мк 7.8; Кол 2.8);
— чтит обрядовые формы благочестия, не забывая ни на мгновение, что они вторичны в сравнении с любовью к Богу и к людям (Мф 23.23–24; Мк 12.28–31);
— верит в значение иерархического и канонического принципа в Церкви, видя в них свойство структуры деятельного организма, имеющего практическое призвание на земле (1 Кор 12.27–30);
— знает, что богослужебные и канонические уставы менялись на протяжении веков и в будущем не смогут (и не должны) оставаться абсолютно неизменными (Ин 3.8; 2 Кор 3.6,17). Это же относится и к богословскому толкованию истин веры, которое имело долгую историю, фазы раскрытия и углубления (так, отцы Церкви и Соборы вводили в обиход новые понятия, которых нет в Писании);
— не боится критически смотреть на прошлое Церкви, следуя примеру учителей Ветхого Завета и св. отцов;
— расценивает все бесчеловечные эксцессы христианского прошлого (и настоящего): казни еретиков и т. п. — как измену евангельскому духу и фактическое отпадение от Церкви (Лк 9.51–55);
— знает, что противники Христа (беззаконный правитель, властолюбивый архиерей, фанатичный приверженец старины) не принадлежат только евангельской эпохе, а возрождаются в любое время, под разными обличиями (Мф 16.6);

— остерегается авторитаризма и патернализма, которые коренятся не в духе веры, а в чертах, присущих падшей человеческой природе (Мф 20.25–27; 23.8–12);
— переживает разделение христиан как общий грех и нарушение воли Христовой (Ин. 10.16); верит, что в будущем грех этот будет преодолен, но не на путях превозношения, гордыни, самодовольства и ненависти, а в духе братской любви, без которой призвание христиан не может быть осуществлено (Мф 5.23–24);
— открыт всему ценному, что содержится в христианских исповеданиях и нехристианских верованиях (Ин 3.8; 4.23–24);
— считает отделение Церкви от государства оптимальной ситуацией для веры и усматривает опасность в самой идее «государственной религии»;
— ценит национальные облики Церквей как конкретные, индивидуальные воплощения человеческого духа и Богочеловеческой тайны. Однако это не заслоняет вселенского характера Церкви;
— относится к многовековому культурному творчеству Церкви не как к ошибке, а как к реализации даров Божиих.

Христианин знает, что достоинство личности, ценность жизни и творчества оправдываются тем, что человек является творением Божиим (Пс 8);
— исповедует свободу как один из важнейших законов Духа, рассматривая при этом грех как форму рабства (2 Кор 3.17; Ин 8.32; Рим 6.17);
— верит в возможность стяжания человеком Духа Божия, но, чтобы отличить это стяжание от болезненной экзальтации («прелести»), судит по плодам Духа (Гал 5.22–23);
— вслед за апостолом Павлом смотрит на человеческое тело как на храм Духа (1 Кор 6.19), хотя и несовершенный в силу падшего состояния природы; признает необходимость попечения о нем (1 Тим 5.23), если оно не переходит в «культ плоти»;
— верит в святость человеческой любви, если она соединена с ответственностью, верит в святость семьи и брака (Быт 218,23–24; Мф 19.5);
— в соответствии с соборными решениями смотрит на брак и на монашество как на «равночестные», если только монашество не принимается под влиянием честолюбия и других греховных мотивов;
— не отвергает добра, даже если оно исходит от людей безрелигиозных,

но отвергает насилие, диктат, ненависть, даже если они прикрываются именем Христовым (Мф 7.21; 21.28–31; Мк 9.40);
— рассматривает все прекрасное, творческое, доброе как принадлежащее Богу, как сокровенное действие благодати Христовой;
— считает, что зараженность той или иной сферы грехом не может служить поводом для ее отвержения. Напротив, борьба за утверждение Царства Божия должна вестись в средоточии жизни;
— сознает, что Евангелие «аскетично» не столько тенденцией бегства от мира, сколько духом самоотвержения, борьбой с «рабством плоти», признанием господства непреходящих ценностей (Мф 16.24);
— видит возможность реализовать христианское призвание человека во всем: в молитве, труде, созидании, действенном служении и нравственной дисциплине;
— не считает разум и науку врагами веры. Просвещенное духом веры знание углубляет наше представление о величии Творца (Пс 103; 3 Цар 4.33; Пс 88.6);
— открыт ко всем проблемам мира, полагая, что любая из них может быть оценена и осмыслена в свете веры;
— утверждает с апостолом, что свидетельство веры в мире есть прежде всего свидетельство служения и действенной любви (1 Кор 13);
— смотрит на общественную жизнь как на одну из сфер приложения евангельских принципов;
— признает гражданский долг человека (Рим 13.1), поскольку он не противоречит требованиям веры (Деян 4.19);
— не объявляет ту или иную систему правления специфически христианской. Ценность системы измеряется тем, что она дает человеку: целесообразностью и гуманностью.

Христианин верит в историю как поступательный процесс, который через испытания, катастрофы и борьбу восходит к грядущему сверхисторическому Царству Божию;
— относится сдержанно к концепции «неудавшейся истории», то есть убеждению, что правда Божия потерпела на земле полное поражение (против этого говорит Откр 20.1–6);
— верит, что, когда бы ни наступил последний Суд миру, человек призван трудиться на благо других, созидая царство добра, Град Божий;
— верит, что Суд уже начался: с того момента, когда Христос вышел на проповедь (Ин 3.19; 12.31);

— смотрит на посмертное состояние души человека как на временное и несовершенное, которое в грядущем восполнится всеобщим воскресением и преображением (Дан 7.13; Ин 5.28; Рим 8.11; Откр 20.11–15);
— знает, что Царство Божие, которое грядет, уже сегодня может воцариться «внутри нас» (Лк 9.27; 17.21).

Думаю, что в этом вы не найдете ничего нового, а просто одно из преломлений христианства изначального, древнего и, по слову Златоуста, «присно обновляющегося».

Пасха. Храм Сретения в Новой Деревне. 1990 г.

Приложение I

Даты жизни и служения

1935	22 января. В Москве у Владимира и Елены Мень родился сын Александр.
1943–1953	Учеба в 554-й московской школе.
1947–1950	Написаны первые литературные работы.
1953	Поступил в Московский пушно-меховой институт.
1955	Переезд вместе с институтом в Иркутск и продолжение учебы в Иркутском сельскохозяйственном институте.
1956	Женился на Наталии Григоренко. Написал первую часть очерка «Исторические пути христианства» — «Древняя Церковь».
1957	Родилась дочь Елена. Закончил вторую часть очерка — «Средние века».
1957–58	Работа над книгой «О чем говорит и чему учит Библия».
1958	Март. Отчислен из института из-за религиозных убеждений. 1 июня. Рукоположен в диаконы в Московском храме Ризоположения архиеп. Макарием Можайским (Деевым) и направлен на приход в подмосковный храм Покрова с. Акулово Одинцовского района (ст. Пионерская). Настоятелем был прот. Сергий Орлов.

1958–1960	Заочная учеба в Духовной семинарии в Ленинграде.
1958	Первая редакция «Сына Человеческого».
1959	Вторая редакция «Сына Человеческого».
1959–1966	Публикация статей в «Журнале Московской Патриархии».
1960	1 сентября. Рукоположен в священники в Донском монастыре еп. Стефаном (Никитиным). Назначен вторым священником в храме Покрова в пос. Алабино (50 км от Москвы). Вскоре назначен настоятелем Вторым священником в течение двух месяцев был о. Владимир Рожков, а потом — о. Сергий Хохлов. Родился сын Михаил. Начал писать многотомную историю религии «В поисках Пути, Истины и Жизни». Завершен 1-й том — «Истоки религии». Берет уроки иконописи.
1961–1963	Работа над 2-м томом истории религии — «Магизм и единобожие».
1963	Первая публикация в «Stimme der Ortodoxie» («Голос православия», орган Западно-Европейского экзархата РПЦ).
1964–1968	Учеба в Московской духовной академии. Защита кандидатской диссертации по теме: «Элементы монотеизма в дохристианской религии и философии».
1964	3 июня. Первый обыск в пос. Алабино. 23 (27) июля. Публикация клеветнической статьи в газете «Ленинское знамя». Перевод в Тарасовку, в храм Покрова (с. Черкизово) вторым священником. Настоятель — прот. Серафим Голубцов. 28 августа. Последнее служение в Алабино.

1965	Переезд в Семхоз в дом родителей жены, где для своей семьи пришлось достраивать второй этаж. 13 сентября. Обыск в Семхозе и Тарасовке. Дает интервью для фильма Михаила Калика «Любить». Завершена работа над 3-м томом — «У врат молчания». Дописаны главы для «Магизма и единобожия», посвященные античной цивилизации и религии. Новая редакция «Сына Человеческого».
1966	Знакомство с Анастасией Дуровой — эмигранткой из Франции, через которую рукописи о. Александра будут передаваться на Запад.
1967	Работа над 4-м томом — «Дионис, Логос, Судьба». Впервые по инициативе о. Александра напечатан в издательстве «Жизнь с Богом» в Брюсселе перевод В. Я. Василевской книги Франциска Сальского «Руководство к благочестивой жизни».
1968	Под псевдонимом Андрей Боголюбов в издательстве «Жизнь с Богом» вышел «Сын Человеческий» (псевдоним дан издательством). Работа по завершению общей редакции 4 томов. Начало работы над 5-м томом — «Вестники Царства Божия».
1969	В издательстве «Жизнь с Богом» в Брюсселе выходит «Небо на земле» (без указания автора; следующее издание вышло под названием «Таинство, Слово и Образ»).
1970	По личной просьбе переведен вторым священником в церковь Сретения в Новой Деревне (ст. Пушкино), где настоятелем был прот. Григорий Крыжановский. Продолжение работы над 5-м томом «Вестники Царства Божия». В издательстве «Жизнь с Богом» под псевдонимом Эммануил Светлов выходит книга «Истоки религии».

1971	Редакция шеститомника. В издательстве «Жизнь с Богом» под псевдонимом Эммануил Светлов выходят книги «Магизм и единобожие», «У врат молчания».
1972	Написана «Памятка православного христианина». В издательстве «Edizioni dehoniani» (Италия) под псевдонимом А. Павлов выходит книга для детей «Откуда явилось все это?». Завершение книг «Вестники Царства Божия», «Дионис, Логос, Судьба» и выход их в издательстве «Жизнь с Богом» под псевдонимом Эммануил Светлов.
1973	Работа над книгой «Как читать Библию» (руководство к чтению книг Ветхого Завета).
1974	Написаны «Памятка о молитве» (1-я редакция «Практического руководства к молитве») и детские книги: «Свет миру», «Соль земли».
1975	Написаны комментарии к Ветхому Завету. В Брюсселе выходит 2-е издание «Сына Человеческого». Работа над диафильмами по Евангелию.
1976	Середина года. Уходит на покой прот. Григорий Крыжановский; настоятелем назначен прот. Стефан Середний.
1977	Конец года. Создаются «малые группы» для совместного изучения Св. Писания и молитвы.
1978 – 1980	Написаны комментарии к Евангелиям и Апокалипсису. Переведен роман Грэма Грина «Сила и слава». Написаны новый вариант «Сына Человеческого», 1-й том серии «Лики святых» — книга об апостолах (первые 11 глав), сделан диафильм о Туринской плащанице. За эти годы (по частным просьбам соискателей кандидатской степени в МДА) написаны работы об эпохе Иисуса Навина, о ранних отцах Церкви и др.

1980	В издательстве «Жизнь с Богом» впервые с указанием имени автора и с предисловием архиеп. Иоанна Шаховского выходит книга «Таинство, Слово и Образ».
1981	В Брюсселе изданы 2-я, переработанная редакция книги «Истоки религии» (издание с указанием имени автора — А. Мень) и монография «Как читать Библию» (без библейских текстов).
1982–1983	По заказу МДА работа над учебником: «Опыт изложения основ ветхозаветной исагогики в свете работ русской библейско-исторической школы и новейших исследований», или «Исагогика»; закончена в 1983 г. Работа не принята ученым советом МДА.
1983	Начало работы над словарем по библиологии. Опубликованы книги «На пороге Нового Завета» под псевдонимом Эммануил Светлов (издательство «Жизнь с Богом» указывает год издания 1972-й, чтобы избежать проблем, связанных с подписанием СССР Конвенции об авторских правах) и 3-е, переработанное издание «Сына Человеческого». Весна. Назначение в Сретенский храм Новой Деревни нового настоятеля — прот. Иоанна Клименко вместо прот. Стефана Середнего. 20 декабря. Допрос в КГБ.
1984	Публикация статьи «Введение в христианскую веру и жизнь» (в помощь катехизатору) в журнале «Логос», № 41–44 (Брюссель). Вызовы на допросы по делу Сергея Маркуса.
1985	9 сентября. Вызов в Совет по делам религий на допрос с требованиями назвать активных прихожан и выступить в прессе с раскаянием.
1986	Написаны тезисы доклада об ап. Павле для Лувенского университета (Бельгия), которые впервые официально

через Московскую Патриархию отправлены за рубеж.
10 и 11 апреля. Публикация в газете «Труд» статей с обвинениями в организации религиозных кружков, нелегальном распространении магнитофонных записей лекций.
В издательстве «Жизнь с Богом» переизданы книги «Магизм и единобожие», «Вестники Царства Божия», «У врат молчания»

1987 Первый выезд за границу: поездка в Польшу по частному приглашению.
Публикация в «Богословских трудах» статьи «О русской православной библеистике» (первая публикация после 1966 г. в официальном издании РПЦ).

1988 2 февраля. Награждение митрой.
11 мая. Первая публичная лекция в Доме культуры Московского института стали и сплавов.
(9?)19 октября. Первое выступление в школе.
Первая публикация в светском издании (журнал «Горизонт», № 10) статьи «Не сводить счеты, а начать свободный диалог».

1989–1990 Опубликовано в различных периодических изданиях около 30 статей.
Прочитаны циклы лекций:
«Библейская история» (Дома культуры: «Красная Пресня», «Октябрь», им. Горького);
«История мировой духовной культуры»;
«Библия и литература»;
«История Церкви»;
«Жизнь после жизни»;
Никео-Цареградский Символ веры;
«Верую…». Беседы о Символе веры;
«Русская религиозная философия»;
Курс по библеистике — Ветхий Завет (в Московском историко-архивном институте, сейчас РГГУ).
Всего прочитано около 200 лекций.

1989 Январь. Создание группы милосердия в Республиканской детской клинической больнице.
Март. Два раза в месяц ведет часовую передачу на радио на тему: «Книга книг — Библия и культура».
Написан сценарий радиопьесы «Моисей», где о. Александр озвучивает Моисея.
Октябрь. Поездка на конференцию в Италию. Выступление с докладом в Бергамо. На пути от Милана до Рима читает лекции и проповеди.
Ноябрь. Прот. Александр назначен настоятелем Сретенского храма в Новой Деревне.
26 ноября. Первое выступление по ТВ.
Съемки в фильме режиссера Карине Диланян «Будет ли коммунизм?»
Декабрь. Принят в Московский историко-архивный институт преподавателем для чтения лекций по библеистике (почасовиком).

1990 Май. Поездка в Германию, выступление на российско-германском Вайнгартенском симпозиуме «Индивидуальное и массовое сознание».
Поездка в Брюссель, личное знакомство с директором издательства «Жизнь с Богом» Ириной Михайловной Посновой и о. Антонием Ильцем.
Апрель. Пасхальное выступление в спорткомплексе «Олимпийский».
Доклад на советско-американском симпозиуме, посвященном правам и достоинству человека в христианстве и иудаизме: «Человек в библейской аксиологии».
Весна и лето. Один из инициаторов воссоздания Российского библейского общества, президентом которого по предложению о. Александра стал С. С. Аверинцев.
Основаны Общедоступный православный университет и общество «Культурное возрождение». Сформирована редакция журнала «Мир Библии».
Передан в журнал «Смена» сокращенный вариант

«Сына Человеческого» с просьбой перечислить гонорар на строительство церкви-крестильни в Новой Деревне.
Подготовлен новый вариант книги «Как читать Библию» с включенными в нее библейскими текстами, и идут переговоры об ее издании в Риге.
Подготовлен новый вариант детской книжки «Свет миру», переданный в издательство «Малыш».
Подготовлен сборник статей «Трудный путь к диалогу» с предисловием митр. Антония Сурожского и передан в издательство «Радуга».
Написана статья «Парадоксы Альберта Швейцера (вместо послесловия)» для издательства «Прометей» к книге Альберта Швейцера «Упадок и возрождение культуры».
Закончена работа над «Библиологическим словарем» с подборкой 700 иллюстраций.
Идет работа по созданию воскресной школы.
Осуществлена серия религиозных передач для детей на радио. Участие в нескольких телевизионных передачах.
Объявлен цикл лекций «Читаем Библию» в ДК «Серп и молот» (начало цикла было запланировано на16 сентября).
2 сентября. Открытие воскресной школы при Сретенском храме в Новой Деревне.
8 сентября. Открытие Общедоступного православного университета. Первая лекция в Доме науки и техники — «Христианство».
9 сентября. Убит недалеко от своего дома в поселке Семхоз по дороге на службу в Сретенский храм.
11 сентября. Отпевание в Сретенском храме совершили правящий архиерей Московской епархии — митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков) и 16 священников. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (Ридигер) передал послание, которое было зачитано на отпевании.
Похоронен в ограде храма Сретения в Новой Деревне.

Приложение II

Перечень трудов протоиерея Александра Меня

Прижизненные издания, вышедшие за границей:

1. Сын Человеческий
2. Истоки религии
   О религиозном сознании, вере и науке, происхождении зла, религиозно-философское понимание эволюции и прогресса
3. Магизм и единобожие
   Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей
4. У врат молчания
   Духовная жизнь Китая и Индии в середине первого тысячелетия до нашей эры
5. Дионис, Логос, Судьба
   Греческая религия и философия от эпохи колонизации до Александра
6. Вестники Царства Божия
   Библейские пророки от Амоса до Реставрации (7–4 вв. до н. э.)
7. На пороге Нового Завета
   Религиозные пути человечества накануне христианской эры. Мистики и созерцатели Индии, скептики и отшельники Греции, стоики Рима, мудрецы и мученики Израиля — мир, в котором родился Спаситель
8. Таинство, Слово и Образ (Небо на земле)
9. Как читать Библию
10. Откуда явилось все это

П. 2–7 составляют серию с общим подзаголовком «В поисках Пути, Истины и Жизни».

Псевдонимы: Андрей Боголюбов, Эммануил Светлов, А. Павлов

Посмертные издания:

Переизданы п. 1–8;
п. 9 (новое издание с библейскими текстами, подготовленными автором);
п. 10 (включен в сборник «Свет и Жизнь»).

Книги, составленные по рукописям, статьям, по фонограммам проповедей, лекций, выступлений, бесед:

1. Исагогика. Курс по изучению Священного Писания. Ветхий Завет. *Рукопись*
2. Библиологический словарь. *Рукопись*
3. Трудный путь к диалогу. Сборник статей. *Составлен о. Александром*
4. Практическое руководство к молитве. *Составлена по рукописи с приложениями*
5. Радостная Весть. Избранные лекции. *Составлена по фонограммам*
6. Свет во тьме светит. Избранные проповеди. *Составлена по фонограммам*
7. Культура и духовное восхождение. Сборник текстов из книг, статей, лекций, бесед
8. Мировая духовная культура. Лекции. *Составлена по фонограммам*
9. Библия и литература. Лекции. *Составлена по фонограммам*
10. Верую… Беседы о Символе веры. *Составлена по фонограммам*
11. Русская религиозная философия. Лекции. *Составлена по фонограммам*
12. Домашние беседы о Христе и Церкви. *Составлена по фонограммам*
13. Мировая духовная культура, христианство, церковь. Сборник из п. 8–12.
14. Тайна жизни и смерти. Лекции, проповеди, беседы. *Составлена по фонограммам*
15. Читая Апокалипсис. Беседы об Откровении Иоанна Богослова. *Составлена по фонограмме*
16. Свет миру. Книга для детей. *Рукопись*
17. Спаситель. Евангельская история, предназначенная для юного читателя. *Рукопись*

18. Магия, оккультизм, христианство. Сборник статей из разных книг, лекций, проповедей, бесед
19. Первые апостолы. *Неоконченная рукопись*
20. Отец Александр отвечает на вопросы. *Составлена по фонограммам*
21. Прости нас, грешных. Слово перед исповедью. *Составлена по фонограммам*

Сборники, составленные по книгам и рукописям:

1. Свет и Жизнь. *Составлен по рукописям о. Александра с дополнительными текстами от составителей*
2. История религии. Учебное пособие для средней школы. *I часть составлена по книгам серии «В поисках Пути, Истины и Жизни» и «Сын Человеческий», II часть — по 2-томной рукописи «Исторические пути христианства» и лекциям*

Брошюры

1. Мир Библии. Статья
2. Смертью смерть поправ. Сборник рукописей, проповедей, бесед
3. Проповеди. Пасхальный цикл. *Составлена по фонограммам*
4. Проповеди. Двунадесятые праздники и евангельские чтения. *Составлена по фонограммам*
5. Слово отца Александра. Отрывки из сценариев
6. Быть христианином. Радиобеседа, лекция. *Составлена по фонограммам*
7. Урод. Сказка о происхождении человека. *Составлена по фонограмме*
8. Мои дорогие… Сборник различных фрагментов

Переписка

1. *Диана Виньковецкая*. Ваш о. Александр
2. Умное небо. Переписка с монахиней Иоанной — Ю. Н. Рейтлингер
3. Из современных проблем Церкви. Переписка с о. Всеволодом Рошко

Книги об Александре Мене

1. Памяти протоиерея Александра Меня
2. Aequinox. Сборник памяти о. Александра Меня
3. И было утро. Воспоминания об о. Александре Мене
4. Вокруг имени отца Александра Меня
5. *В. Я. Василевская.* Катакомбы XX века
6. *Ив Аман.* Александр Мень — свидетель своего времени
7. *З. А. Масленикова.* Жизнь отца Александра Меня
8. *А. И. Зорин.* Ангел-чернорабочий
9. *С. С. Бычков.* Хроника нераскрытого убийства
10. *С. А. Рукова.* Отец Александр Мень
11. *А. А. Еремин.* Отец Александр Мень — пастырь на рубеже столетий
12. Реки воды живой (Воспоминания В. Файнберга, В. Леви, М. Завалова, М. Журинской)
13. *С. Домбровская.* Пастырь

Краткие названия трудов о. Александра,
упомянутые в данной книге:

Краткое	*Полное название*
«Магизм»	«Магизм и единобожие»
«Пророки»	«Вестники Царства Божия»
«Жития»	«Жития святых»
«Исторические пути»	«Исторические пути христианства»
«Библия»	«О чем говорит и чему учит Библия»
«В поисках Пути», «Шеститомник»	«В поисках Пути, Истины и Жизни»

Издательский дом «Жизнь с Богом»

125047, г. Москва, ул. Тверская-Ямская 1-я, 7.
Тел./факс редакции: (495) 629-52-62
E-mail: lwg3@yandex.ru

В конце Второй мировой войны Ирина Михайловна Поснова, дочь русского эмигранта М. Э. Поснова, известного православного историка Церкви, профессора Киевского университета и Софийской Духовной академии, встретила в Бельгии русских, заброшенных на Запад войной. Это были люди, только что освобожденные из немецких концлагерей и размещенные в лагерях для беженцев, раскиданных по всей Западной Европе. Мучительные испытания поставили перед ними главные вопросы человеческого бытия — вопросы духовные.

Для помощи своим соотечественникам Ирина Михайловна основала в Брюсселе христианское издательство — «Жизнь с Богом», которое много лет выпускало литературу, ориентируясь на читателя, образ мыслей которого сформировался в атеистическом государстве. В конце 50-х годов Ирина Михайловна решила, что нужно адресовать книги издательства тем, кто живет в СССР. Издание и распространение книг требовали не только сбора средств, но и умения переправить эти книги через «железный занавес».

К концу 80-х годов каталог издательства насчитывал более сотни названий. Среди лучших его изданий — знаменитая Брюссельская Библия и Новый Завет на русском языке с комментариями.

Брюссельское издательство «Жизнь с Богом» было одним из наиболее интересных и эффективных религиозных издательств в эмиграции и немало сделало для духовного возрождения России. Как и многие другие эмигрантские объединения после начала перестройки издательство «Жизнь с Богом» было закрыто.

В настоящее время в Москве зарегистрирована организация «Издательский дом “Жизнь с Богом“», в задачи которой входит продолжение традиции Брюссельского издательства в проповеди христианства в современном мире.

Общедоступный православный университет
основанный протоиереем Александром Менем

113035, г. Москва, Раушская наб., 4/5.
Тел./факс: (495) 959-33-01
E-mail: amen@mznov.ru

Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем в 1990 году, — негосударственное, светское, некоммерческое учебное заведение, дающее высшее христианское гуманитарное образование.

Университет дает навыки мышления, информацию, мировоззренческие принципы, которые не преподаются в традиционных светских вузах.

Университет предлагает своим слушателям курсы различной направленности и насыщенности в зависимости от наличия или отсутствия у абитуриента высшего образования и от характера этого образования.

Выпускники Университета получают диплом бакалавра религиоведения или политологии либо свидетельство о прослушанных курсах.

Общедоступный православный университет предлагает обучение на факультете религиоведения, на котором студенты изучают библеистику и богословие, философию, историю Церкви и культуры.

Обучение в Университете позволяет выпускнику приобрести гуманитарное образование на уровне европейских стандартов, соединить свое профессиональное призвание с решением главных жизненных вопросов, понять место христианства в современной европейской цивилизации.

При поступлении в Университет проводится собеседование, заменяющее вступительный экзамен. Обучение проводится без отрыва от основной работы. Занятия в Университете проходят по будним дням в вечернее время и по воскресным дням в дневное время. В зависимости от уровня подготовки студентам предлагаются курсы древних и новых языков, освоение компьютерных информационных технологий.

Обучение длится 4 года. Для студентов 3–4-х курсов, желающих получить гуманитарное христианское образование, начинается специализация в области библеистики, богословия, философии и церковной истории.

Александр Мень. *О себе...*

Подписано к печати 01.07.2007
Формат 70x100/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ. л. 8
Тираж 5000 (1000 — первый завод)
Заказ № 373

Издательский дом «Жизнь с Богом»
Тел. (495) 629-52-62

Книгу можно приобрести в храме
свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине
по адресу: 103009, Москва, Столешников пер., 2,
или заказать и получить наложенным платежом
по адресу: 123104, Москва, а/я 24,
«Новое книжное агентство» (книга — почтой).
Тел.: (495) 229-31-23 e-mail: biblio@cityline.ru

ISBN 978-5-903612-08-6